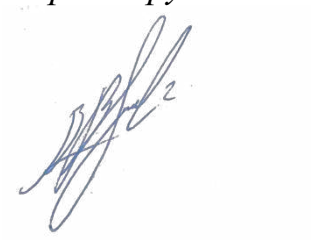
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СТЕБЛЕНКО ВЛАДИСЛАВ ВАДИМОВИЧ

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
(региональная экономика)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, профессор
Ершова Ирина Геннадьевна

Курск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ 13
1.1. Понятия межрегиональной экономической дифференциации 13
1.2. Теории межрегиональной экономической дифференциации 21
1.3. Концептуальная модель межрегиональной экономической дифференциации 41
Выводы по 1 главе 53
ГЛАВА 2. МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ 56
2.1. Методики оценки межрегиональной экономической дифференциации 56
2.2. Методический подход к оценке межрегиональной экономической дифференциации 76
2.3. Инструменты пространственной кластеризации регионов по уровню экономического развития 118
Выводы по 2 главе 128
ГЛАВА 3. ИНСТРУМЕНТАРИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРЕОДОЛЕНИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ 130
3.1. Комплексная многомерная типология регионов в рамках региональной политики 130
3.2. Система мер региональной политики на основе типологии регионов 167
3.3. Комплекс мер региональной политики на примере Курской области 183
Выводы по 3 главе 199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 201
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 205
ПРИЛОЖЕНИЯ 223
Приложение А 223
Приложение Б 229
Приложение В 230
Приложение Г 238

Приложение Д..... 250

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Неоднородность экономического развития регионов России является одной из фундаментальных проблем современной России. Эмпирические данные свидетельствуют о сохранении высокой степени неоднородности экономического пространства страны. Центральный федеральный округ стабильно формирует около 35% суммарного ВРП России, Москва – 22%, а вклад десяти крупнейших регионов в национальную экономику составляет более 60%. При этом на десять наименее развитых субъектов Федерации приходится лишь 1% совокупного валового регионального продукта.

Актуальность темы подтверждается стратегическими документами федерального уровня. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» устанавливает в качестве целевых ориентиров снижение уровня бедности, сокращение коэффициента Джини по доходам до 0,33 к 2036 году, а также уменьшение разрыва в уровнях бюджетной обеспеченности между 10 наиболее и 10 наименее обеспеченными субъектами РФ не более чем до двух раз. Новая Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 года закрепляет принцип дифференцированного подхода к развитию различных территорий, что требует научно обоснованной типологизации регионов и разработки адресных мер политики.

Несмотря на значительный объем накопленных знаний, в научной литературе сохраняется ряд пробелов. Во-первых, существует дефицит работ, синтезирующих разрозненные теоретические подходы в единую концептуальную модель, раскрывающую взаимодействие институциональных, агломерационных, кумулятивных и макроэкономических механизмов дифференциации. Во-вторых, в эмпирических исследованиях преобладает использование одного-двух показателей дифференциации без их сопоставления, что ограничивает понимание структурных сдвигов в распределении. В-третьих, пространственный анализ межрегиональной

дифференциации редко сопровождается формальной проверкой гипотезы о пространственной кластеризации регионов со схожим уровнем развития. В-четвертых, существующие типологии регионов, как правило, либо излишне агрегированы, либо основаны на сложных методах кластеризации, что хорошо для фундаментальной науки, но имеет ограничение для их практического применения в государственном управлении.

Таким образом, существует объективная научная и практическая потребность в комплексном исследовании, которое объединяет теоретический анализ инструментов межрегиональной экономической дифференциации, разработку методического подхода к её количественной и пространственной оценке, типологизацию регионов, а также построение на этой основе системы дифференцированных мер региональной политики.

Степень разработанности темы. Теоретические основы межрегиональной экономической дифференциации заложены в трудах: Дж. Аджемоглу, А. Вебера, Т. Вербурга, К. Френкена, В. Кристаллера, П. Кругмана, А. Лёша, Р. Мартина, Г. Мюрдаля, Д. Норта, Ф. Оорта, Ф. Перру, М. Портера, П. Санли, И.Г. фон Тюнена, Дж. Фридмана. Среди отечественных ученых значительный вклад внесли А.Г. Гранберг, Н.Н. Колосовский, Л.Э. Лимонов, П.А. Минакир, Н.Н. Некрасов.

Развитие методических подходов к измерению межрегиональной дифференциации и пространственной связи регионов, а также их оценка представлены в трудах: Р.И. Васильевой, А.В. Волковой, Г.Ю. Гагариной, К.П. Глущенко, О.А. Демидовой, С.В. Дорошенко, Д.Ю. Землянского, Н.В. Зубаревич, Э. Камаловой, Е.А. Коломак, Н.А. Кулагиной, В.Н. Лившица, М.Ю. Малкиной, И.В. Манаевой, Н.Н. Михеевой, С.Г. Сафронова, О.М. Шаталовой.

Типологизация регионов и дифференциация региональной политики представлены в работах: А.Г. Бездудной, Е.А. Бессоновой, Е.М. Бухвальда, Д.Д. Вавиловой, Н.Ю. Власовой, Л.А. Гамидуллаевой, Л.М. Григорьева, И.В. Гришиной, Н.В. Жахова, Д.И. Жилякова, Е.В. Касаткиной, К.В. Кетовой, Т.С. Колмыковой, О.В. Кузнецовой, В.Н. Лексина, Ю.С. Положенцевой, А.О.

Полынева, Ю.М. Протасова, Н.А. Росляковой, Г.А. Сатарова, О.В. Святовой, Е.А. Стрябковой, Т.Ю. Ткачевой, Т.О. Толстых, И.А. Трониной, Ю.В. Урожаевой.

Несмотря на значительный вклад указанных авторов, комплексные исследования, объединяющие теоретический синтез, эмпирическую оценку с учётом пространственных взаимодействий и построение прикладной типологии регионов, отсутствуют, что определило цель и задачи настоящей диссертационной работы.

Объект исследования – межрегиональная экономическая дифференциация как сложное многофакторное явление пространственного развития.

Предмет исследования – закономерности, факторы, методы оценки и инструменты регулирования межрегиональной экономической дифференциации.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является развитие теоретических подходов и разработка инструментария для оценки межрегиональной экономической дифференциации.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Разработать концептуальную модель межрегиональной экономической дифференциации.
2. Разработать методический подход к оценке межрегиональной экономической дифференциации.
3. Сформировать пространственную кластеризацию регионов России по уровню экономического развития.
4. Предложить комплексную многомерную типологию регионов в рамках межрегиональной экономической дифференциации.
5. Разработать систему мер региональной политики межрегиональной экономической дифференциации.

Научная гипотеза исследования состоит в том, что межрегиональная экономическая дифференциация носит не случайный и временный, а закономерный и устойчивый характер, что обусловливает необходимость перехода

к адресным мерам региональной политики, направленным на эффективное сглаживание межрегиональной дифференциации.

Направление исследования. Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика», специализации «Региональная экономика». Направления исследования: 1.6. Мониторинг социально-экономического развития регионов. Региональная экономическая динамика; 1.9. Проблемы региональной социально-экономической дифференциации. Инструменты сглаживания региональных диспропорций в национальной экономике; 1.11. Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области региональной и пространственной экономики, экономической географии, институциональной экономики, теорий экономического роста и региональной экономической политики.

Для решения поставленных задач применялся комплекс общенаучных и специальных методов. На теоретическом этапе исследования использовались методы системного анализа, синтеза, индукции и дедукции, сравнительного анализа, что позволило систематизировать теоретические подходы к объяснению сущности межрегиональной экономической дифференциации и разработать концептуальную модель. Эмпирический анализ базировался на экономико-статистических методах, включая расчет темпов роста и прироста, абсолютных и относительных показателей вариации, коэффициента Джини, индекса Тейла и его декомпозицию на межокружную и внутриокружную компоненты, расчет ранговых показателей дифференциации на основе децильного и процентильного подходов. Анализ выполнен с применением методов пространственной статистики, в том числе расчет глобального и локального индексов автокорреляции Морана с построением матрицы пространственных весов по принципу географического соседства. Типологизация регионов проведена на основе порогового метода с

использованием метода Тьюки для выделения экстремальных значений и логарифмированием показателей с асимметричным распределением.

Обработка данных, расчеты и визуализация выполнены с использованием программных пакетов MS Excel (расчет темпов прироста ВРП, коэффициента вариации, ранговых показателей), GeoDa (расчет глобального и локального индексов Морана), языка программирования R (пакеты dplyr для обработки данных, ggplot2, ggrepel и scales для построения и оформления графиков типологии, ineq для расчета коэффициента Джини и индекса Тейла) и QGIS (построение карт пространственных кластеров).

Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) за 1998–2025 гг. по субъектам Российской Федерации, нормативные правовые акты Российской Федерации, а также документы стратегического планирования федерального и регионального уровней.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в развитии теоретических, методических и практических положений оценки межрегиональной экономической дифференциации, путем обоснования необходимости перехода к адресной региональной политике на основе многомерной типологии регионов и учета пространственных взаимодействий.

Положения, выносимые на защиту:

1. Разработана концептуальная модель межрегиональной экономической дифференциации, которая, в *отличие* от существующих подходов, фокусирующихся на отдельных аспектах пространственной дифференциации, интегрирует шесть групп взаимосвязанных факторов (институциональную среду, первичные условия, накопленный потенциал, агломерационные механизмы, кумулятивные процессы и макроэкономические механизмы), что *позволяет* формировать единую аналитическую рамку для эмпирических исследований и выбора направлений региональной политики (п. 1.9 Паспорта специальности 5.2.3).

2. Разработан методический подход к оценке межрегиональной экономической дифференциации, который, в *отличие* от разрозненного применения отдельных показателей, включает расчеты темпов роста региональных экономик и их вклада в экономику, совместное использование коэффициента вариации, коэффициента Джини и индекса Тейла с декомпозицией и последующим сравнительным анализом показателей, расчет ранговых показателей дифференциации, что *позволяет* оценивать межрегиональную дифференциацию, выявлять периоды разнонаправленной динамики измерителей дифференциации, оценивать вклад межокружных и внутриокружных различий в общую межрегиональную дифференциацию (п. 1.6 Паспорта специальности 5.2.3).

3. Сформирована пространственная кластеризация регионов России по уровню экономического развития с помощью расчетов индексов Морана, что, в *отличие* от работ, где пространственная кластеризация постулируется на основе визуального анализа или качественных оценок, *позволило* формально-статистически оценить пространственную кластеризацию регионов (глобальный индекс Морана) и количественно выделить кластеры регионов «богатые среди богатых» и «бедные среди бедных» (локальный индекс Морана), что эмпирически *обосновывает* необходимость учета пространственных взаимодействий при разработке региональной политики (п. 1.6 Паспорта специальности 5.2.3).

4. Предложена комплексная многомерная типология регионов, включающая в себя четыре основные сферы развития регионов (экономическая, социальная, инновационная и демографическая) с уникальным набором показателей и основанная на использовании двухмерной системы координат в каждой сфере со статистическими критериями выделения типов регионов, что *отличает* ее от одномерных типологий с произвольным назначением порогов и использованием ограниченного объема показателей и *позволяет* обосновать меры региональной политики в рамках управления межрегиональной экономической дифференциацией (п. 1.9 Паспорта специальности 5.2.3).

5. Разработана система мер региональной политики межрегиональной экономической дифференциации, которая, в *отличие* от унифицированных подходов к региональной политике, связывает выделенные типы регионов и пространственные кластеры с конкретными направлениями государственной политики, что *позволяет* сглаживать межрегиональную экономическую дифференциацию (п. 1.11 Паспорта специальности 5.2.3).

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научных представлений о механизмах формирования межрегиональной экономической дифференциации. Разработанная концептуальная модель объединяет положения классических, кумулятивных, макроэкономических, институциональных и других теорий в единую аналитическую схему. На основе систематизации методик разработан методический подход к оценке межрегиональной экономической дифференциации, сочетающий расчет индексов дифференциации, их декомпозицию и сравнение; предложена комплексная многомерная типология регионов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов федеральными и региональными органами управления при оценке результативности государственной политики, а также разработке и корректировке документов стратегического планирования: стратегии пространственного развития РФ, государственных программ регионального развития, программ социально-экономического развития регионов. Разработанный методический подход на основе статистических методов позволяет объективно измерять межрегиональную экономическую дифференциацию. Предложенные типология и матрицы мер политики дают возможность более точно адресовать направления поддержки тем группам регионов, для которых они наиболее актуальны. Разработанная система мер региональной политики может быть включена в документы стратегического планирования.

Степень достоверности и апробация результатов. Диссертация является самостоятельно выполненным научным исследованием, в котором разработан

инструментарий оценки межрегиональной экономической дифференциации. Все результаты исследования, изложенные в диссертации, получены автором лично и отражены в научных публикациях.

Достоверность полученных результатов обеспечивается анализом фундаментальных теоретических положений, изложенных в трудах ведущих отечественных и зарубежных ученых в области региональной и пространственной экономики; использованием официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата) за длительный временной период (1998–2025 гг.); применением апробированных экономико-статистических методов и методов пространственной статистики.

Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждены и получили одобрение на международных и всероссийских научно-практических конференциях: «Эффективное развитие региональных социально-экономических систем в современных реалиях: инновации, устойчивость и безопасность» (Владимир, 2023 г.), «Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития» (Донецк, 2024 г.), «Исторические, философские, методологические проблемы современной науки» (Курск, 2024 г.), «Экономическое развитие России: тенденции, перспективы» (Нижний Новгород, 2025 г.), «Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики» (Самара, 2025 г.), «Предпринимательство и сервис: стратегии и инновации для устойчивого развития» (Орёл, 2025 г.).

Теоретические и практические результаты исследования используются в деятельности Курской областной думы, АНО «Центр «Мой бизнес» Курской области, АНО «Ресурсный центр развития образования и занятости 2035», а также в образовательном процессе Юго-Западного государственного университета при преподавании дисциплин экономического профиля (подтверждено документами).

Публикации. Основные положения и результаты исследования нашли отражение в 12 научных работах общим объемом 6,98 п.л. (авторский вклад 4,47

п.л.), в том числе 5 статей, опубликованных в научных журналах, определенных ВАК для публикации результатов научных исследований.

Структура диссертационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников (160 наименований) и приложений. Общий объем диссертации составляет 257 страниц машинописного текста, включая 68 таблиц и 32 рисунка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

1.1. Понятия межрегиональной экономической дифференциации

Данная глава ставит своей целью систематизацию и уточнение теоретических основ изучения межрегиональной экономической дифференциации. В параграфе 1.1 сформирован понятийный каркас всего настоящего исследования, раскрыты сущность и содержание ключевых понятий. Параграф 1.2 посвящен рассмотрению теорий межрегиональной экономической дифференциации. В параграфе 1.3 на основе теорий из 1.2 создана концептуальная модель межрегиональной экономической дифференциации.

В первую очередь для нашего исследования необходимо определиться с понятием «регион». Понятие «регион» является центральным для пространственного анализа. В научной литературе не существует единого универсального определения, что подчеркивает многогранность этого объекта. Отдельное внимание необходимо уделить понятию «района» и его взаимоотношения с понятием «регион». В параграфе используются результаты автора, опубликованные в статье[1].

В понятийно-терминологическом словаре Э.Б. Алаева отмечается, что «в географии и региональной экономике термин регион употребляется довольно многозначно»[2]. Автор предлагает использовать термин «регион» как синоним термина «район». Район же определяется как «территория (геотория), по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов,

[1] Стебленко В. В. Обзор определений понятия «регион» в российской региональной экономике и социально-экономической географии. Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2024. С. 196–200.
[2] Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 45.

целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории»[3]. Также автор словаря подчеркивает, что термин регион более «эластичный».

Смесь двух терминов в русском языке связано с тем, что в советское время в социально-экономической географии ведущую роль занимала районная школа. Именно слово «район» использовалось в основных понятиях и исследованиях тех времен.

В современном словаре социально-экономической географии приводится следующее определение: «Регион – многозначный термин, вытесняющий из научного и повседневного использования слово район. Вне географии (в последнее время – и среди многих географов) применяется как синоним термина «район» и наделяется его имманентными свойствами. В русский язык вошел в конце XIX века как иностранное слово с дословным переводом «region»[4]. «Районный анализ предполагает упреждающее районирование и установление сетки районов, которую географы используют для дальнейших исследований. При региональном анализе можно использовать относительно произвольные территориальные ячейки. В региональных науках в качестве последних обычно выступают административно-территориальные единицы, по которым имеется статистическая информация. Для регионального анализа их внутренняя структура второстепенна, они могут быть представлены в виде «информационных точек». Любой район является регионом, но не любой регион является районом»[5].

В работе советского экономиста и академика АН СССР Н.Н. Некрасова под регионом понимается «…крупная территория страны с более или менее однородными природными условиями, а главным образом характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной

[3] Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 67.
[4] Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 209.
[5] Там же. С. 210.

материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой»[6].

Н.Н. Некрасов дал более узкое определение. Он ограничился тем, что регион – это крупная территория внутри страны. Также сделан акцент на экономическую направленность. На наш взгляд данное определение методологически хуже, потому что хорошее определение не должно зависеть от контекста, насколько это возможно. С другой стороны, сугубо для исследований по региональной экономике такое определение более понятное и конкретное.

А.Г. Гранберг, автор известного в России учебника по основам региональной экономики, дает следующее определение: «Регион – это определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов. Синонимом понятия «регион» является «район». Ранее термин «район» был более употребительным в русском языке, нежели «регион»[7]. Определение региона А.Г. Гранберга схоже с определением района социально-экономических географов. В данном случае ученый утверждает, что нет разницы между «регионом» и «районом».

Отдельно следует отметить следующее замечание автора: «Введенное понятие региона является весьма абстрактным («регион вообще») и предполагает, что его конкретизация и содержательная интерпретация осуществляются при выделении определенных типов регионов. Итак, регион – понятие типологическое. Регионы выделяются из территории в соответствии с определенными целями и задачами»[8]. Исходя из этого, определение Н.Н. Некрасова, данное ранее, можно назвать конкретным определением региона для целей и задач изучения региональной экономики.

В современном учебнике по региональной экономике под общей редакцией Л. Э. Лимонова регион определяется как «территория, которая по тем или иным

[6] Некрасов Н. Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы. Экономика, 1978. С. 29.
[7] Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. Учеб. для студентов вузов, обучающихся по экон. направлениям и специальностям. Москва: ГУ ВШЭ, 2001. С. 15.
[8] Там же. С. 15.

признакам отличается от других территорий, но при этом не совпадает с территорией страны / государства»[9].

Данное определение еще больше «развязывает» понятие региона для исследователей. Необходимость единства и целостности региона в данном определении отсутствует. Определение региона зависит от того критерия, признака, по которому территории были объединены или раздроблены. Нужно только наличие отличительных признаков (критериев). Также отмечено, что государство не может быть регионом. Исходя из этого определения, регион – это или часть территории внутри государства или что-то, что включает территории государств на основе каких-то признаков.

«Близким и фактически синонимичным понятию «регион» является понятие «район» (за исключением использования его в политико-административном значении; в этом случае район — это один из видов муниципальных образований в Российской Федерации и некоторых других государствах)»[10]. В данном случае «регион» и «район» вновь признаны синонимами.

Для наглядного сравнения данных определений понятия «регион» была составлена таблица 1.1. Авторы дают схожие, но отличные определения региону. В целом, можно отметить территориальную обусловленность региона. Регион – часть какой-то выделенной территории.

Выделять регион можно по-разному. Как минимум, нужен какой-то критерий, на основе которого можно определить регион. Как максимум, отобранные территории должны быть целостными, с внутренне детерминированной территориальной структурой и с взаимосвязанностью внутренних элементов.

[9] Лимонов Л. Э. и др. Региональная экономика и экономическая география: учебник для вузов, 3-е издание. Юрайт, 2023. С. 26.
[10] Там же. С. 27.

Таблица 1.1 – Обзор определений понятия «регион»

Источник	Определение
Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983 – 289 с.	«Регион» является синонимом «района»[11]. «Район – территория (геотория), по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной территории»[12].
Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013 – 328 с.	«Под районом в географии обычно понимается часть территории (акватории), обладающая свойством целостности и внутренне детерминированной территориальной структурой. Для региона данные свойства вторичны, первостепенное значение придается таким параметрам, как местоположение (например, Уральский или Скандинавский регион), элементный состав (перечень входящих в него территориальных ячеек) и/или границы»[13].
Некрасов Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. – М.: Экономика, 1978 – 343 с.	«…крупная территория страны с более или менее однородными природными условиями, а главным образом характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой»[14].
Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 495 с.	«Регион – это определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов. Синонимом понятия «регион» является «район». Ранее термин «район» был более употребительным в русском языке, нежели «регион»[15].
Региональная экономика и экономическая география: учебник для вузов / Л. Э. Лимонов [и др.]; под общей редакцией Л. Э. Лимонова; под редакцией Н. Ю. Одинг, О. В. Русецкой. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 377 с.	«Регион – территория, которая по тем или иным признакам отличается от других территорий, но при этом не совпадает с территорией страны / государства»[16]. «Близким и фактически синонимичным понятию «регион» является понятие «район»[17].

Источник: составлено автором в статье[18]

[11] Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. С. 67.
[12] Там же.
[13] Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 209.
[14] Некрасов Н. Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы. Экономика, 1978. С. 29.
[15] Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. Учеб. для студентов вузов, обучающихся по экон. направлениям и специальностям. Москва: ГУ ВШЭ, 2001. С. 15.
[16] Лимонов Л. Э. и др. Региональная экономика и экономическая география: учебник для вузов, 3-е издание. Юрайт, 2023. С. 26.
[17] Там же. С. 27.
[18] Стебленко В. В. Обзор определений понятия «регион» в российской региональной экономике и социально-экономической географии. Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2024. С. 196–200.

Определения с наибольшим количеством требований, на наш взгляд, стирают разницу между понятиями «регион» и «район». В этом заключается объяснение, почему одни авторы говорят о синонимичности двух терминов, а другие видят отличия в менее «жестком» представлении региона относительно района. Важно то, что конкретное содержание понятия «регион» варьируется в зависимости от контекста и цели исследования:

1. В административно-территориальном аспекте регион – это субъект государства (республика, край, область и т.д.).

2. В экономическом аспекте регион зачастую рассматривается как подсистема национальной экономики.

3. В социально-географическом аспекте акцент делается на единстве среды жизнедеятельности населения, систем расселения и инфраструктуры.

В рамках настоящего исследования под регионом понимается субъект Российской Федерации как основная единица статистического наблюдения и управления, обладающая признаками целостности и относительной обособленности в социально-экономическом пространстве страны.

Несколько регионов могут составлять макрорегион, под которым В.Н. Лексиным и Б.Н. Порфирьевым понимается «выделенные для достижения конкретной общегосударственной цели (геополитической, внешнеэкономической, природоохранной и др.) часть или несколько частей территории страны, выходящие за границы одной административно-территориальной единицы (субъекта РФ, земли, штата, провинции и т.п.) и располагающиеся на территории нескольких административно-территориальных единиц»[19]. Данное определение учитывает практику создания макрорегионов в России и других странах и акцентирует внимание на целевом назначении выделения макрорегионов. Как отмечает О.В. Кузнецова, выделение макрорегионов обусловливается «…необходимостью преодолеть недостатки административно-территориального

[19] Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Организация статистических исследований и системного мониторинга развития макрорегионов // Регион: экономика и социология. 2016. № 3 (91). С. 6–7.

деления без его изменения» и «…стремлением организовать межрегиональное сотрудничество»[20].

Каждый регион имеет разную обеспеченность факторами экономического роста и соответственно разные размеры своих экономик и их структуры. Однако в экономической науке категории экономического роста (economic growth) и экономического развития (economic development) имеют различное содержание и не являются тождественными.

Экономический рост традиционно трактуется как количественное увеличение объёмов производства товаров и услуг в экономике. В классической работе С. Кузнеца[21] экономический рост определяется как долгосрочное увеличение способности экономики производить для населения разнообразные товары и услуги, что основано на развитии технологий и требуемых институциональных и идеологических изменений. Таким образом, экономический рост региона – это устойчивое увеличение объемов производимых в регионе товаров и услуг за определенный период времени.

В то же время понятие экономического развития имеет более широкий характер. В работе А. Сена[22] развитие рассматривается как процесс качественных изменений, включающий расширение возможностей экономических субъектов и трансформацию экономической системы, приводящее к росту качества жизни населения. Таким образом, развитие выходит за рамки количественного увеличения экономических показателей. При этом невозможно отрицать важную роль экономического роста в экономическом развитии. Как справедливо отмечает П.А. Минакир, экономическое развитие без экономического роста является «игрой воображения», но экономический рост без экономического развития может существовать[23].

---

[20] Кузнецова О. В. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4 (96). С. 8.

[21] Kuznets S. Modern Economic Growth: Findings and Reflections // The American Economic Review. American Economic Association, 1973. Vol. 63, No. 3. P. 247–258.

[22] 155. Sen A. Chapter 1. The concept of development // Handbook of Development Economics / ed. by H. Chenery, T. N. Srinivasan. – Amsterdam : North-Holland, 1988. Vol. 1. P. 9–26.

[23] Минакир П. А. Экономический рост и развитие: региональное приложение // Федерализм. 2013. № 2 (70). С. 56.

В региональной (пространственное) науке со второй половины 20 века сложилось понимание того, что пространственное развитие не может быть равномерным[24]. При этом пространственное развитие является многокомпонентной и разновекторной эволюцией территориальных образований[25], то есть развитие само по себе необязательно должно быть позитивным. Развитие – это многомерный процесс[26]. Таким образом, экономический рост является составной частью экономического развития, но не исчерпывает его содержания, поскольку развитие включает более широкий спектр структурных, технических, институциональных и социально-экономических изменений.

Экономики разных регионов развиваются по-разному. Причины этого будут рассмотрены в параграфе 1.2. Важно то, что в следствие разных траекторий развития регионов, мы наблюдаем определённую межрегиональную экономическую дифференциацию, чему посвящено наше исследование.

В экономической науке дифференциация трактуется как количественно фиксируемая неоднородность объектов по определённым признакам. Дифференциация в нашем исследовании является описательной статистической характеристикой пространственной структуры экономики. Она фиксирует факт неодинаковости показателей (ВРП на душу населения, доходов и др.).

Дивергенция регионов – это процесс увеличения различий между регионами по уровню экономического развития и другим социально-экономическим показателям во времени, отражающий тренд усиления пространственного неравенства[27]. Понятие употребляется в научных работах как противоположность понятию конвергенции, то есть сближению уровня развития экономик. Ключевой вопрос заключается в том, растут ли отстающие регионы быстрее, чем бедные и

[24] Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // Эко. 2014. № 4 (478). С. 6–27.
[25] Лексин В. Н., Швецов А. Н. Пространственные трансформации как предмет научных исследований и государственной политики // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4 (211). С. 24–34.
[26] Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики: учебник для студентов экономических вузов. 2-е-е изд., перераб. и доп изд. Москва: Норма, 2008. 639 с.
[27] Rey S. J., Janikas M. V. Regional convergence, inequality, and space // Journal of Economic Geography. 2005. Vol. 5, No. 2. P. 155–176.

есть ли какие-то механизмы, обеспечивающие этот процесс сближения[28] [16]. Рассмотрению теорий регионального роста и межрегиональной дифференциации посвящен параграф 1.2.

1.2. Теории межрегиональной экономической дифференциации

Важный вопрос, на который призваны ответить теоретические модели, заключается в том, почему регионы со временем демонстрируют дифференциацию по уровню экономического развития. Теоретический анализ позволяет выявить причины и механизмы, лежащие в основе межрегиональной дифференциации. Рассмотрение теорий для нашего исследования необходимо делать с позиции национального экономического пространства[29][30], то есть взгляд исследователя должен быть направлен на множество взаимодействующих регионов внутри одного национального пространства, а не на взаимодействия между группами стран или взаимодействия внутри одного региона. В данном параграфе будут рассмотрены основные модели региональной (пространственной) экономики. Упор сделан на описание причин регионального роста и дифференциации регионов.

Фундамент для понимания механизмов межрегиональной дифференциации был заложен в рамках классических теорий, которые рассматривали пространственную организацию экономики как результат действия рыночных сил. Эти теории концентрируют свое внимание на размещение экономической деятельности в пространстве.

Одной из первой теорией, анализирующей пространственный аспект экономики, стала теория сельскохозяйственного штандорта (модель

[28] Barro R. J., Sala-i-Martin X. Convergence // Journal of Political Economy. University of Chicago Press, 1992. Vol. 100, No. 2. P. 223–251.
[29] Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. Полтерович В. М. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2014. 272 с.
[30] Джурка Н. Г. Из наследия П.А. Минакира: концептуальные основы пространственного анализа в экономике // Регионалистика. 2025. Т. 12, № 2. С. 23–32.

изолированного государства) Иоганна Генриха фон Тюнена, описанная в книге «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» 1826 года. Перевод книги на русский язык был сделан в 1926 году[31] [19].

В своей работе фон Тюнен предположил существование изолированного города на однородной равнине без рек и канав с одинаковой плодородностью почв. Ключевым фактором размещения сельскохозяйственного производства в этой модели выступают транспортные издержки и стоимость единицы продукции в зависимости от величины ренты, которая снижается по мере удаления от города. Фон Тюнен показал, что вокруг города формируются концентрические кольца («кольца Тюнена»), специализирующиеся на разных типах сельскохозяйственной продукции.

Модель демонстрирует, что экономическое преимущество и, как следствие, более высокая рента, извлекаются локациями, близкими к центру спроса. Это создает изначальную дифференциацию: центральные регионы (город) и прилегающие территории развиваются интенсивнее, в то время как периферийные зоны остаются в менее выгодном положении. Рост региона в этой модели обусловлен его выгодным расположением относительно рынка сбыта.

Развивая идеи фон Тюнена применительно к промышленности, Вильгельм Лаунхардт и Альфред Вебер создали теории, объясняющие выбор места для промышленного предприятия.

Вильгельм Лаунхардт в статье «Практика эффективного размещения предприятий» 1882 года поставил и решил задачу «трех точек». Задание сформулировано в виде произвольного треугольника, где две точки являются источником сырья, а третья точка – рынок сбыта продукции предприятия. Задача заключается в нахождении оптимального расположения предприятия, при котором суммарные транспортные издержки на 1 единицу продукции будут минимальны.

[31] Тюнен И. Г. Изолированное государство / под ред. Рыбникова А. А.; пер. Торнеус Е. А. Москва: Экономическая жизнь, 1926. 326 с.

Альфред Вебер в своей работе «Теория размещения промышленности» 1909 года, переведенной на русский язык в 1926 году, выделил три фактора размещения[32]:

1. Транспортные издержки (минимизация затрат на перевозку сырья и готовой продукции).

2. Затраты на рабочую силу (привлечение дешевой или высококвалифицированной рабочей силы).

3. Агломерационные и дегломерационные эффекты (выгоды и издержки от концентрации производства в одном месте).

А. Вебер ввел понятие штандорта – оптимального пункта размещения завода. А. Вебер решал свою задачу «трех точек». Модель показывает, как производители, стремясь минимизировать издержки, «притягиваются» к местам локализации сырья, рынков или трудовых ресурсов, создавая тем самым промышленные ареалы.

А. Вебер описал, как влияет на размещение предприятий стоимость труда и агломерационные эффекты. Предприятия выбирают расположения, не оптимальные с точки зрения минимизации транспортных издержек, если экономия на оплату труда превышает рост транспортных издержек. Такая же идея заложена в агломерации, которая может обеспечить экономию на масштабе производства, соседство с вспомогательными производствами. Дифференциация возникает как следствие неравномерного распределения в пространстве факторов производства, разной цены труда и транспортной доступности.

Следующий этап развития пространственных теорий связан с исследованиями структуры системы расселения. Большой скачок в понимании пространственной организации совершили Вальтер Кристаллер и Август Лёш.

В. Кристаллер в работе «Центральные места в Южной Германии» (1933)[33] разработал модель иерархии населенных пунктов, основанную на предоставлении

[32] Вебер А. Теория размещения промышленности: С прилож. работы Шлира «Промышленность Германии с 1860 г.» (Otto Schlier. «Der deutsche industriekorper seit 1860»): С 35 черт. и 2 карт / пер. Морозов Н. Ленинград; Москва: Книга, 1926. 223 с.

[33] Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland: eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Jena: G. Fischer, 1933. 331 S.

товаров и услуг для окружающей территории. Данная модель известна под названием «теория центральных мест». В. Кристаллер показал, что сеть центральных мест имеет правильную шестиугольную структуру, где более крупные центры предоставляют весь набор услуг меньших центров, а также уникальные услуги более высокого порядка.

Август Лёш в труде «Пространственная организация хозяйства» (1940) развил и обобщил идеи В. Кристаллера, создав теорию организации экономического пространства[34]. Лёш рассматривал экономический ландшафт как результат наложения множества «рыночных сетей» для разных товаров, что формирует сложную систему экономических регионов. Работа Лёша оказала значимое влияние на развитие пространственных теорий[35].

Рост региона в теориях В. Кристалера и А. Лёша напрямую связан с его иерархическим статусом в системе расселения. Крупные центральные места имеют больший размер экономики, чем малые поселения, которые производят то, что не могут доставить из большого города. Дифференциация заложена в самой модели.

В таблице ниже приведены рассмотренные теории и дана попытка объяснить с помощью них рост и дифференциацию регионов. Важно отметить, что данные теории объясняют или выбор предприятия по размещению себя в пространстве, или обобщено представляют организацию всего пространства. Поэтому при попытке рассмотрения реальных регионов через призму данных теорий, необходимо более абстрактно подходить к понятию «регион». Не обязательно увязывать изучаемую территорию с административными границами.

Также важно отметить, что данные ученые (кроме А. Лёша) создали относительно простые, условно «географические» модели, а не «экономические». Они абстрагировались от изменчивости спроса и ценообразования в зависимости от объема предложения. Теория А. Лёша в данном смысле была прорывной, так как использовала в своей основе микроэкономику.

[34] Лёш А. Пространственная организация хозяйства / под ред. Гранберг А. Г.; пер. Стрелецкий В. Н. Москва: Наука, 2007. 662 с.
[35] Гранберг А. Г. Идеи Августа Лёша в России // Пространственная экономика. 2006. № 2. С. 1–22.

Таблица 1.2 – Классические теории размещения производства и организации пространства и их объяснения роста и дифференциации регионов

Теория (модель)	Автор(ы)	Ключевой фактор размещения	Объяснение роста региона	Объяснение межрегиональной дифференциации
1	2	3	4	5
Теория сельскохозяйственного штандорта (модель изолированного государства)	И.Г. фон Тюнен	Минимизация транспортных издержек от предприятия до рынка сбыта	Близость к рынку сбыта, позволяющая минимизировать издержки и получать более высокую земельную ренту	Формирование концентрических зон с разным уровнем доходности. Центр и ближняя периферия развиты сильнее удаленных районов
Рациональный штандорт промышленного предприятия	В. Лаунхардт	Минимизация транспортных издержек от предприятия до двух источников сырья и рынка сбыта	Выгодное расположение относительно источников сырья и рынка сбыта, обеспечивающее низкие издержки	Концентрация промышленности в точках с минимальными издержками создает промышленные ядра и отсталые периферийные территории
Теория размещения промышленности	А. Вебер	Минимизация общих издержек (транспорт, труд, агломерация)	Выгодное расположение относительно источников сырья, трудовых ресурсов и рынков сбыта, обеспечивающее низкие издержки, наличие агломераций	Концентрация промышленности в точках с минимальными издержками создает промышленные ядра и агломерации, а также отсталые периферийные территории

Окончание таблицы 1.2

1	2	3	4	5
Теория центральных мест	В. Кристаллер	Оптимальное обслуживание территорий и иерархия функций	Приобретение более высокого иерархического статуса в системе расселения, что расширяет зону влияния и спектр функций	Иерархическая структура системы городов предполагает неравенство их размеров, функций и уровней развития
Теория организации экономического пространства	А. Лёш	Наложение множества зон сбыта для разных товаров	Способность региона стать узлом (вершиной) в системе экономического ландшафта, где концентрируется множество видов экономической деятельности	Дифференциация возникает как результат пространственного совпадения зон сбыта множества товаров, ведущего к формированию более развитых и менее развитых территорий

Источник: составлено автором

Классические теории пространственного развития демонстрируют, что рыночные механизмы в условиях неоднородного географического пространства изначально порождают и закрепляют территориальную дифференциацию. Будь то стремление минимизировать транспортные издержки (И.Г. фон Тюнен, А. Вебер) или оптимизировать систему обслуживания территории (В. Кристаллер, А. Лёш), результатом становится неравномерное распределение экономической активности. Эти модели доказывают, что межрегиональные различия являются не случайностью, а закономерным следствием рационального экономического выбора в пространстве.

В середине XX века фокус сместился с анализа статичного размещения на изучение динамики пространственного развития. Дифференциация стала рассматриваться как закономерный результат кумулятивного роста.

Рассмотренные ниже модели заложили основу для современного понимания кумулятивного характера регионального роста.

Развитие идей поляризованного роста связано с работами Франсуа Перру. Теория полюсов роста Ф. Перру (1950) [36][37][38] постулировала, что экономический рост концентрируется вокруг ведущих инновационных отраслей («полюсов роста»), которые через сильные межотраслевые связи («эффект доминирования») стимулируют развитие всей прилегающей территории и создают «центр роста». Рост инициируется в полюсах и лишь затем распространяется на периферию.

Эти полюса обладают тремя ключевыми свойствами:

1. Эффект доминирования. Они устанавливают доминирующие, несимметричные отношения с зависимыми от них предприятиями и территориями.

2. Способность к инновациям. Они являются генераторами технологических и организационных нововведений.

3. Сильные межотраслевые связи. Их развитие через эффект мультипликатора стимулирует сопряженные отрасли.

Рост инициируется в полюсе, а затем, через каналы диффузии технологий, инвестиций и спроса, распространяется на периферийные территории. Однако Ф. Перру отмечал, что этот процесс «просачивания» может быть слабым и запаздывающим.

Значительный вклад в развитие направления поляризованного развития внес Гуннар Мюрдаль. В работе «Economic Theory and Underdeveloped Regions» (1957) он сформулировал концепцию кумулятивной причинности[39]. Согласно данной концепции, экономическое развитие носит самоподдерживающийся характер. Небольшие первоначальные преимущества региона могут со временем усиливаться за счет накопления экономических эффектов.

---

[36] Perroux F. Economic Space: Theory and Applications // The Quarterly Journal of Economics. Oxford University Press, 1950. Vol. 64, No. 1. P. 89–104.

[37] Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения: пер. А. П. Горюнова // Пространственная экономика. 2007. № №2. С. 77–93.

[38] Perroux F. Note on the Concept of Growth Poles // Regional Economics: Theory and Practice / ed. by McKee D. New York: The Free Press, 1970. P. 93–104.

[39] Myrdal G. Economic Theory and Under-developed Regions. G. Duckworth, 1957. 200 p.

Г. Мюрдаль выделил два типа пространственных эффектов:

1. Эффект распространения (spread effects) – эффекты распространения роста, при которых развитие ведущих регионов способствует развитию соседних территорий. Это положительное влияние. Если центр растет, он может «делиться» благом с периферией.

2. Эффект стягивания (backwash effects) – обратные эффекты, связанные с оттоком капитала, рабочей силы и ресурсов из менее развитых регионов в более развитые.

По мнению Г. Мюрдаля, в большинстве случаев обратные эффекты оказываются сильнее, что приводит к усилению межрегиональной дифференциации. Это называется «кумулятивной» (накопительной) причинностью, потому что эффекты усиливают друг друга. Возникает замкнутый круг, который тянет регионы в разные стороны.

Модель «центр – периферия» Джона Фридмана описана в книге «Политика регионального развития: опыт Венесуэлы» 1966 года[40]. Модель интегрировала экономические и пространственные аспекты, описав процесс, в котором «центр» (развитый регион) концентрирует капитал, инновации и власть, доминируя над зависимой «периферией» и усиливая неравенство за счет выкачивания ресурсов. Эта модель стала основой для теорий зависимого развития. Он выделил четыре стадии развития пространственной структуры:

1. Доиндустриальная. Локальные, изолированные центры.

2. Переходная к индустриализации. Формирование единого сильного «центра» и зависимой «периферии».

3. Промышленная. В ряде регионов появляются условия для роста, что приводит к появлению вторичных, субпериферийных центров, но доминирование главного центра сохраняется.

4. Постиндустриальная. Формирование интегрированной, полицентричной пространственной системы.

[40] Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. 279 p.

Ключевым в модели Фридмана является механизм усиления неравенства. «Центр» концентрирует капитал, власть, инновации и квалифицированную рабочую силу. Он доминирует над «периферией», используя ее ресурсы (сырье, дешевый труд, капитал) и распространяя инновации.

В таблице ниже приведены рассмотренные теории и их объяснение роста и дифференциации регионов.

Таблица 1.3 – Теории поляризованного развития и кумулятивного роста

Теория (модель)	Автор(ы)	Факторы роста региона	Объяснение межрегиональной дифференциации
Теория полюсов роста	Ф. Перру	Наличие динамичной инновационной отрасли-драйвера, сильные межотраслевые связи, способность генерировать мультипликативные эффекты	Рост изначально полярен и концентрируется в полюсах, что создает разрыв с периферией. Диффузия роста на периферию запаздывает и ослаблена
Кумулятивная причинность	Г. Мюрдаль	Наличие первоначального преимущества, запускающего самоподдерживающийся процесс притока капитала и кадров	Дифференциация усиливается из-за доминирования «эффектов стягивания» над «эффектами распространения». Развитые регионы притягивают ресурсы из отсталых, закрепляя неравенство
Модель «центр-периферия»	Дж. Фридман	Способность региона стать «центром» путем концентрации управленческих, финансовых и инновационных функций	Дифференциация – динамический процесс поляризации, формирующий устойчивую иерархическую зависимость периферии от центра

Источник: составлено автором

Для объяснения экономического роста и дифференциации в регионах также используются макроэкономические модели экономического роста. Они дают разные прогнозы относительно тенденций к выравниванию или усилению дифференциации.

Модель экзогенного экономического роста Р. Солоу (1956)[41] считается первой, базовой моделью для последующих неоклассических моделей

[41] Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70, No. 1. P. 65–94.

экономического роста. Модель Солоу, основанная на предпосылках совершенной конкуренции и убывающей предельной производительности капитала, приводит к выводу о существовании устойчивого состояния (steady-state) экономики. Применительно к регионам логика модели Солоу породила гипотезу конвергенции – сближения уровней развития регионов. Она существует в двух формах:

1. Абсолютная β-конвергенция: более бедные регионы растут в среднем быстрее богатых, независимо от их характеристик. Это происходит потому, что у них ниже исходная капиталовооруженность труда и, следовательно, выше отдача от инвестиций.

2. Условная β-конвергенция: бедные регионы растут быстрее богатых только при прочих равных условиях (одинаковая норма сбережений, рост населения, технологический прогресс). Регионы сходятся к своим уникальным устойчивым состояниям. Модель Солоу обосновывает именно этот тип конвергенции.

Механизмом выравнивания в модели выступает переток капитала. В бедных регионах с меньшим запасом капитала на одного работника его предельная производительность выше, что должно привлекать инвестиции. Однако, как показали эмпирические исследования, предсказания модели Солоу работают далеко не всегда. Это привело к развитию теорий эндогенного роста. Сравнение моделей представлено в таблице 1.4.

Теории эндогенного роста отвергли ключевые предпосылки Роберта Солоу об экзогенном технологическом прогрессе и убывающей отдаче. Они перенесли источник роста внутрь экономической системы. Пол Ромер в модели 1990 года сделал акцент на инвестициях в НИОКР, которые создают технологические инновации[42]. Знания, в отличие от станков, обладают свойством неконкурентности: их может использовать бесконечное множество людей без потери полезности, что создает предпосылки для возрастающей отдачи. Роберт Лукас в модели 1988 года

[42] Romer P. M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. University of Chicago Press, 1990. Vol. 98, No. 5. P. 71–102.

сделал акцент на человеческом капитале, инвестиции в который также приносят возрастающую отдачу[43].

Таблица 1.4 – Макроэкономические теории роста в региональной экономике

Теория (модель)	Автор(ы)	Факторы роста региона	Объяснение межрегиональной дифференциации
Экзогенная модель роста	Р. Солоу, Т. Сван	Накопление физического капитала (норма сбережений), рост населения (труд), экзогенный (внешний) технический прогресс	Прогнозирует условную конвергенцию, то есть конвергенцию *при одинаковых параметрах* экономик. Из-за убывающей отдачи капитала бедные регионы растут быстрее богатых, и уровни развития со временем выравниваются. Дифференциация – временное явление, объясняемое разным удалением регионов от их устойчивого состояния
Модели эндогенного роста	П. Ромер, Р. Лукас	Эндогенные (внутренние) факторы: инвестиции в НИОКР и инновации (Ромер), накопление человеческого капитала (Лукас)	Допускает устойчивую дивергенцию. Из-за возрастающей отдачи знаний и человеческого капитала регионы-лидеры получают кумулятивное преимущество, и разрыв с отстающими может увеличиваться

Источник: составлено автором

В рамках данных моделей возможно возникновение устойчивой дивергенции (расхождения) регионов, поскольку регионы с развитой инновационной системой и высоким уровнем человеческого капитала получают долгосрочные преимущества. Регионы, которые в силу исторических причин, институтов или политики накопили критическую массу человеческого капитала и развили инновационный сектор, получают самоподдерживающееся преимущество. Эффект перетока капитала может быть перевешен «утечкой мозгов» и концентрацией НИОКР в лидирующих регионах.

Рассмотренные модели являются базовыми в теориях экзогенного и эндогенного роста. Для нашего исследования важно сделать вывод о том, что

[43] Lucas R. On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22, No. 1. P. 3–42.

макроэкономическая теория не дает однозначного ответа о направленности изменения межрегиональной дифференциации. Вопрос о том, будет ли неравенство сокращаться или нарастать, не может быть решен на уровне абстрактных модельных построений. Ответ зависит от конкретных эмпирических условий.

Основоположник институционального подхода Дуглас Норт (1990) определил институты как «правила игры» в обществе – созданные человеком ограничения (формальные: законы, конституции, права собственности, и неформальные: традиции, нормы поведения, уровень доверия), которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие[4445].

В региональном разрезе качество институтов становится фундаментальным фактором долгосрочного роста. Регионы с надежной защитой прав собственности, верховенством права, низким уровнем коррупции и высоким социальным доверием создают благоприятный инвестиционный климат, снижают трансакционные издержки и стимулируют инновационную активность. Напротив, регионы с экстрактивными институтами, ориентированными на изъятие ренты в пользу узкой группы, обречены на стагнацию. Дифференциация рассматривается как следствие институционального неравенства регионов. Регионы с инклюзивными (inclusive) институтами развиваются, а с экстрактивными (extractive) – стагнируют. Механизм влияния институтов на развитие экономики и отличие инклюзивных институтов от экстрактивных представлены в работах Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона[4647].

Ключевая особенность институтов – это их самовоспроизводящийся характер. Качественные институты укрепляются через обратную связь с экономическим развитием. Неэффективные институты закрепляют отсталость, что

[44] North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990. 152 p.
[45] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. Нестеренко А. Н. Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
[46] Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. Москва: Изд-во АСТ, 2015. 692 с
[47] Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth. Elsevier, 2005. Vol. 1, Part A. P. 385–472.

ведет к устойчивой институциональной дифференциации регионов. Это хороший теоретический фундамент для эволюционного подхода в экономической географии (ЭЭГ), развитый Р. Мартином, П. Санли[48] и другими исследователями. Однако важно подчеркнуть различие. Если институциональная экономика объясняет траекторию региона через качество формальных и неформальных правил, то эволюционная экономическая география делает акцент на технологических рутинах, локальных знаниях и процессе отбора. Институты в ЭЭГ – не причина, а одна из сред, в которой действуют эволюционные механизмы: вариация (появление новых фирм и технологий), отбор (рыночная конкуренция) и наследование (закрепление успешных практик в регионе). Именно эти механизмы порождают множественность региональных траекторий.

Заимствуя понятия из эволюционной биологии, этот подход рассматривает развитие региона как нелинейный процесс, сильно зависящий от предшествующей траектории. Методологически эволюционная экономическая география отличается от традиционных подходов отказом от универсальных моделей развития и переходом к объяснению множественности региональных траекторий[49]. Ключевые концепции эволюционного подхода:

1. Зависимость от траектории, эффект колеи (path dependence). Выбор, сделанный в прошлом (например, специализация на определенной отрасли), во многом предопределяет будущие возможности развития. Нынешнее размещение производства, технологий и институтов определяется случайными событиями прошлого.

2. Технологическая и отраслевая блокировка (застревание[50], lock-in). Регион может «застрять» в устаревшей специализации из-за накопленных специфических активов, навыков работников и сложившихся институтов, даже если эта специализация утратила перспективы.

---

[48] Martin R., Sunley P. Path dependence and regional economic evolution // Journal of Economic Geography. Oxford University Press, 2006. Vol. 6, No. 4. P. 395–437.

[49] Губеладзе Д. В. Механизмы развития регионов сквозь призму эволюционной экономической географии // Kant. 2025. № 3 (56). С. 48–58.

[50] Верников А. В., Курышева А. А. Не тот эффект назвали блокировкой... («исправление имен» в российском институционализме) // Altereconomics. 2023. Т. 20, № 3. С. 485–504.

3. Локализованные рутины. Успешные практики и организационные модели закрепляются в конкретных местах и с трудом передаются другим регионам.

4. Связанное разнообразие (related variety)[51]. Наличие в регионе отраслей, родственных по знаниям и компетенциям, облегчает рекомбинацию знаний и диверсификацию в новые, перспективные ниши.

Эволюционный подход объясняет, почему регионы-лидеры способны десятилетиями удерживать преимущества, а аутсайдеры попадают в «ловушки отсталости». Даже если первоначальные преимущества исчезают, накопленные рутины, навыки и институты продолжают воспроизводить сложившийся паттерн развития.

Майкл Портер (1990) предложил взгляд на конкурентоспособность региона через призму географических концентраций взаимосвязанных компаний – кластеров[52]. Кластер определяется как географически близкая группа взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в родственных отраслях и связанных с ними организаций в определенных областях, конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу.

Конкурентное преимущество региона рождается внутри таких кластеров благодаря нескольким механизмам: доступу к специализированным ресурсам и услугам; динамичной локальной конкуренции, стимулирующей инновации; быстрому распространению знаний, благодаря географической близости и доверию; появлению стимулов для новых предприятий в смежных областях.

В экономике конкурентоспособность не рассредоточивается, а локализуется. Регионы с сильными кластерами мирового уровня вырываются вперед, аккумулируя капитал, таланты и знания, что создает уникальную среду, которую

[51] Frenken K., Oort F., Verburg T. Related Variety, Unrelated Variety and Regional Economic Growth // Regional Studies. Taylor & Francis Journals, 2007. Vol. 41, No. 5. P. 685–697.
[52] Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. Free Press, 1990. 855 p.

трудно воспроизвести в других местах. Тем самым кластерный механизм углубляет межрегиональную дифференциацию.

Сходные идеи с кластерами М. Портера по своей экономической сути намного раньше развивал Н.Н. Колосовский, предложивший концепцию территориально-производственных комплексов (ТПК) как цепочек последовательных стадий производства в рамках энергопроизводственных циклов[53]. Однако в отличие от рыночных кластеров Портера, ТПК проектировались централизованно в плановой экономике.

Завершающий и во многом синтезирующий вклад в понимание региональной дифференциации внес Пол Кругман, создатель новой экономической географии (НЭГ)[54]. Кругман формализовал интуитивные идеи предшественников, построив строгую математическую модель, объясняющую формирование агломераций. Первая модель была построена Кругманом для двух регионов[55]. В основе модели лежит взаимодействие трех сил:

1. Эффект масштаба (возрастающая отдача) на уровне отдельной фирмы, что стимулирует концентрацию производства.
2. Транспортные издержки на перевозку товаров, которые фирмы стремятся минимизировать.
3. Мобильность факторов производства, прежде всего рабочей силы.

Ключевой вывод новой экономической географии заключается в том, что при определенном соотношении этих параметров возникает агломерация. Фирмы стремятся размещаться рядом с крупным рынком сбыта (эффект «домашнего рынка»), чтобы экономить на транспортных издержках. Работники мигрируют туда, где выше заработная плата и шире разнообразие потребительских товаров. Это создает кумулятивный процесс. Концентрация производства привлекает рабочих, рост численности населения расширяет рынок, что, в свою очередь,

[53] Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. 206 с.
[54] Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. University of Chicago Press, 1991. Vol. 99, No. 3. P. 483–499.
[55] Мельникова Л. В. «Ядро-периферия» и периферийность в региональной науке // Пространственная экономика. 2024. Т. 20, № 1. С. 144–162.

привлекает новые фирмы. В результате даже изначально совершенно одинаковые регионы могут поляризоваться на богатый «центр» и бедную «периферию». Дифференциация, таким образом, предстает не как временное отклонение, а как устойчивое равновесие, порождаемое самим рыночным механизмом.

В таблице 1.5 приведены теории, рассмотренные в данном подпараграфе.

Таблица 1.5 – Синтетические теории регионального роста

Теория (модель)	Автор(ы)	Факторы роста региона	Объяснение межрегиональной дифференциации
1	2	3	4
Институциональный подход	Д. Норт, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон	Качество формальных и неформальных институтов (защита прав собственности, верховенство права, уровень доверия, низкая коррупция), определяющих инвестиционный климат и трансакционные издержки, распределение политической власти и связанные с ним стимулы элит	Дифференциация является следствием институционального неравенства. В регионах с инклюзивными институтами издержки ведения бизнеса ниже, что стимулирует инвестиции и рост. В регионах с экстрактивными институтами высокие риски блокируют развитие. Институты обладают свойством самоподдержания, что закрепляет разрыв. Элиты богатых регионов могут быть заинтересованы в инклюзивных институтах. Элиты бедных регионов часто блокируют инклюзивные реформы, даже если те эффективны, поскольку они подорвут их политический контроль и ренту.

Окончание таблицы 1.5

1	2	3	4
Эволюционный подход	Р. Мартин, П. Санли, К. Френкен, Ф. Оорт, Т. Вербург	Способность к адаптации, рекомбинации знаний, преодолению технологической блокировки (застреванию) (lock-in), наличие «связанного разнообразия» (related variety)	Дифференциация исторически детерминирована и закрепляется через эффект колеи (path dependence). Успешные регионы укрепляют преимущества, отстающие попадают в «ловушки»
Теория кластеров	М. Портер	Наличие географически близких взаимосвязанных компаний и организаций, интенсивная локальная конкуренция и кооперация, доступ к специализированным ресурсам и знаниям	Глобальная конкурентоспособность локализуется в кластерах. Регионы с сильными кластерами аккумулируют таланты и капитал, регионы без них проигрывают, что углубляет неравенство
Новая экономическая география	П. Кругман	Эффект масштаба производства, транспортные издержки, мобильность рабочей силы, доступ к крупному рынку сбыта (эффект «домашнего рынка»).	Дифференциация — устойчивое равновесие, результат самоусиливающихся агломерационных процессов, ведущих к поляризации пространства на «центр» и «периферию»

Источник: составлено автором

Подводя итог рассмотрению современных подходов, можно констатировать, что они, несмотря на различие в методах, едины в своих выводах. Межрегиональная дифференциация не является временным явлением или случайностью, а представляет собой закономерный результат действия глубоких институциональных, эволюционных и пространственно-экономических механизмов. Качество институтов, историческая траектория, способность к формированию кластеров и агломерационные эффекты – все это факторы, которые в реальности работают скорее на усиление, чем на сглаживание межрегиональных различий.

Представленная ниже сводная таблица позволяет систематизировать многообразие теоретических подходов к анализу межрегиональной дифференциации и выделить ключевые линии размежевания между ними.

Таблица 1.6 – Сводная таблица основных направлений исследований регионального роста и дифференциации

Теоретическое направление	Ключевая идея	Прогноз динамики дифференциации	Фундаментальная причина дифференциации
1	2	3	4
Классические теории размещения	Рациональное размещение для минимизации издержек или оптимизации сбыта	Устойчивая дифференциация	Пространственная неоднородность (разная удаленность от рынков, разная обеспеченность ресурсами, иерархия мест)
Теории поляризации и кумулятивного роста	Рост концентрируется в полюсах/центрах и поддерживается через кумулятивные эффекты	Усиливающаяся дифференциация (поляризация)	Концентрация драйверов роста (инновации, капитал, власть) и доминирование центра над периферией
Неоклассическая теория роста	Действие убывающей отдачи от капитала и перетока факторов производства	Конвергенция (сближение) при одинаковых параметрах экономик	Разное удаление регионов от их устойчивого состояния
Теории эндогенного роста	Возрастающая отдача от инвестиций в знания и человеческий капитал	Дивергенция (расхождение)	Разная способность регионов генерировать и внедрять инновации
Институциональный подход	Институты задают «правила игры» и определяют стимулы к развитию	Устойчивое воспроизводство дифференциации	Институциональное неравенство регионов (качество прав собственности, уровень доверия, коррупция)
Эволюционный подход	Развитие зависит от предшествующей траектории, регионы могут попадать в «ловушки»	Устойчивое воспроизводство или усиление дифференциации	Разная способность к адаптации, технологическая блокировка (застревание), наличие или отсутствие «связанного разнообразия»

Окончание таблицы 1.6

1	2	3	4
Теория кластеров	Конкурентоспособность рождается в географических концентрациях связанных фирм	Усиливающаяся дифференциация	Локализация конкурентных преимуществ в кластерах, которые притягивают ресурсы и трудно воспроизводимы в других местах
Новая экономическая география	Агломерации возникают из взаимодействия эффекта масштаба, транспортных издержек и мобильности	Устойчивая поляризация (центр-периферия)	Самоусиливающиеся агломерационные процессы, ведущие к концентрации активности даже при изначально равных условиях

Источник: составлено автором

Выводы к параграфу 1.3:

Проведенный в данном параграфе анализ теоретических подходов к межрегиональной экономической дифференциации позволяет сформулировать следующие ключевые выводы.

1. Межрегиональная дифференциация не является случайным или временным явлением. Первые классические теории размещения (И.Г. фон Тюнен, В. Лаунхардт, А. Вебер, В. Кристаллер, А. Лёш) показали, что в условиях пространственной неоднородности стремление экономических агентов к рациональному выбору местоположения неизбежно порождает неравномерное распределение экономической активности. Территориальные различия заложены в логике рыночного размещения производительных сил.

2. В динамике межрегиональные различия имеют тенденцию не сглаживаться, а усиливаться. Теории кумулятивной причинности (Г. Мюрдаль), полюсов роста (Ф. Перру) и модель «центр-периферия» (Дж. Фридман) демонстрируют, что рыночные силы в пространстве работают не на выравнивание, а на поляризацию. Эффекты стягивания (backwash effects) в большинстве случаев перевешивают эффекты распространения (spread effects), что ведет к концентрации ресурсов и драйверов развития в ограниченном числе регионов-лидеров.

3. Макроэкономическая теория не дает однозначного ответа о направленности изменения дифференциации. Если неоклассическая модель Р. Солоу предсказывает возможную условную конвергенцию (сближение) регионов с одинаковыми характеристиками при прочих равных благодаря убывающей отдаче капитала, то теории эндогенного роста (П. Ромер, Р. Лукас) обосновывают возможность устойчивой дивергенции (расхождения) из-за возрастающей отдачи от инвестиций в знания и человеческий капитал. Это противоречие указывает на то, что вопрос о динамике межрегиональных различий не может быть решен на уровне абстрактных моделей и требует эмпирической проверки.

4. Современные теоретические подходы смещают акцент с количественных факторов на качественные характеристики развития. Институциональная среда (Д. Норт, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон), историческая траектория и способность к адаптации (эволюционный подход, Р. Мартин, П. Сандли), формирование кластеров (М. Портер) и агломерационные эффекты (П. Кругман) становятся ключевыми объяснениями устойчивости межрегиональной дифференциации. Эти факторы обладают свойством самовоспроизводства: однажды возникшие преимущества закрепляются и усиливаются, создавая для регионов-лидеров кумулятивный эффект роста.

5. Синтез рассмотренных теорий позволяет сделать важный методологический вывод для данного диссертационного исследования. Межрегиональная экономическая дифференциация представляет собой многофакторное явление. В ней переплетаются объективные пространственные характеристики (географическое положение, ресурсы), исторически сложившиеся диспропорции и траектории развития, различия в качестве институтов, агломерационные и кластерные эффекты. Данные идеи будут использованы в параграфе 1.3 при построении концептуальной модели межрегиональной экономическое дифференциации.

1.3. Концептуальная модель межрегиональной экономической дифференциации

Рассмотренные в предыдущем параграфе теории позволяют выявить ключевые механизмы формирования межрегиональной дифференциации по уровню развития. Благодаря работам различных ученых у нас есть обширные знания об особенностях развития регионов[56]. Однако каждая из теорий акцентирует внимание на отдельных факторах. В реальности межрегиональная экономическая дифференциация формируется под воздействием совокупности факторов, взаимодействующих между собой в рамках единой экономической системы. Данный параграф основан на статье автора[57].

Для целей настоящего исследования целесообразно сформировать концептуальную модель межрегиональной экономической дифференциации, которая позволит систематизировать основные факторы, механизмы и результаты пространственного развития регионов. Под концептуальной моделью в данном исследовании понимается логическая схема, отражающая взаимосвязи между факторами регионального развития, механизмами их взаимодействия и наблюдаемыми результатами в виде различий в уровнях экономического развития регионов. Сомнительно, что возможно выработать какую-то единую теоретическую модель, которая будет полно и непротиворечиво описывать все пространственные процессы и закономерности[58]. Наш подход предполагает объединение в общую концептуальную схему развития регионов базовых теоретических достижений, а не создание новой общей теории всего экономического пространства.

---

[56] Коробов С. А., Мельмонт Д. Д. Теоретические основы формирования региональной экономической политики в отечественной и зарубежной практике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 1. С. 10–19.

[57] Стебленко В. В. Концептуальная модель межрегиональной экономической дифференциации: синтез теоретических подходов // Естественно-гуманитарные исследования. 2026. № 2 (64). С. 410–414.

[58] Минакир П. А. Пространственный анализ в экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 176–180.

Формирование межрегиональной экономической дифференциации можно рассматривать как результат действия нескольких взаимосвязанных групп факторов:

1. Институциональная среда;
2. Первичные условия;
3. Накопленный потенциал;
4. Агломерационные механизмы;
5. Кумулятивные процессы;
6. Макроэкономические механизмы.

В совокупности данные элементы формируют механизм пространственной дифференциации экономики.

Существенное влияние на формирование межрегиональной экономической дифференциации оказывает институциональная среда, в рамках которой осуществляется функционирование региональной экономики. К основным институциональным факторам, влияющим на развитие регионов, относятся:

1. Формальные институты экономической деятельности (законодательство, защита прав собственности, регуляторная среда);
2. Неформальные институты (уровень доверия, деловые нормы и практики, предпринимательская культура);
3. Соотношение между экстрактивными и инклюзивными политическими и экономическими институтами;
4. Качество государственного и муниципального управления;
5. Механизмы государственной региональной политики;
6. Система межбюджетных отношений и распределения бюджетных ресурсов.

Институциональная среда определяет условия функционирования региональной экономики, формируя правила взаимодействия экономических субъектов и механизмы распределения ресурсов между территориями. В зависимости от эффективности институтов и качества государственного

управления институциональные факторы могут как способствовать сокращению межрегиональных различий, так и, напротив, приводить к закреплению существующих пространственных диспропорций.

Взаимодействие перечисленных факторов приводит к формированию устойчивых различий в уровнях экономического развития регионов. Следует отметить, что институциональная среда оказывает опосредованное влияние на действие остальных факторов межрегиональной дифференциации, определяя условия функционирования рынков, распределения ресурсов и реализации региональной экономической политики. Институты создаются людьми, что отличает их от ряда экзогенных факторов регионального развития, например, таких как география, природные ресурсы, исторически сложившиеся структура экономики и других[59].

Одной из ключевых предпосылок межрегиональной дифференциации являются различия в исходных условиях развития регионов. В предлагаемой концептуальной модели принципиально важным является разграничение факторов на две группы:

1. Первичные (базовые) условия. К ним относятся географическое положение и природно-ресурсный потенциал (факторы «первой природы»).

2. Накопленный потенциал. К нему относятся демографические характеристики, развитие инфраструктуры и сложившаяся структура экономики.

Такое разделение позволяет, во-первых, отделить экзогенные факторы от эндогенных, которые могут быть изменены в процессе развития. Во-вторых, учесть эффект обратной связи: результаты функционирования агломерационных механизмов и кумулятивных процессов со временем трансформируют накопленный потенциал региона, изменяя его демографию, инфраструктуру и структуру экономики.

Накопленный потенциал, хоть и является результатом предшествующего экономического развития, на текущий момент выступает в качестве структурных

[59] Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ / А. Ю. Баранов, Е. С. Малков, Л. И. Полищук [и др.] // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 69–103.

ограничений, во многом предопределяющих траекторию дальнейшего движения региона. Фактор географического положения также может быть изменен с помощью строительства транспортной инфраструктуры и развитию международных отношений[60]. В этом плане, строго говоря, данные факторы не являются экзогенными. Однако для нашей модели можно принять их как заданные и не изменяемые в течение одного цикла прохождения через всю модель. Перечисленные факторы во многом определяют первоначальные возможности экономического развития территорий. Например, наличие значительных природных ресурсов может стимулировать развитие добывающих отраслей, тогда как выгодное экономико-географическое положение способствует формированию транспортных и логистических узлов.

Исторически сложившаяся специализация также оказывает существенное влияние на дальнейшую траекторию развития региональной экономики. Регионы, обладающие диверсифицированной промышленной базой, как правило, демонстрируют более устойчивую динамику экономического роста по сравнению с территориями, специализирующимися на ограниченном наборе отраслей. С другой стороны, специализация на отрасли, которая в данный момент является растущей, позволяет расти региону быстрее других регионов с другой специализацией при прочих равных условиях.

Таким образом, различия в исходных условиях формируют начальную неоднородность экономического пространства, которая в дальнейшем может как усиливаться, так и сглаживаться под воздействием экономических процессов.

Важную роль в формировании межрегиональной дифференциации играют агломерационные механизмы, связанные с территориальной концентрацией экономической активности. К основным факторам, формирующим агломерационные эффекты, можно отнести:

1. Эффект масштаба;
2. Эффект «домашнего рынка» (крупный рынок сбыта);

[60] Кузнецова О. В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5: география. 2014. № 2. С. 3–8.

3. Развитая транспортная инфраструктура;

4. Доступ к квалифицированной рабочей силе и мобильность рабочей силы;

5. Концентрация предприятий смежных и обслуживающих отраслей;

6. Кластерные эффекты.

Данные факторы способствуют формированию территориальных концентраций экономической активности, в рамках которых предприятия получают дополнительные преимущества, связанные со снижением издержек производства, развитием производственных кооперационных связей и более эффективным использованием инфраструктуры.

В результате экономическая активность имеет тенденцию концентрироваться в ограниченном числе территорий, формируя крупные центры экономического роста. Наличие агломерационных эффектов способствует притоку инвестиций, рабочей силы и новых предприятий, что усиливает экономический потенциал данных регионов.

Таким образом, агломерационные механизмы выступают важным фактором пространственной концентрации экономики и способствуют усилению различий между регионами.

Также важную роль в формировании межрегиональной дифференциации играют кумулятивные процессы регионального развития. Данные процессы отражают механизмы положительной обратной связи, при которых первоначальные преимущества отдельных регионов со временем усиливаются. Ключевыми кумулятивными механизмами выступают:

1. Эффекты стягивания (backwash effects) – процессы концентрации ресурсов (капитала, квалифицированной рабочей силы, инвестиций) в более развитых регионах за счет менее развитых. Высокая заработная плата и лучшие условия жизни в центрах притягивают наиболее активную и образованную часть населения из периферии, а развитая инфраструктура и емкий рынок сбыта

привлекают инвестиции. Это ведет к самоподдерживающемуся росту лидеров и стагнации аутсайдеров.

2. Эффекты распространения (spread effects) – процессы диффузии экономического роста из центров на периферию через расширение рынков сбыта, размещение производственных мощностей на периферийных территориях (для снижения издержек), распространение технологий и инноваций. Сила этих эффектов зависит от развитости транспортной инфраструктуры, степени открытости региональных экономик и политики перераспределения.

Соотношение силы эффектов стягивания и распространения во многом определяет динамику межрегиональной дифференциации. В случае доминирования эффектов стягивания происходит усиление пространственной поляризации экономики. Если же эффекты распространения оказываются более значительными, это может способствовать сглаживанию межрегиональных различий.

Суть данных процессов заключается в том, что первоначальные преимущества отдельных регионов со временем усиливаются благодаря положительным обратным связям. Экономический рост в регионе способствует притоку инвестиций, росту занятости и увеличению доходов населения, что, в свою очередь, стимулирует дальнейшее развитие экономики.

Одновременно с этим менее развитые регионы могут сталкиваться с обратными процессами – оттоком населения, сокращением инвестиционной активности и снижением экономической динамики.

Помимо рассмотренных выше агломерационных и кумулятивных процессов, важную роль в формировании межрегиональной дифференциации играют макроэкономические механизмы, описываемые в теориях экономического роста. Данные механизмы задают долгосрочный вектор изменения межрегиональных различий и действуют наряду с пространственными и институциональными факторами.

Механизмы конвергенции (схождения развития):

1. Переток физического капитала из богатых регионов в бедные из-за снижения предельной производительности капитала в богатых;

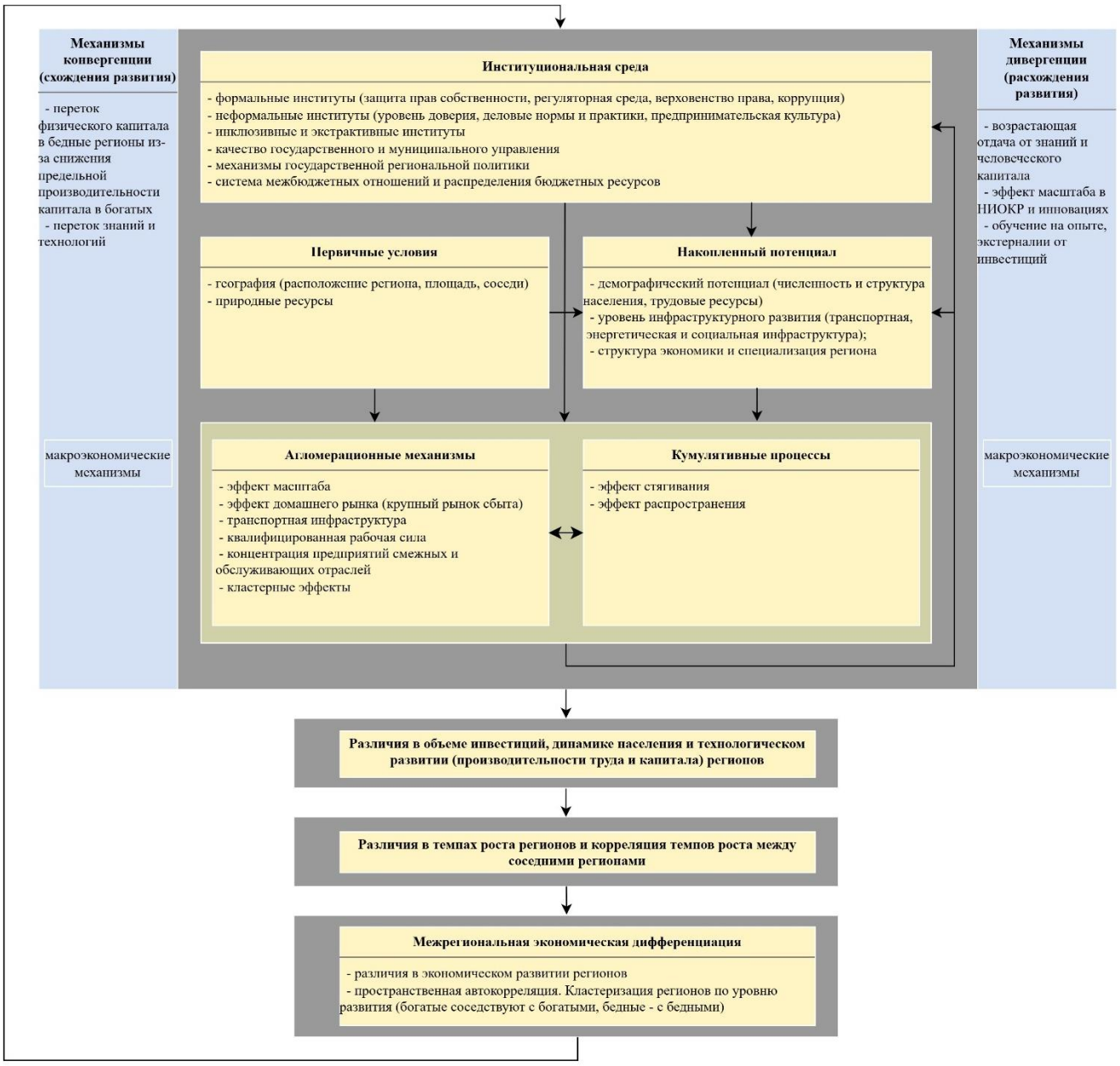
2. Переток знаний и технологий от более развитых регионов к менее развитым. Бедным регионам нет необходимости нести такие же издержки на получение знаний и технологий, какие несли изначально регионы, в которых эти знания и технология открывались.

Механизмы дивергенции (расхождения развития):

1. Возрастающая отдача от знаний и человеческого капитала;
2. Эффект масштаба в НИОКР и инновациях;
3. Обучение на опыте и экстерналии от инвестиций.

На рисунке ниже приведена концептуальная модель межрегиональной дифференциации, составленную на основе факторов, рассмотренных выше.

Рассмотренные группы факторов и механизмов не существуют изолированно. Они образуют единую систему с прямыми и обратными связями. Институциональная среда задает правила игры, в рамках которых разворачиваются все остальные процессы. Первичные условия и накопленный потенциал формируют стартовые позиции регионов. Агломерационные механизмы обеспечивают пространственную концентрацию экономической активности, а кумулятивные процессы усиливают первоначальные преимущества или отставания.

Источник: составлено автором

Рисунок 1.1 – Концептуальная модель межрегиональной экономической дифференциации

Макроэкономические механизмы задают долгосрочный вектор движения. Важно подчеркнуть, что эти механизмы действуют не параллельно с остальными, а «растворены» в них. Переток капитала и диффузия технологий (силы конвергенции) реализуются через конкретные пространственные механизмы, а возрастающая отдача и эффект масштаба (силы дивергенции) заложены в логике

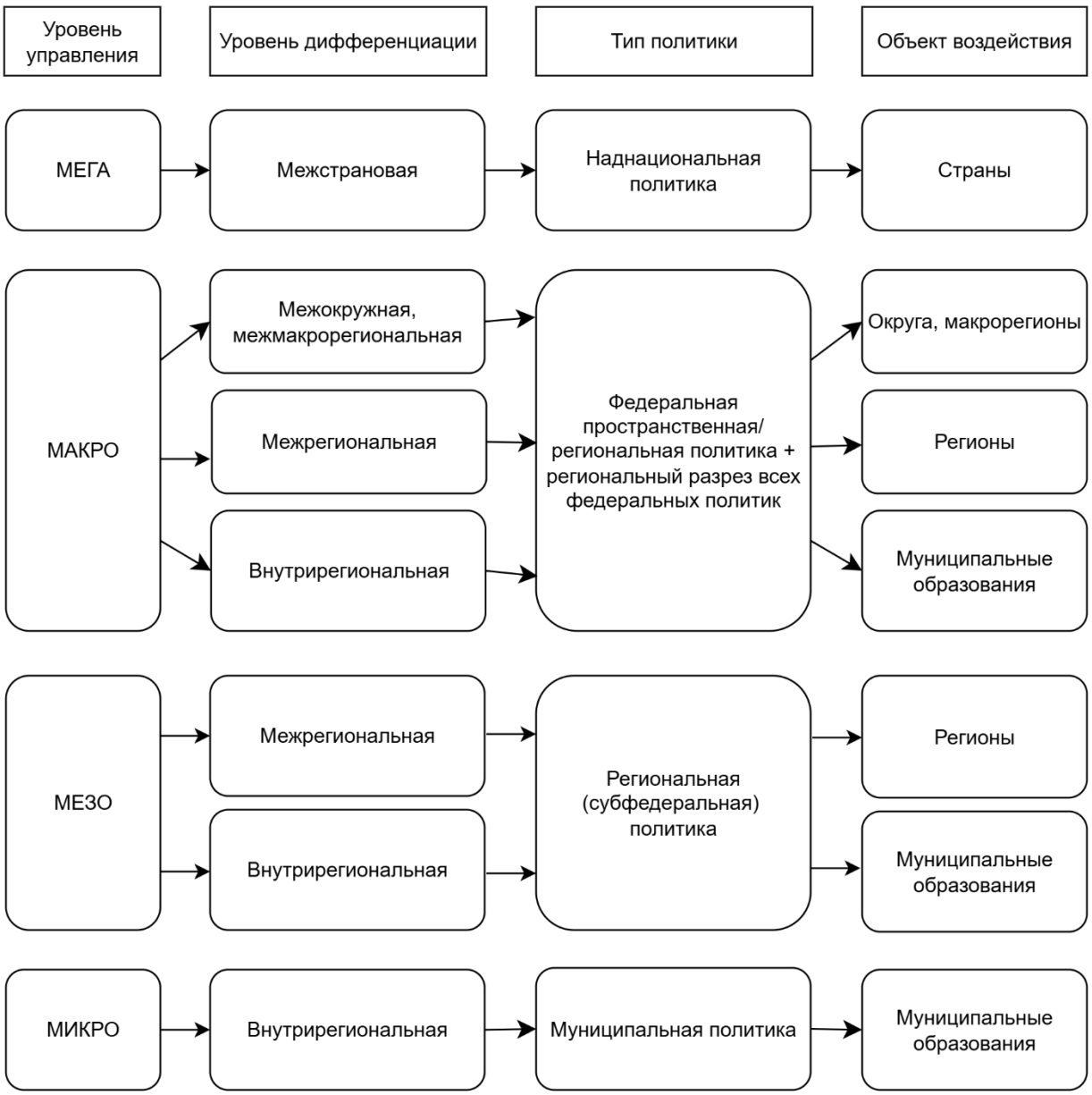
агломерации и кумулятивного роста. Однако они выделены в отдельный блок, чтобы показать теоретическую развилку между неоклассическим и эндогенным подходами. Реальная динамика межрегиональной дифференциации определяется тем, какие из этих сил преобладают в конкретных исторических, институциональных и пространственных условиях.

Взаимодействие всех перечисленных факторов и механизмов приводит к формированию устойчивой пространственной структуры, для которой характерна положительная пространственная автокорреляция. Регионы с высоким уровнем развития концентрируются вокруг других развитых регионов, отстающие регионы группируются вокруг отстающих.

Несмотря на то, что эмпирическая количественная оценка влияния факторов на региональное развитие российских регионов имеет ряд ограничений[61], понимание теории регионального роста необходимо для представления механизмов регионального роста и выбора направлений региональных политик всех уровней. Разработанная в данном параграфе концептуальная модель факторов межрегиональной дифференциации может быть дополнена схемой, отражающей уровни управления пространственным развитием (рисунок 1.2). Данная схема показывает, какие уровни власти (наднациональный, федеральный, региональный, муниципальный) отвечают за какие типы пространственной дифференциации и какими политиками они располагают.

На мегауровне (наднациональном) реализуется политика, направленная на сглаживание межстрановой дифференциации в рамках интеграционных объединений. Объект воздействия – страны-участницы. На самом деле наднациональная политика воздействует и на объекты более низких уровней и соответственно их дифференциацию в развитии, однако в рамках нашего исследования этот уровень глубоко не исследуется, так как его полное раскрытие перегрузило бы общую схему.

[61] Зубаревич Н. В. Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2 (46). С. 158–167.

Источник: составлено автором

Рисунок 1.2 – Уровни управления и уровни региональной (пространственной) дифференциации

Макроуровень (федеральный) проводит федеральную пространственную (региональную) политику, которая воздействует на несколько объектов: федеральные округа и макрорегионы (межокружная и межмакрорегиональная дифференциация), непосредственно на регионы (межрегиональная дифференциация), и даже отдельные муниципальные образования (внутрирегиональная дифференциация). Снижение диспропорций развития внутри

регионов обычно является объектом субфедеральной политики, однако и федеральная политика вносит свой вклад[62]. Серьезным ограничением для проведения подобной политики в России является ограниченность муниципальной статистики и большое количество муниципальных образований[6364].

Федеральная пространственная (региональная) политика – это не единственный канал влияния федерального центра на регионы. Вся федеральная политика имеет региональный разрез, так как физически реализуется на какой-то территории. Они по-разному влияют на разные регионы. Например, промышленная политика через субсидии и льготы может поддерживать предприятия в одних регионах и не затрагивать другие. Социальная политика через систему межбюджетных трансфертов выравнивает возможности регионов по предоставлению социальных услуг.

Мезоуровень (региональный) реализует региональную политику, направленную на развитие собственной экономики. Это влияет на межрегиональную дифференциацию, поскольку темпы роста разных регионов определяют степень их расхождения или сближения по уровню развития. В своем развитии регион опирается на развитие муниципальных образований, что означает влияние на внутрирегиональную дифференциацию. Влияние на внутрирегиональную дифференциацию может быть и целенаправленным, если целью политики является сглаживание внутрирегиональных различий.

Микроуровень (муниципальный) включает в себя муниципальную политику, проводимую органами местного самоуправления. Их объект – это муниципальные образования, а различия в их развитии определяют внутрирегиональную дифференциацию.

Для целей эмпирического анализа различия между регионами могут быть количественно измерены с использованием различных статистических показателей

[62] Кузнецова О. В. Вклад федеральной политики в снижение внутрирегиональных экономических диспропорций: опыт и перспективы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8, № 2. С. 15–25.
[63] Кузнецова О. В. Муниципальный уровень в федеральной пространственной политике: современные приоритеты. 2022. С. 68–72.
[64] Кузнецова О. В. Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России // Региональные исследования. 2022. № 2 (76). С. 16–24.

и индексов (коэффициентов) дифференциации. В настоящем исследовании для оценки степени межрегиональной дифференциации будут использованы методы статистического анализа, включая расчет индексов (коэффициентов) неравномерности распределения экономических показателей. Также будут использованы методы пространственной статистики, а именно расчеты пространственной автокорреляции для оценки пространственной кластеризации, позволяющие выявить группы регионов со сходными характеристиками развития.

Выводы к параграфу 1.3:

1. Межрегиональная экономическая дифференциация представляет собой многофакторное явление, формирующееся под воздействием совокупности разнородных, но взаимосвязанных механизмов. Предложенная концептуальная модель объединяет шесть групп факторов: институциональную среду, первичные условия, накопленный потенциал, агломерационные механизмы, кумулятивные процессы и макроэкономические механизмы. Каждая из этих групп отражает определенный срез пространственного развития и имеет собственное теоретическое обоснование в рассмотренных ранее подходах.

2. В концептуальной модели выделены факторы разной природы и степени изменчивости. Первичные условия (географическое положение, природные ресурсы) выступают как экзогенные, практически неизменные характеристики. Накопленный потенциал (демография, инфраструктура, структура экономики), будучи результатом предшествующего развития, обладает высокой инерционностью и выступает как структурное ограничение для текущей динамики. Институциональная среда задает устойчивые «правила игры», которые могут как способствовать развитию, так и поддерживать отставание. Агломерационные эффекты (эффект масштаба, эффект «домашнего рынка», кластерные взаимодействия) обеспечивают самоподдерживающуюся концентрацию экономической активности в ограниченном числе центров. Кумулятивные процессы (эффекты стягивания и распространения) усиливают первоначальные преимущества лидеров через механизмы положительной обратной связи.

Макроэкономические механизмы задают теоретическую развилку в понимании долгосрочной динамики.

3. Дополнительно к концептуальной модели межрегиональной экономической дифференциации в параграфе предложена схема «уровни управления – уровни региональной (пространственной) дифференциации», которая связывает типы дифференциации с конкретными уровнями власти и видами политики. Данная схема служит основой для разработки рекомендаций по совершенствованию региональной политики в третьей главе диссертации.

Проведенный в первой главе теоретический анализ межрегиональной экономической дифференциации позволяет сформулировать следующие ключевые выводы, имеющие значение для всего диссертационного исследования.

Выводы по 1 главе

1. В параграфе 1.1 уточнен понятийно-категориальный аппарат исследования. В работе разграничены понятия «регион», «экономический рост», «экономическое развитие», «конвергенция», «дивергенция», «дифференциация». Регион для исследования определен как субъект Российской Федерации – основная единица статистического наблюдения и управления.

2. В параграфе 1.2 систематизированы теоретические подходы к объяснению межрегиональной экономической дифференциации. Выделены и проанализированы четыре основных направления теоретической мысли:

- Классические теории размещения (И.Г. фон Тюнен, В. Лаунхардт, А. Вебер, В. Кристаллер, А. Лёш) заложили фундамент понимания пространственной организации экономики, показав, что стремление к минимизации издержек и оптимизации сбыта порождает устойчивую территориальную неоднородность.

- Теории поляризованного развития и кумулятивного роста (Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Дж. Фридман) совершили переход от статики к динамике, доказав, что рыночные силы не выравнивают, а усиливают первоначальные различия через механизмы кумулятивной причинности, концентрации роста в полюсах и неравномерной диффузии инноваций.

- Базовые макроэкономические теории роста (Р. Солоу, П. Ромер, Р. Лукас) задают теоретическую развилку: неоклассический подход предсказывает условную конвергенцию, тогда как теории эндогенного роста обосновывают возможность устойчивой дивергенции.

- Институциональный и эволюционный подходы, современные синтетические модели (Д. Норт, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон, Р. Мартин, П. Санли, К. Френкен, Ф. Оорт, Т. Вербург, П. Кругман, М. Портер) объясняют устойчивость межрегиональных различий через качество институтов, зависимость от предшествующей траектории, технологическую блокировку, связанное разнообразие, агломерационные и кластерные эффекты.

3. Разработана концептуальная модель межрегиональной экономической дифференциации. Выявлены и интегрированы ключевые факторы и механизмы межрегиональной дифференциации. На основе синтеза теоретических подходов в концептуальной модели выделены шесть групп факторов:

- Институциональная среда – формальные и неформальные институты, качество управления, механизмы региональной политики, задающие «правила игры» и определяющие стимулы к развитию.

- Первичные условия – географическое положение, природные ресурсы.

- Накопленный потенциал – демография, инфраструктура, структура и специализация экономики.

- Агломерационные механизмы – эффект масштаба, эффект «домашнего рынка», мобильность рабочей силы, кластерные эффекты, обеспечивающие самоподдерживающуюся концентрацию экономической активности.

- Кумулятивные процессы – эффекты стягивания и распространения, усиливающие и ослабляющие первоначальные преимущества или отставания.
- Макроэкономические механизмы – силы конвергенции (переток капитала, диффузия технологий) и дивергенции (возрастающая отдача от знаний и человеческого капитала, эффект масштаба в НИОКР, обучение на опыте), задающие долгосрочный вектор движения.

Разработанная концептуальная модель носит синтетический характер. Она не противопоставляет различные теоретические подходы, а выстраивает их в единую логическую схему, где каждый подход объясняет определенный аспект процесса пространственной дифференциации. Модель позволяет перейти от разрозненного описания факторов к системному анализу их взаимодействия и может служить аналитической рамкой для эмпирического исследования.

ГЛАВА 2. МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

2.1. Методики оценки межрегиональной экономической дифференциации

Во второй главе диссертационного исследования осуществляется переход от теоретического анализа к эмпирической оценке межрегиональной экономической дифференциации. В первой главе были рассмотрены теоретические подходы к пониманию межрегиональной экономической дифференциации и разработана на их основе концептуальная модель. Во второй главе внимание сосредоточено на разработке методического подхода к оценке межрегиональной экономической дифференциации и апробировании его на российских данных. Сначала формируется система исходных показателей и обосновывается выбор методик расчета (параграф 2.1). Далее на основе авторского методического подхода проводится количественная оценка динамики и структуры межрегиональной экономической дифференциации России (параграф 2.2). Завершающим этапом выступает пространственный анализ, позволяющий выявить пространственную кластеризацию регионов России по уровню экономического развития (параграф 2.3).

«Показатели неравенства» - наиболее распространенный термин, но их можно называть и показателями дифференциации, неравномерности, различий, разброса, концентрации, в зависимости от содержания изучаемого явления»[65]. В нашей эмпирической части работы мы статистически оцениваем дифференциацию (неравенство) между регионами. В параграфе используются термины

[65] Глущенко К. П. К вопросу о применении коэффициента Джини и других показателей неравенства // Вопросы статистики. 2016. № 2. С. 73.

«дифференциация» и «неравенство» как синонимы в контексте нашего исследования. Данный параграф основан на публикации автора[66].

Методику расчета межрегиональной дифференциации можно разделить на 2 составляющие:

1. Исходные показатели (данные, переменные, параметры). Показатели, характеризующие развитие региона в целом или какую-то его сторону, которые мы используем для расчетов;

2. Показатели (метрики, измерители, индикаторы) дифференциации. То, что мы рассчитываем, используя исходные показатели. Необходимо рассчитать то, что будет количественно характеризовать уровень межрегиональной дифференциации.

Основных выводов, которые мы можем получить после расчетов, два:

1. Характеристика межрегиональной дифференциации на определенный момент времени. Например, размер показателя дифференциации за 2023 год и, если возможно, его качественная характеристика («низкая» дифференциация, «высокая» дифференциация).

2. Характеристика динамики межрегиональной дифференциации за исследуемый период. Как меняется дифференциация: снижается, растет или остается неизменным.

Важным в использовании методов оценки дифференциации является выбор показателей, по которым проводится измерение межрегиональной дифференциации. Для общей оценки межрегиональной экономической дифференциации традиционно применяются два ключевых показателя: валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения и среднедушевые денежные доходы населения. Их описание приведено в таблице 2.1.

Валовой региональный продукт (ВРП) – обобщающий показатель экономической деятельности региона, характеризующий процесс производства товаров и услуг для конечного использования. Одновременно ВРП представляет

[66] Стебленко В. В., Ершова И. Г. Методики оценки межрегионального экономического неравенства // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 5 (61). С. 428–431.

собой валовую добавленную стоимость, созданную резидентами региона, и определяется как разница между выпуском и промежуточным потреблением[67].

Среднедушевые денежные доходы населения – показатель, характеризующий объем денежных доходов, полученных населением по всем источникам поступлений, приходящихся на одного человека[68].

Использование данных ВРП и денежных доходов без учета методологических ограничений может привести к искаженным выводам. Рассмотрим ниже методологические проблемы.

1. Проблема региональной дифференциации цен. Несмотря на единство валюты и национального рынка, значительные различия в стоимости жизни между регионами сохраняются[69]. Следовательно, номинальные значения доходов и ВРП не отражают реальную покупательную способность населения и объем произведенных благ. Одинаковые номинальные показатели в двух регионах могут означать разный уровень реального экономического благосостояния.

2. Методологическая сложность корректировки ВРП. Приведение ВРП к сопоставимому виду является нетривиальной задачей. ВРП представляет собой сумму добавленных стоимостей, созданных в различных отраслях экономики региона. Поскольку отраслевая структура и уровень цен в этих отраслях уникальны для каждого региона, не существует универсального метода для его корректной корректировки. Простое применение индекса потребительских цен неприменимо, так как он отражает стоимость потребления, а не производства.

Помимо этого, у ВРП есть свои известные недостатки[70]. Например, из-за открытости и связанности регионов, сложно правильно распределить

---

[67] Понятия и определения (ВРП) // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : [офиц. сайт]. – Москва, [1999–2026]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/WXWTVX2I/Понятия%20и%20определения%20%28ВРП%29.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

[68] Приложение № 1 к приказу Федеральной службы государственной статистики от 22.09.2025 № 522 «Об утверждении официальных статистических методологий формирования основных показателей, характеризующих уровень и динамику доходов населения» // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/412780647/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 03.03.2026).

[69] Глущенко К. П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 54–87.

[70] Михеева Н. Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1 (178). С. 32–42.

мультирегиональную произведенную добавленную стоимость между регионами, правильно оценить вклад в ВРП каждого региона крупных корпораций, работающих во многих регионах[71][72][73].

Изменение методики расчётов исходных показателей также влияет на оценку неравенства. В 2021 году вышла новая методика расчета ВРП. Теперь величина потребления основного капитала учитывается по текущей рыночной стоимости основных фондов, а также в ВРП включается стоимость жилищных услуг, производимых и потребляемых собственниками жилья. Это снизило оценку межрегиональной дифференциации среднедушевого ВРП[74].

Таблица 2.1 – Базовые исходные показатели для общей оценки межрегиональной экономической дифференциации

Показатель	Комментарий
ВРП на душу населения	Обобщающий показатель деятельности регионов. В исследованиях межрегиональной дифференциации используется чаще всего. Имеет методологические сложности расчета, из-за которых может искажаться размер экономик регионов. Сложно привести в сопоставимые показатели, поэтому часто используют номинальные значения
Среднедушевые денежные доходы населения	Показатель, отражающий денежные поступления, которые получает население региона в среднем на одного человека. Лучше измеряет благосостояние населения. Включает трансферты, которые могут искажать картину собственной экономической активности региона

Источник: составлено автором

[71] Понятия и определения (ВРП) // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : [офиц. сайт]. – Москва, [1999–2026]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/WXWTVX2I/Понятия%20и%20определения%20%28ВРП%29.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

[72] Повышение достоверности оценки валового регионального продукта при построении прогнозов развития региона / О. И. Карасев, В. И. Кондратьева, Н. Н. Михеева [и др.] // Вопросы статистики. 2017. № 5. С. 3–18.

[73] Воспроизводственные параметры пространственного развития России в условиях интеграции новых регионов: дифференциация, факторы, приоритеты / Н. В. Брюханова, Ю. А. Мащенко, Г. Г. Уварова [и др.] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 1. С. 21–38.

[74] Михеева Н. Н. «Новые» региональные пропорции: результаты пересчета валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. 2022. № 3 (192). С. 78–88.

Комплексный анализ межрегиональной дифференциации не обязательно ограничивается только сравнением ВРП или доходами населения и расчетом на их основе определенных показателей. При необходимости можно углубиться в более узкую статистику, например, по рынку труда или демографии. В таблице ниже предложена классификация исходных показателей для оценки межрегиональной экономической дифференциации. Все показатели автором разделены на 6 групп:

1. Общий уровень экономического развития;
2. Структура экономики и инвестиции;
3. Уровень жизни и социальное развитие;
4. Рынок труда и занятость;
5. Демография и человеческий потенциал;
6. Финансовое состояние и бюджет.

Таблица 2.2 – Классификация исходных показателей для оценки межрегиональной экономической дифференциации

Группа показателей	Показатель	Источник данных	Пояснение
1	2	3	4
1. Общий уровень экономического развития	1.1. Валовой региональный продукт	Росстат	Базовый показатель регионального экономического развития и масштаба экономики
	1.2. ВРП на душу населения	Росстат	Основной используемый показатель развития экономики региона. Позволяет оценивать степень развитости экономики и сравнивать с другими регионами
	1.3. ВРП на одного занятого	Росстат	Более точный показатель производительности труда в регионе
2. Структура экономики и инвестиции	2.1. Структура ВРП по видами экономической деятельности	Росстат	Показывает специализацию региона и диверсификацию ее экономики
	2.2. Инвестиции в основной капитал на душу населения	Росстат	Показатель инвестиционной активности и будущего роста экономики региона

Продолжение таблицы 2.2

1	2	3	4
2. Структура экономики и инвестиции	2.3. Инвестиции в основной капитал к ВРП	Росстат	Показатель инвестиционной активности и будущего роста экономики региона
	2.4. Прямые иностранные инвестиции	Банк России, Росстат	Показатель привлекательности экономики, степень интеграции в мировую экономику
3. Уровень жизни и социальное развитие	3.1. Среднедушевые денежные доходы населения	Росстат	Доходы населения
	3.2. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	Росстат	Уровень оплаты труда населения
	3.3. Уровень бедности	Росстат	Масштаб бедности в регионе
	3.4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Росстат	Интегральный показатель, характеризующий качество здравоохранения, развития экономики, экологии
4. Рынок труда и занятость	4.1. Уровень безработицы (по МОТ)	Росстат	Показатель недоиспользования трудовых ресурсов и напряжения на рынке труда
	4.2. Уровень экономической активности	Росстат	Доля населения, вовлеченного в экономику
	4.3. Численность занятых по видам экономической деятельности	Росстат	Трудовая специализация региона
5. Демография и человеческий потенциал	5.1. Естественный прирост/убыль населения	Росстат	Естественная динамика численности населения
	5.2. Миграционный прирост/убыль	Росстат	Привлекательность региона для внутренних и внешних мигрантов
	5.3. Доля населения с высшим образованием (в трудоспособном возрасте)	Росстат	Качество человеческого капитала, потенциал для инноваций
	5.4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Росстат	Интегральный показатель, характеризующий качество здравоохранения, развития экономики, экологии

Окончание таблицы 2.2

6. Финансовое состояние и бюджет	6.1. Доходы консолидированного бюджета региона на душу населения	Минфин РФ, Росстат	Финансовые возможности региональных властей
	6.2. Доля безвозмездных поступлений из федерального бюджета	Минфин РФ, Казначейство РФ	Степень бюджетной самостоятельности и дотационности
	6.3. Дефицит/профицит консолидированного бюджета региона	Минфин РФ, Казначейство РФ	Сбалансированность региональных финансов

Источник: составлено автором

Таким образом, выбор показателя регионального развития зависит от задач исследования. После выбора исходного показателя, мы производим на его основе расчет выбранного показателя (метрики, индикатора) дифференциации.

Основные методы оценки межрегиональной дифференциации, выделенные автором, приведены в таблице 2.3. Важные комментарии по использованию их также указаны в таблице.

Таблица 2.3 – Классификация основных методов оценки межрегиональной экономической дифференциации

Группа показателей	Показатель (метрика, индикатор)	Комментарий
1	2	3
Оценка динамики	Темп роста и прироста $T_{\text{рост}} = \frac{x_t}{x_{t-1}} * 100\%$ $T_{\text{прирост}} = \frac{x_t - x_{t-1}}{x_{t-1}} * 100\%$ *x_t – значение показателя в текущем периоде, x_{t-1} – значение показателя в предыдущем периоде.*	Темп роста показывает, во сколько раз вырос показатель. Темп прироста показывает на сколько процентов вырос показатель. Возможно использовать в простых исследованиях или в начале исследования для рассмотрения общей картины: сравнить темпы роста богатых и бедных регионов, темпы роста в среднем по экономике

Продолжение таблицы 2.3

1	2	3
Ранговая и структурная оценка	Отношение к среднему или медиане $K = \frac{x_i}{\overline{x}}, K = \frac{x_i}{Me}$ *x_i – значение показателя для i-го региона, $\overline{x}$ – среднее арифметическое по всем регионам, Me – медиана (среднее значение упорядоченного ряда).*	Показывает, во сколько раз показатель региона отличается от среднего (медианного) уровня. Возможно использовать в простых исследованиях или в начале исследования для рассмотрения общей картины: выделить группы богатых, средних и бедных регионов
	Размах вариации $R = x_{max} - x_{min}$ *x_{max} – максимальное значение показателя среди регионов, x_{min} – минимальное значение*	Показывает, на сколько (или во сколько) далеко друг от друга самый богатый и бедный регион. Для быстрой и грубой оценки дифференциации. Нельзя применять для общего вывода по стране, так как используются только крайние значения выборки
	Отношение максимума к минимуму $K = \frac{x_{max}}{x_{min}}$	
	Квартильный, квинтильный, децильный коэффициенты $K_d = \frac{D_9}{D_1}$ *D_9 – 9-й дециль (значение, ниже которого находятся 90% регионов), D_1 – 1-й дециль (значение, ниже которого находятся 10% регионов).* *Аналогично для квартилей и квинтилей*	Коэффициент показывает разрыв между «верхними» и «нижними» регионами. Можно взять любое значение из распределения, чтобы лучше понять структуру дифференциации. Например, можно рассчитать отношение между 9 децилем и 1 децилем (децильный коэффициент). Можно взять любые значения для расчетов, если их аргументировать
	Коэффициент фондов $K_{\text{фондов}} = \frac{\overline{x}_{10\%\text{ богатых}}}{\overline{x}_{10\%\text{ бедных}}}$ $\overline{x}_{10\%\text{ богатых}}$ *– средний показатель среди 10% регионов с самыми высокими значениями,* $\overline{x}_{10\%\text{ бедных}}$ *– средний показатель среди 10% регионов с самыми низкими значениями*	Похож на децильный коэффициент, поэтому их часто путают. Разница в том, что для расчетов берется не значение 9 дециля, а среднее значение доходов 10% самых богатых. Соответственно, вместо 1 дециля берется средний доход 10% самых бедных. Математически это тоже самое, что отношение суммарного дохода 10% самых богатых к 10% самых бедных. Можно взять любые значения для расчетов, если их аргументировать

Продолжение таблицы 2.3

1	2	3
Общая (интегральная) оценка	Коэффициент вариации $$CV = \frac{\sigma}{\bar{x}}$$ σ – *среднее квадратическое отклонение,* $\bar{x}$ – *среднее арифметическое*	Минимальное значение 0 (абсолютное равенство). Верхняя граница не фиксирована. Стандартная статистическая оценка разброса данных, которую можно интерпретировать как оценку дифференциации. Одинаково оценивает разброс регионов. Дает общую оценку по всем данным. Безразмерный показатель. Чем выше CV, тем выше дифференциация
	Коэффициент Джини $$G = 1 - \sum_{i=1}^{n}(p_i - p_{i-1})(q_i + q_{i-1})$$ p_i – *кумулятивная (накопленная) доля населения до i-й группы (от 0 до 1),* q_i *– кумулятивная доля дохода (или другого показателя), приходящаяся на эту долю населения в ранжированном списке,* $p_0 = 0, q_0 = 0$, n *– число регионов*	Популярный показатель. Понятная шкала от 0 до 1. Чувствителен к изменениям в середине распределения. Нельзя провести декомпозицию. Есть несколько формул расчета
	Индекс Херфиндаля-Хиршмена (HHI) $$HHI = \sum_{i=1}^{n} s_i^2$$ s_i – *доля i-го региона в общем объёме изучаемого показателя.* n – *число регионов*	Значения от 1/n (абсолютное равенство) до 1 (абсолютное неравенство). Чаще используется для оценки концентрации рынка (долей фирм), но может использоваться для измерения любой дифференциации. Чувствителен к значениям в правой части распределения (показателям крупных регионов). Позволяет проводить аддитивную декомпозицию дифференциации: оценка вклада межгрупповой и внутригрупповой дифференциации

Окончание таблицы 2.3

1	2	3
Общая (интегральная) оценка	Индекс Херфиндаля-Хиршмена (HHI) $$HHI = \sum_{i=1}^{n} s_i^2$$ *s_i – доля i-го региона в общем объёме изучаемого показателя. n – число регионов*	Значения от 1/n (абсолютное равенство) до 1 (абсолютное неравенство). Чаще используется для оценки концентрации рынка (долей фирм), но может использоваться для измерения любой дифференциации. Чувствителен к значениям в правой части распределения (показателям крупных регионов). Позволяет проводить аддитивную декомпозицию дифференциации: оценка вклада межгрупповой и внутригрупповой дифференциации
	Индекс Тейла $$T = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} \frac{x_i}{\overline{x}} \ln\left(\frac{x_i}{\overline{x}}\right)$$ *x_i – значение показателя для i-го региона, $\overline{x}$ – среднее арифметическое, n – число регионов* *для декомпозиции:* $$T = T_{\text{межгр}} + T_{\text{внутригр}}$$ *$T_{\text{межгр}}$ – вклад дифференциации между группами регионов, $T_{\text{внутригр}}$ – вклад дифференциации внутри групп*	Минимальное значение 0 (абсолютное равенство). Верхняя граница не фиксирована и равна ln(n). Позволяет проводить аддитивную декомпозицию дифференциации: оценка вклада межгрупповой и внутригрупповой дифференциации. Менее интуитивно понятен, чем коэффициент Джини
	Индекс Аткинсона $$A_e = 1 - \left[\frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n}\left(\frac{x_i}{\overline{x}}\right)^{1-\varepsilon}\right]^{\frac{1}{1-\varepsilon}}, \varepsilon \geq 0, \varepsilon \neq 1$$ *для $\varepsilon = 1$:* $A_1 = 1 - \frac{\left(\prod_{i=1}^{n} x_i\right)^{1/n}}{\overline{x}}$ *x_i – значение показателя для i-го региона, $\overline{x}$ – среднее арифметическое, n – число регионов. ε – параметр «неприятия неравенства» (чем выше ε, тем сильнее индекс реагирует на неравенство в нижней части распределения)*	Шкала от 0 (абсолютное равенство) до 1 (абсолютное неравенство). Уникальность заключается в возможности превращения его в нормативный показатель неравенства с помощью коэффициента ε, который отражает степень непринятия неравенства обществом. При $\varepsilon = 0$ индекс не чувствителен к неравенству и равен нулю, при $\varepsilon \to \infty$ фокус смещается на самых бедных.

Источник: составлено автором

Не стоит относиться к данному списку как к исчерпывающему. Это основные подходы, которые используются в исследованиях. Также можно предлагать и использовать собственные методики оценки, что сделали ряд исследователей[75][76][77][78]. Оценивать и использовать для расчетов можно не только межрегиональную дифференциацию, но и внутрирегиональную, то есть дифференциацию в регионах[79][80], а также городскую и межгородскую дифференциации[81][82]. Выбор конкретного метода оценки дифференциации зависит от целей исследования, доступности данных и специфики рассматриваемой территории[83].

Росстат считает коэффициент Джини, коэффициент фондов и децильный коэффициент по денежным доходам населения в целом по России и по субъектам России[84][85]. Снижение показателя коэффициента Джини по доходам в России включено в Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 год[86].

---

[75] Лившиц В. Н., Шаталова О. М., Касаткина Е. В. Межрегиональная дифференциация в РФ: эмпирический анализ влияния территориальной локализации отраслей на уровень экономической активности регионов // Экономика и математические методы. 2023. Т. 59, № 3. С. 77–90.

[76] Шаталова О. М., Касаткина Е. В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 4. С. 74–87.

[77] Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения / В. Н. Бобков, Р. В. Губарев, Е. И. Дзюба [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 55–73.

[78] Волкова А. В. Межрегиональная дифференциация регионов РФ: методические подходы к оценке // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 251, № 1. С. 242–262.

[79] Полбин А. В., Ивахненко Т. Ю. Конвергенция неравенства доходов в российских регионах // Пространственная экономика. 2022. Т. 18, № 4. С. 68–92.

[80] Глущенко К. П. Структура конвергенции региональных уровней неравенства по доходам в России // Пространственная экономика. 2023. Т. 19, № 3. С. 46–62.

[81] Манаева И. В. Городское экономическое неравенство в РФ: показатели, оценка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12, № 10 (343). С. 46–57.

[82] Манаева И. В. Особенности социально-экономического неравенства в городах России // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16, № 5 (464). С. 960–970.

[83] Волкова А. В. Политика сглаживания дифференциации экономического пространства регионов РФ // Научные труды вольного экономического общества России. 2025. Т. 255, № 5. С. 139–161.

[84] Об утверждении Федерального плана статистических работ : распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 671-р (ред. от 13.01.2026) : вместе с «Федеральным планом статистических работ» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111344/ (дата обращения: 04.04.2026).

[85] Об утверждении методики расчета показателя «Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)» Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года : приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 19.03.2025 № 116 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502678/ (дата обращения: 04.04.2026).

[86] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года : утв. Правительством Российской Федерации // Гарант. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411156963/ (дата обращения: 04.04.2026).

Стандартным показателем характеристики межрегиональной дифференциации является коэффициент Джини, который с коэффициентом вариации и индексом Тейла в исследованиях используются чаще всего[87]. Коэффициент Джини представляет собой числовой показатель, значения которого варьируются в интервале от 0 до 1 (при большом количестве наблюдений максимум приближается к 1). Нулевое значение коэффициента соответствует ситуации абсолютного равенства, когда анализируемый показатель, например ВРП на душу населения, распределен между регионами полностью равномерно. Значение, равное единице, напротив, отражает ситуацию абсолютного неравенства, при которой весь объем показателя сконцентрирован в одном регионе, в то время как в остальных его значение равно нулю.

Интересным и важным для обсуждения является вопрос о необходимости взвешивания регионов по количеству населения для расчетов данного и других коэффициентов. На первый взгляд это представляется как некое улучшение качества расчетов, однако все не так однозначно.

В статье Зубаревич Н. В и Сафронова С. Г. 2013 года используется для оценки межрегионального неравенства коэффициент Джини, взвешенный по численности населения регионов. Авторы аргументируют это тем, что «невзвешенные измерения искажают степень регионального неравенства вследствие очень дробного административно-территориального деления и неравноценности субъектов РФ по численности населения»[88].

Данное заявление и в целом подход к оценке межрегионального неравенства с использованием взвешивания критически обсуждено в статье Глущенко К. П. 2015 года[89]. Основной аргументированный вывод состоит в том, что оценка межрегионального неравенства с помощью взвешенных показателей приводит не к оценке интересующего нас межрегионального неравенства, а к грубой оценке

[87] Землянский Д. Ю., Медведникова Д. М. Взвешенное и невзвешенное межрегиональное неравенство в России в период действия основ государственной политики регионального развития (2017-2024 гг.) // Региональные исследования. 2025. № 3 (89). С. 4–22.

[88] Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 19.

[89] Глущенко К. П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 39–58.

неравенства всего населения рассматриваемых регионов. Данной методикой мы оцениваем неравенство населения без учета неравенства внутри регионов. Это не то, что нас интересует.

Тем не менее в статье Зубаревич Н. В и Сафронова С. Г. 2024 года авторы продолжают настаивать на применении взвешенного индекса: «Некоторые экономисты предлагают подход к регионам как отдельным, равным по весу точкам, но он неадекватен поставленной нами задаче. Регионы рассматриваются не как абстрактные элементы эконометрической модели, а как места жизнедеятельности населения в конкретных социально-экономических условиях с разной доступностью базовых услуг и благ. Поэтому, исходя из опыта других работ, в качестве основной характеристики уровня дифференциации выбран взвешенный по населению территориальных единиц коэффициент Джини как наиболее внятно интерпретируемый показатель, сбалансированно учитывающий особенности распределения регионов по анализируемым показателям»[90].

Аргументированную точку зрения на то, когда стоит использовать взвешенный и невзвешенный подход высказала М. Ю. Малкина в статье-реакции на статью К.П. Глущенко, рассмотренную выше. Автор утверждает, что оба подхода имеют право на жизнь и используются для решения разных задач. Невзвешенный подход оценивает степень межрегионального неравенства. В свою очередь «… взвешенный подход оценивает не неравенство, а неравномерность, то есть несоответствие одной структуры распределения (доходов) другой структуре (населения). Взвешенный подход полезен тогда, когда нужно не просто констатировать проблему, а оценить ее масштаб»[91]. Основной аргументам в пользу использования взвешенного подхода: возможность количественной оценки необходимого для выравнивания перераспределения между регионами. Оба

[90] Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. 2024. № 1 (83). С. 8.
[91] Малкина М. Ю. К вопросу о необходимости взвешивания в межрегиональных исследованиях (ответ на статью К.П. Глущенко) // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 179.

подхода распространены в российских исследованиях, однако невзвешенный подход используется несколько чаще[92].

Следует подчеркнуть, что простое приведение статистических данных мало что может сказать об исследуемом объекте в контексте исследования неравенства. Например, в статье Бондаренко Н. Е. и Губарева Р. В.[93] для определения уровня регионального неравенства используется показатель ВРП на душу населения. В данном исследовании авторы ограничились приведением данных показателей по годам в таблице, что представляется малоинформативным. Простое использование данных без обработки не позволяет сделать точные выводы о масштабе неравенства и ее динамике. Мы можем лишь ограничиваться выводом о наличии какого-то неравенства, что представляется и так само собой разумеющимся. Нас же интересует количественное измерение этого неравенства и его динамики.

Крюков В. А и Коломак Е. А. в своей статье отмечают «концентрацию экономического развития в небольшом числе субъектов федерации и, как следствие, растущее неравенство не только по показателям экономического развития, но и уровня жизни»[94]. Для аргументации были использованы данные по темпам роста номинального и реального ВРП федеральных округов за большой интервал времени. Было рассчитано, во сколько раз вырос ВРП в последний рассматриваемый период относительно первого. Далее авторы посчитали изменения в пространственной структуре показателей экономики в последнем рассматриваемом периоде относительно первого: доля в суммарном ВРП, доля в среднегодовой численности занятых, доля в энергопотреблении и доля в промышленном производстве.

Выводы авторов о росте регионального неравенства на основе данных расчетов представляются спорными. Проблема заключается в их логически

[92] Землянский Д. Ю., Медведникова Д. М. Взвешенное и невзвешенное межрегиональное неравенство в России в период действия основ государственной политики регионального развития (2017-2024 гг.) // Региональные исследования. 2025. № 3 (89). С. 4–22.

[93] Бондаренко Н. Е., Губарев Р. В. Проблема регионального неравенства в социально-экономическом развитии Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17, № 5 (113). С. 56–68.

[94] Крюков В. А., Коломак Е. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227, № 1. С. 97.

спорном заявлении, что растущее неравенство является следствием концентрации развития. Строго говоря, это необязательно. Все расчеты, которые привели исследователи, характеризуют рост концентрации абсолютных показателей развития без учета численности населения. Концентрация развития может происходить из-за демографических тенденции, например, из-за миграции людей с востока на запад. Однако показатели неравенства развития на душу населения (ВРП, доходы) могут меняться иначе.

Индекс Тейла рассчитывается на основе концепции энтропии, измеряя отклонение фактического распределения экономического показателя, такого как ВРП или доход населения, от состояния полного равенства. Значение индекса варьируется от нуля до бесконечности. Нулевое значение индекса соответствует ситуации идеального равенства, когда доля каждого региона в общем объеме изучаемого показателя в точности равна его доле в общем количестве регионов (или доли населения, если считается взвешенный по населению индекс). Рост значения индекса соответствует повышению уровня дифференциации.

Ключевым преимуществом индекса Тейла, как энтропийного индекса, является его свойство сепарабельности[95][96] или декомпозируемости (разложимости). Это означает, что общий индекс неравенства по стране может быть разложен на две составляющие: неравенство между крупными группами регионов и неравенство внутри этих групп:

$$T = T_{\text{межгрупп.}} + T_{\text{внутрегрупп.}} \quad (2.1)$$

В нашем исследовании межгрупповое неравенство – это неравенство между федеральными округами, а внутригрупповое – неравенство между регионами внутри каждого округа. Данное свойство позволяет количественно оценить, в какой мере межрегиональное неравенство определяется различиями между крупными макрорегионами, а в какой мере оно обусловлено внутренней дифференциацией внутри каждого из них.

[95] Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 85–106.

[96] Кулагина Н. А., Васильев А. А. Оценка межрегионального неравенства по уровню кадровой безопасности: теоретические и прикладные аспекты // Прикладные Экономические Исследования. 2026. № 6. С. 106–112.

В работе Блусь П.И. и Плотникова Р.В.[97] проведена оценка индекса Тейла по ВРП на душу населения по данным за 2018 год. Было получено, что вклад регионов в общее неравенство составляет 66%, а федеральных округов - 34%. В работе Гагариной Г.Ю. и Болотова Р.О.[98] проведена оценка и декомпозиция индекса Тейла за 2019 год. По словам авторов, использовались данные по всем регионам, кроме автономных округов. По всей видимости, авторы имели ввиду 3 округа, которые входят в состав областей. Однако есть Чукотский автономный округ, который не входит ни в какую область и скорее всего именно он тоже использовался в расчетах (так как авторы убрали из данных 3 региона, а не 4). Исследователи получили, что межрегиональное неравенство более чем на 80% состоит из различий между регионами внутри округов. Гагарина Г.Ю. и Болотов Р.О.[99] также проводили оценку дифференциацию доходов населения России с помощью коэффициента полярных значений, децильного коэффициента, коэффициента осцилляции, коэффициента вариации и индекса Тейла.

В работе Коломак Е.А.[100] на основе индекса Тейла отмечается процесс пространственной концентрации в России, а также относительно небольшой вклад (5%) в это различий между западными и восточными, центральными и периферийными, добывающими и обрабатывающими регионами. В работе Шаталовой О.М. проведена оценка и декомпозиция регионального неравенства в масштабе федеральных округов с помощью индекса Тейла[101]. Отмечено растущее неравенство, а также вклад в это внутригрупповой компоненты более чем на 80% в 2020 году.

---

[97] Блусь П. И., Плотников Р. В. Пространственная кластеризация как инструмент снижения внутрирегиональной неравномерности // Journal of New Economy. 2022. Т. 23, № 1. С. 88–108.

[98] Гагарина Г. Ю., Болотов Р. О. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // Федерализм. 2021. Т. 26, № 4 (104). С. 20–34.

[99] Гагарина Г. Ю., Болотов Р. О. Оценка дифференциации доходов населения Российской Федерации с учетом межрегионального уровня цен // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Россия, Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 2022. Т. 19, № 3 (123). С. 97–108.

[100] Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 85–106.

[101] Шаталова О. М. Дифференциация экономического пространства РФ: структурный анализ на уровне макрорегионов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: экономика и менеджмент. 2022. Т. 16, № 2. С. 55–63.

Ряд работ Кулагиной Н.А. направлены на социальный аспект межрегионального неравенства и посвящены оценке межрегионального неравенства по уровню кадровой безопасности[102], а также неравномерности развития социальной инфраструктуры[103]. В обоих случаях для оценки был выбран индекс Тейла, который был дополнен расчетом индекса Аткинсона с различными параметрами социальной чувствительности к неравенству.

В работе Землянского Д.Ю., Медведниковой Д.М., Калиновского Л.В. и Прусихина О.Е.[104] проведен анализ распределений дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности по регионам России за 2008-2023 гг. и оценена их роль в снижении межрегионального неравенства по бюджетным расходам. Для оценки использовались коэффициенты вариации, Джини, индекс Тейла и индекс Аткинсона.

Децильные коэффициенты и анализ децильных групп полезны, когда необходимо изучение структуры неравенства. Например, в работе Михеевой Н.Н. и Басаревой В.Г.[105] проведен анализ бедности по регионам России с помощью анализа децильных групп.

В работе Алтуниной В.В. и Анучиной Д.А.[106] проведена оценка пространственной поляризации по ВРП и ВРП на душу населения. Сначала регионы были сгруппированы по 10 регионов в порядке убывания по показателям развития, далее было сравнено положения регионов за 2000, 2010, 2020 годы и посчитаны доли групп в общем объеме ВРП. В конце были рассчитаны показатели относительного уровня поляризации по всем регионам. Отмечено, что размах поляризации меняется с течением времени из-за изменений в административно-

[102] Кулагина Н. А., Васильев А. А. Оценка межрегионального неравенства по уровню кадровой безопасности: теоретические и прикладные аспекты // Прикладные Экономические Исследования. 2026. № 6. С. 106–112.
[103] Кулагина Н. А. Методический подход к мониторингу и оценке неравномерности развития социальной инфраструктуры регионов на основе интегральных индексов с учетом рисков в сфере образования // Индустриальная Экономика. 2025. № S4. С. 183–189.
[104] Распределение дотаций на выравнивание по субъектам Российской Федерации и их роль в изменении межрегионального бюджетного неравенства / Д. Ю. Землянский, Д. М. Медведникова, Л. В. Калиновский [и др.] // Региональные исследования. 2024. № 2 (84). С. 4–17.
[105] Михеева Н. Н., Басарева В. Г. Региональные особенности бедности в России // Проблемы прогнозирования. 2021. № 5 (188). С. 74–85.
[106] Алтунина В. В., Анучина Д. А. Оценка уровня пространственной поляризации российских регионов // Экономика, Предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 1319–1340.

территориальном делении страны. Тем не менее, размах поляризации по ВРП на душу населения в 2020 году значительно вырос относительно 2000 года.

В статье Борковой Е.А., Бездудной А.Г.[107] проведена оценка дифференциации регионов России по уровню достижения целей устойчивого развития (ЦУР) ООН. Исследователи указывают на высокую дифференциацию с помощью приведения показателей развития 10 наиболее и наименее успешных регионов.

В работе Антипина И.А. и Шишкиной Е.А.[108] диспропорции регионального развития по ряду показателей (ВРП, инвестиции, денежные доходы потребление электроэнергии и др.) рассчитаны с помощью расчетов отношений максимальных и минимальных значений за каждый год, а также коэффициентов вариации. Сделан вывод о высокой поляризации в развитии российских регионов. В другой статье Антипина И.А. Власовой Н.Ю и Шишкиной Е.А.[109] проведена оценка межрегиональных пропорций развития регионов России за 2005-2022 гг. Для оценки использовались такие показатели как величина среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, конечное потребление домашних хозяйств на душу населения и другие. Для оценки дифференциации также были рассчитаны коэффициенты крайних значений (макс/мин) и коэффициенты вариации.

В работе Буфетовой А.Н.[110] рассчитаны показатели ВРП к среднему показателю ВРП по России, оценено распределение регионов по экономической активности, выделены «группы сходимости» регионов. Сделан вывод о растущей поляризации регионов.

---

[107] Боркова Е. А., Бездудная А. Г. Оценка дифференциации в развитии регионов России в контексте достижения целей устойчивого развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 1, № 8 (161). С. 109–118.

[108] Антипин И. А., Шишкина Е. А. Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 247, № 3. С. 179–201.

[109] Антипин И. А., Власова Н. Ю., Шишкина Е. А. Оценка межрегиональных диспропорций в контексте политики выравнивания пространственного развития РФ // Эко. 2025. № 2 (602). С. 197–213

[110] Буфетова А. Н. Поляризация пространственного развития России: камо грядеши? // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22, № 1. С. 103–129.

Снижение дифференциации (неравенства) свидетельствует о конвергенции, то есть процессе сближения регионов (уменьшению среднего расстояния между ними). Поэтому для того, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии конвергенции, достаточно измерить неравенство с помощью коэффициента вариации, индекса Тейла, Джини и т.д. Об этом много раз аргументированно писал Глущенко К.П. в своих статьях[111][112][113]. Нет необходимости считать коэффициент уравнения регрессии темпов роста региональных экономик или доходов относительно их изначального уровня. Мало того, что ничего нового эти расчеты не могут дать, есть вероятность получить неверные выводы о наличии конвергенции, когда она отсутствует.

После анализа ключевых методик оценки межрегиональной дифференциации можно сформулировать следующие практические рекомендации по их выбору в зависимости от целей исследования:

1. Для простой группировки регионов следует проранжировать список регионов. Можно провести расчет показателя регионального развития относительного среднего или медианы, чтобы количественно оценить развитие региона относительно других регионов.

2. Для быстрой общей оценки межрегиональной дифференциации можно использовать коэффициент вариации. Данный показатель является стандартным статистическим показателем, легко считается и часто используется.

3. Для оценки дифференциации между определенными группами можно использовать децильный и другие коэффициенты. Коэффициенты позволяют лучше понять структуру распределения.

4. Для общей оценки дифференциации предлагается использовать коэффициент Джини, как наиболее часто используемый показатель, а также

[111] Глущенко К. П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 54–87.
[112] Глущенко К. П. Структура конвергенции региональных уровней неравенства по доходам в России // Пространственная экономика. 2023. Т. 19, № 3. С. 46–62.
[113] Глущенко К. П. Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 4 (16). С. 26–44.

показатель, который расположен в интервале от 0 до 1. Также можно использовать индекс Тейла и коэффициент вариации.

5. Для декомпозиции дифференциации следует использовать индекс Тейла.

6. Для углубленного анализа дифференциации (неравенства) с учетом социальных предпочтений можно рассчитать индекс Аткинсона.

Выводы к параграфу 2.1:

1. Хорошее исследование межрегиональной экономической дифференциации должно быть комплексным. Ни один из методов расчета не является универсальным.

2. Самыми подходящими данными для комплексной оценки межрегиональной экономической дифференциации являются ВРП на душу населения и среднедушевые доходы населения. При этом они имеют свои ограничения и несовершенства.

3. Статистические показатели дифференциации хороши для общего описания масштаба дифференциации. При этом ряд показателей (децильный, коэффициент фондов и другие) используют не всю информацию о распределении регионов, однако позволяют лучше «прочувствовать» структуру дифференциации.

4. Индексные методы (коэффициент Джини и другие) являются аналогом простого расчета коэффициента вариации со своими преимуществами и недостатками. Например, коэффициент Джини имеет верхний предел, что удобно для интерпретации результатов и сравнения с расчетами других авторов или расчетами по другим данным.

5. Отдельное внимание стоит уделить возможности декомпозиции дифференциации. Индекс Тейла позволяет разложить дифференциацию на части, что позволяет, например, оценить вклад межгрупповой и внутригрупповой дифференциации в общую межрегиональную дифференциацию.

6. Необходимость взвешивания по населению исходных данных зависит от поставленной задачи в исследовании. При общей оценке экономической дифференциации между регионами взвешивание не требуется, так как оно

приводит к искажению расчетов. При необходимости оценки масштаба экономической дифференциации и расчета размера вмешательства для устранения дифференциации необходимо взвешивать данные, чтобы учесть разные размеры регионов.

2.2. Методический подход к оценке межрегиональной экономической дифференциации

На основе различных показателей и методов оценки межрегиональной экономической дифференциации, рассмотренных в параграфе 2.1, нами был разработан методический подход к оценке межрегиональной экономической дифференциации (таблица 2.4). Апробация подхода проведена на основе российских данных. Для расчетов показателей межрегиональной экономической дифференциации были использованы годовые данные Росстата[114] по валовому региональному продукту по субъектам Российской федерации в абсолютном значении и на душу населения за 1998 – 2024 гг., а также данные по региональной структуре валового регионального продукта за 1998 – 2024 гг.

При формировании итоговой выборки регионов для анализа сначала были исключены следующие субъекты России: Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ. Данное решение обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, нам нужно было исключить двойной счет в данных. Указанные автономные округа являются составной частью других субъектов федерации (Архангельской и Тюменской областей). Агрегированные данные по этим областям используются в работе. Включение и автономных округов, и областей привело бы к двойному учету ВРП автономных округов. Во-вторых, рассматривалась альтернативная возможность –

[114] Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 28.04.2026).

использовать в анализе данные по автономным округам, исключив из рассмотрения агрегированные показатели двух вышеперечисленных областей. Однако этот подход привел бы к тому, что нам пришлось бы сократить период исследования, поскольку официальные данные о валовом региональном продукте (ВРП) для данных округов доступны лишь с 2011 года. Таким образом, для обеспечения целостности данных и использования всего доступного периода для расчетов были использованы Архангельская и Тюменская области без входящих в их состав автономных округов.

Кроме того, из-за отсутствия полных рядов данных за все рассматриваемые периоды из выборки были также исключены Чеченская Республика, Республика Крым и город Севастополь. Данные по Чеченской Республики есть с 2005 года. Данные по Республике Крым и г. Севастополю начинаются с 2014 года.

Исключением из этого является первая расчетная часть исследования, когда мы считаем темпы роста регионов с 2014 года и 2019 года по 2024 год. За эти периоды есть данные по автономным округам и республикам, поэтому они включены в расчеты.

Сначала рассматривается динамика роста региональных экономик. Это делается в региональном и окружном разрезах. Рассчитаны кумулятивные темпы прироста регионов и округов по показателю ВРП и ВРП на душу населения. По итогу выделены наиболее успешные и отстающие регионы и округа. Далее рассмотрены и сравнены размеры региональных экономик, рассчитаны доли регионов и округов в экономике России, описана динамика долей за весь период исследования. После этого рассчитаны различные показатели межрегиональной экономической дифференциации.

Для общей оценки межрегиональной дифференциации сначала был рассчитан коэффициент вариации. Это универсальный относительный показатель, который характеризует неоднородность данных и может применяться в том числе в оценке дифференциации. Далее мы рассчитали коэффициент Джини и индекс Тейла. Для декомпозиции дифференциации мы провели дополнительные расчеты

с помощью индекса Тейла. Отдельной задачей было выделено сравнение между собой трех показателей: коэффициента Джини, индекса Тейла и коэффициента вариации. Мы их нормировали (мин-макс нормализация) и показали на одном графике.

Для оценки межрегиональной дифференциации по ВРП мы также рассчитали определенные коэффициенты, в том числе с учетом особенности количества регионов. Использование и интерпретация процентных показателей для расчётов межрегиональной дифференциации усложняется тем, что доля одного региона в общей совокупности регионов велика и составляет более одного процента. Поэтому нами было решено сделать расчёты коэффициентов двух видов.

Первый подход заключается в том, что мы при необходимости проводим интерполяцию данных и считаем нужные нам процентили и децили: пятый процентиль, первый дециль, второй дециль, пятый дециль (медиана), восьмой дециль, девятый дециль и девяносто пятый процентиль. На основе полученных чисел мы рассчитываем нужные коэффициенты. Сначала мы считаем децильный коэффициент (деление девятого дециля на первый дециль). Потом рассчитываем похожий коэффициент методом деления 95 процентиля на 5 процентиль. Далее считаем показатели с помощью деления полученных процентилей и децилей на медиану. Эти расчеты позволяют нам не просто определять динамику дифференциации, но и охарактеризовать форму распределения ВРП между регионами и увидеть глубже, почему изменилась межрегиональная дифференциация в целом.

Методы, описанные выше, привлекательны тем, что они универсальны и позволяют оценивать таким образом любую другую страну или любой другой показатель делать на этом основании сравнения. Однако для прикладного применения и понимания, иногда лучше отойти от процентных значений и выбрать для расчетов коэффициентов определенные значения с учетом количества регионов в России. В этом заключается второй подход к расчёту коэффициентов.

Отношение суммарного ВРП на душу населения 5 (10,20) регионов к 5 (10,20) последним является более понятным и проще интерпретируемым показателем межрегиональной дифференциации, а также не требует дополнительных математических операций для подготовки ряда данных. Полученные коэффициенты можно трактовать и как отношение среднего ВРП на душу населения 5 (10, 20) первых регионов к 5 (10, 20) последним регионов, так как математически это одинаковые коэффициенты в случае одинакового количества регионов в числителе и знаменателе.

Крайний случай описанных выше коэффициентов – это отношение ВРП на душу населения самого успешного региона (1 лучший) к самому отстающему (1 худший, последний). Коэффициент рассчитывается делением максимума к минимуму показателей за каждый год.

Мы рассчитываем невзвешенные по населению показатели дифференциации. Это связано с тем, что целью нашего исследования является измерение дифференциации между регионами как географическими единицами. То есть мы принимаем существующее деление на регионы как данность и считаем дифференциацию между ними.

В таблице ниже приведен методический подход данного исследования, разбитый по этапам.

Таблица 2.4 – Методический подход к оценке межрегиональной экономической дифференциации

№	Этап	Данные	Содержание этапа	Примечания
1	2	3	4	5
1	Отбор данных и очистка выборки	1. ВРП по субъектам РФ. 2. ВРП на душу населения по субъектам РФ. 3. Региональная структура ВРП. Период: 1998–2024 гг.	Исключение регионов для 4-7 этапов: • Исключены: НАО, ХМАО, ЯНАО (для избежания двойного счета в составе Архангельской и Тюменской областей и из-за неполноты рядов данных). • Исключены: Чеченская Республика, Республика Крым, г. Севастополь (из-за неполноты рядов данных) • Оставлены: Архангельская и Тюменская области без учета входящих в них АО.	Цель: Обеспечение сопоставимости и целостности данных за весь период исследования (1998–2024 гг.). На 1 этапе используются данные по авт. округам и Чечне при расчете показателей с 2012 г. и 2017 г.
2	Расчет динамики роста федеральных округов и регионов (общий анализ динамики)	ВРП и ВРП на душу населения в разрезе федеральных округов и регионов	• Расчет кумулятивных темпов прироста • Сравнение в разрезе регионов и округов	Выявление наиболее успешных и отстающих регионов и округов по общему объему экономики и на душу населения
3	Расчет вклада округов и регионов в экономику России (анализ структуры)	ВРП на душу населения в разрезе федеральных округов и регионов	• Расчет динамики долей федеральных округов в суммарном ВРП • Расчет динамики долей регионов в суммарном ВРП • Ранжирование регионов по ВРП. Выделение 10 лидеров и 10 аутсайдеров за 3 периода (1998, 2011, 2024).	Оценка вклада отдельных территорий в экономику страны и его изменения во времени, что характеризует процесс концентрации экономики
4	Общая оценка дифференциации	ВРП на душу населения	Расчет: • Коэффициент вариации • Коэффициент Джини • Индекс Тейла • Нормирование показателей (макс-мин нормализация) и сравнение их между собой	Традиционные показатели для измерения неоднородности данных, уровня неравенства и дифференциации

Окончание таблицы 2.4

1	2	3	4	5
5	Декомпозиция дифференциации	ВРП на душу населения, группировка по ФО	Расчет декомпозиции индекса Тейла: $T = T_{\text{межгрупп.}} + T_{\text{внутрегрупп.}}$	Позволяет определить, что вносит больший вклад в общую дифференциацию: • Различия между федеральными округами • Различия внутри федеральных округов
6	Оценка ранговых показателей дифференциации (подход 1: процентили/децили)	ВРП на душу населения (ранжированный ряд)	Интерполяция данных и расчет: • Децильный коэффициент (D9/D1) • Коэффициент (P95/P5) • Отношение процентилей/децилей к медиане (P95/P50, P50/P5 и т.д.)	Анализ "хвостов" распределения и формы распределения дифференциации, понимание структурных причин изменения дифференциации
7	Оценка ранговых показателей дифференциации (подход 2: фиксированные группы)	ВРП на душу населения (ранжированный ряд)	Расчет: • Сумма ВРП 5 (10, 20) лучших / 5 (10, 20) худших • Max / Min (отношение лидера к аутсайдеру)	Упрощение интерпретации для прикладного использования. Позволяет оценить разрыв между группами лидеров и аутсайдеров

Источник: составлено автором

Для оценки неравномерности экономического развития российских регионов необходимо проанализировать динамику роста валового регионального продукта. В рамках данного этапа исследования были рассчитаны темпы прироста и темпы роста индекса физического объема ВРП и В РП на душу населения по федеральным округам и регионам. Полученные результаты представлены в таблицах и на рисунках ниже, а также в приложениях А и Б.

Важно различать показатели роста и прироста. Темпы прироста позволяют количественно оценить относительное изменение показателя за рассматриваемый период и определить, на сколько процентов увеличилась или снизилась экономика территории. В свою очередь, показатели роста, представленные в виде индексов, позволяют наглядно проследить динамику развития. В этом случае значение базового года принимается за 100%, и дальнейшие изменения отражают отклонение от данного уровня.

В рамках данного этапа исследования были рассчитаны показатели прироста, представленные в таблицах, а также построены графики динамики индексов физического объема ВРП и ВРП на душу населения, где базовый уровень принят за 100% (таблицы 2.5–2.12, рисунки 2.1–2.2, Приложение А). Таблицы позволяют количественно оценить масштабы изменения показателей за рассматриваемые периоды, а графики позволяют наглядно проследить динамику экономического развития федеральных округов.

Сначала мы рассматриваем динамику региональных экономик по федеральным округам, потом по регионам. В обоих случаях сначала мы анализируем динамику ВРП, потом – ВРП на душу населения. Разница между показателями объясняется демографическими тенденциями. Динамика общего ВРП характеризует масштаб экономик по регионам и территориальную концентрацию экономики, динамика же ВРП на душу населения характеризует рост экономики, который мы используем для оценки дифференциации, так как именно ВРП на душу населения определяет развитость региональной экономики.

На первом этапе была проведена оценка динамики с помощью темпов прироста и роста индекса физического объема ВРП федеральных округов России (таблица 2.5, рисунок 2.1). Данный показатель отражает изменение общего объема экономической активности и позволяет оценить рост региональных экономик без учета демографических факторов. В таблицах мы используем темпы прироста. То есть таблицы показывают, на сколько процентов увеличился показатель за период. На графиках мы используем темпы роста, так как изначальный год (1997) принят за единицу, то есть за 100%.

Таблица 2.5 – Динамика индекса физического объема ВРП федеральных округов России за 1997–2024 гг.

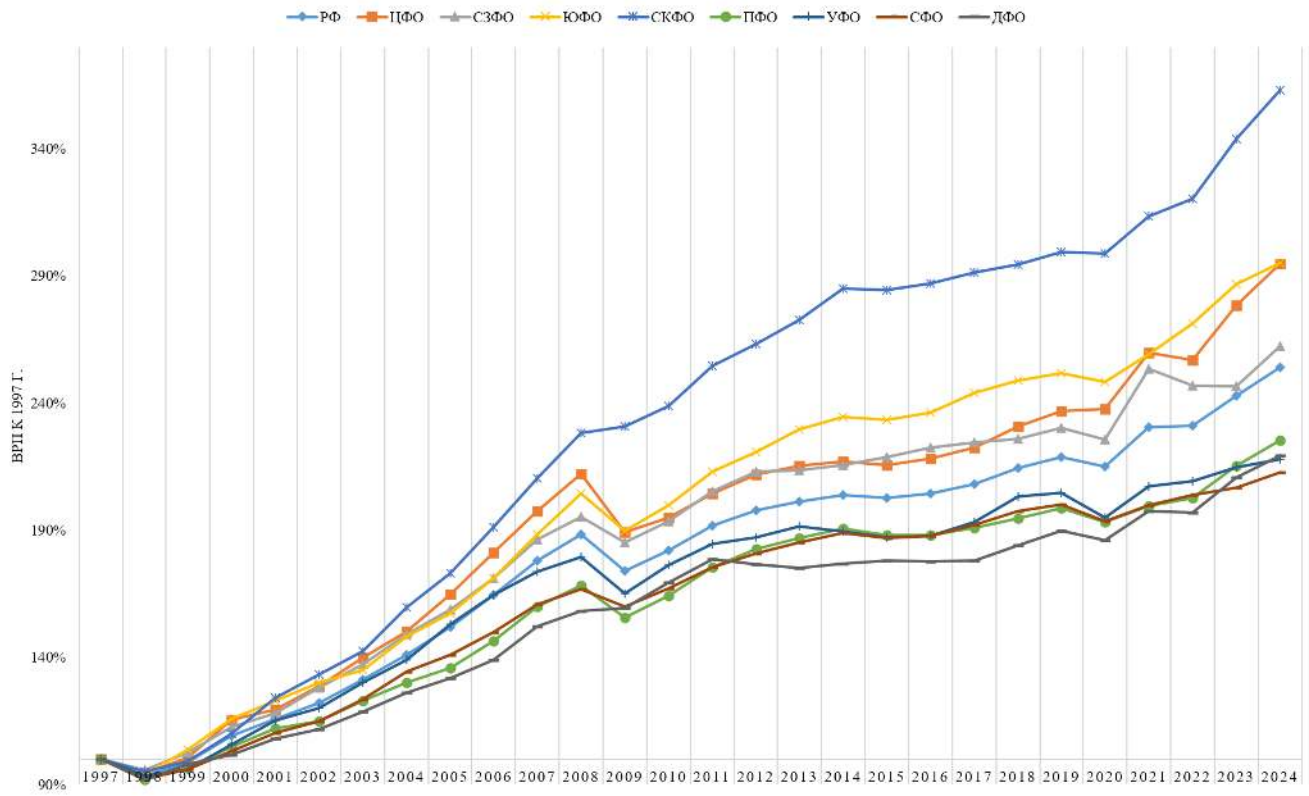
	Кумулятивный прирост		
Округ	за 27 лет 2024 г. к 1997 г.	за 10 лет 2024 г. к 2014 г.	за 5 лет 2024 г. к 2019 г.
РФ	154%	25%	16%
ЦФО	195%	36%	24%
СЗФО	162%	22%	14%
ЮФО	195%	26%	17%
СКФО	263%	27%	21%
ПФО	125%	18%	13%
УФО	118%	15%	6%
СФО	113%	13%	6%
ДФО	119%	24%	16%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

В целом по Российской Федерации кумулятивный прирост ВРП за период с 1997 по 2024 гг. составил 154% (таблица 2.5). Это означает, что объем экономики всех регионов (если точнее, то суммарный ВРП) увеличился примерно в 2,5 раза по сравнению с базовым периодом.

Наиболее высокие темпы прироста наблюдаются в Северо-Кавказском федеральном округе, где прирост составил 263% (таблица 2.5). Это означает, что экономика округа увеличилась в 3,63 раз. Значительные темпы роста также наблюдаются в Южном федеральном округе (195%), Северо-Западном

федеральном округе (162%) и Центральном федеральном округе (195%). На рисунке 2.1 видно, что данные округа демонстрируют устойчивую положительную динамику на протяжении всего рассматриваемого периода.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.1 – Динамика кумулятивного роста индекса физического объема ВРП федеральных округов России, 1998–2024 гг.

В то же время наиболее низкие темпы прироста наблюдаются в Уральском федеральном округе (118%), Сибирском федеральном округе (113%) и Дальневосточном федеральном округе (119%) и Приволжском федеральном округе (119%) (таблица 2.5). На рисунке 2.1 видно, что динамика данных округов значительно отстает от среднероссийского уровня.

За десятилетний период (2014–2024 гг.) общероссийский прирост ВРП составил 25%. Это свидетельствует о замедлении темпов экономического роста. Среди округов лучшую динамику показал Центральный ФО (+36%), за ним следуют Северо-Кавказский (+27%) и Южный (+26%) округа, превысившие

средний уровень. Наиболее скромные результаты зафиксированы в Уральском (+15%) и Сибирском (+13%) округах, которые заметно отстают от общероссийского темпа. Северо-Западный (+22%) и Приволжский (+18%) округа также оказались ниже среднего.

За последние пять лет (2019–2024 гг.) прирост по России составил 16%. Центральный ФО вновь стал лидером (+24%), значительно опередив среднее значение. Второй результат показал Северо-Кавказский ФО (+21%). Южный (+17%) и Дальневосточный (+16%) округа находятся на уровне среднего. Аутсайдерами пятилетки стали Уральский и Сибирский округа (оба по +6%), а также Приволжский (+13%) и Северо-Западный (+14%), которые отстают от среднероссийского показателя.

Показатель ВРП не учитывает изменение численности населения и нужен для оценки роста масштаба экономики. Для корректной оценки уровня экономического развития используется показатель ВРП на душу населения (таблица 2.6, рисунок 2.2). Данный показатель позволяет оценить изменение объема экономики в расчете на одного жителя и отражает изменение уровня экономического развития регионов. Данные по динамики этого показателя есть только с 2005 года, поэтому за базовый год взят 2004 год.

В целом по Российской Федерации прирост ВРП на душу населения за период с 2004 по 2024 гг. составил 77% (таблица 2.6).

Наиболее высокие долгосрочные темпы прироста наблюдаются в Северо-Кавказском федеральном округе (99%), Дальневосточном федеральном округе (93%), Приволжском федеральном округе (87%) и Центральном федеральном округе (86%) (таблица 2.6). При этом особенно важно отметить Дальневосточный федеральный округ. Несмотря на низкие темпы роста общего ВРП, что было рассчитано выше, показатель ВРП на душу населения демонстрирует значительно более высокий рост. Это связано с сокращением численности населения округа, в результате чего показатель в расчете на одного жителя увеличивается быстрее. Резкое падение ЮФО в 2014 году (приложение А, таблица А.2) связано с

включением в статистику этого округа Республики Крым и города Севастополя, чьи показатели развития ниже показателей других регионов.

Таблица 2.6 – Динамика индекса физического объема ВРП на душу населения федеральных округов России за 1997–2024 гг.

	Кумулятивный прирост		
Округ	За 20 лет: 2024 г. к 2004 г.	За 10 лет: 2024 г. к 2014 г.	За 5 лет: 2024 г. к 2019 г.
РФ	77%	25%	17%
ЦФО	86%	33%	25%
СЗФО	76%	22%	15%
ЮФО	67%	24%	18%
СКФО	99%	20%	18%
ПФО	87%	23%	17%
УФО	56%	15%	7%
СФО	70%	17%	10%
ДФО	93%	30%	19%

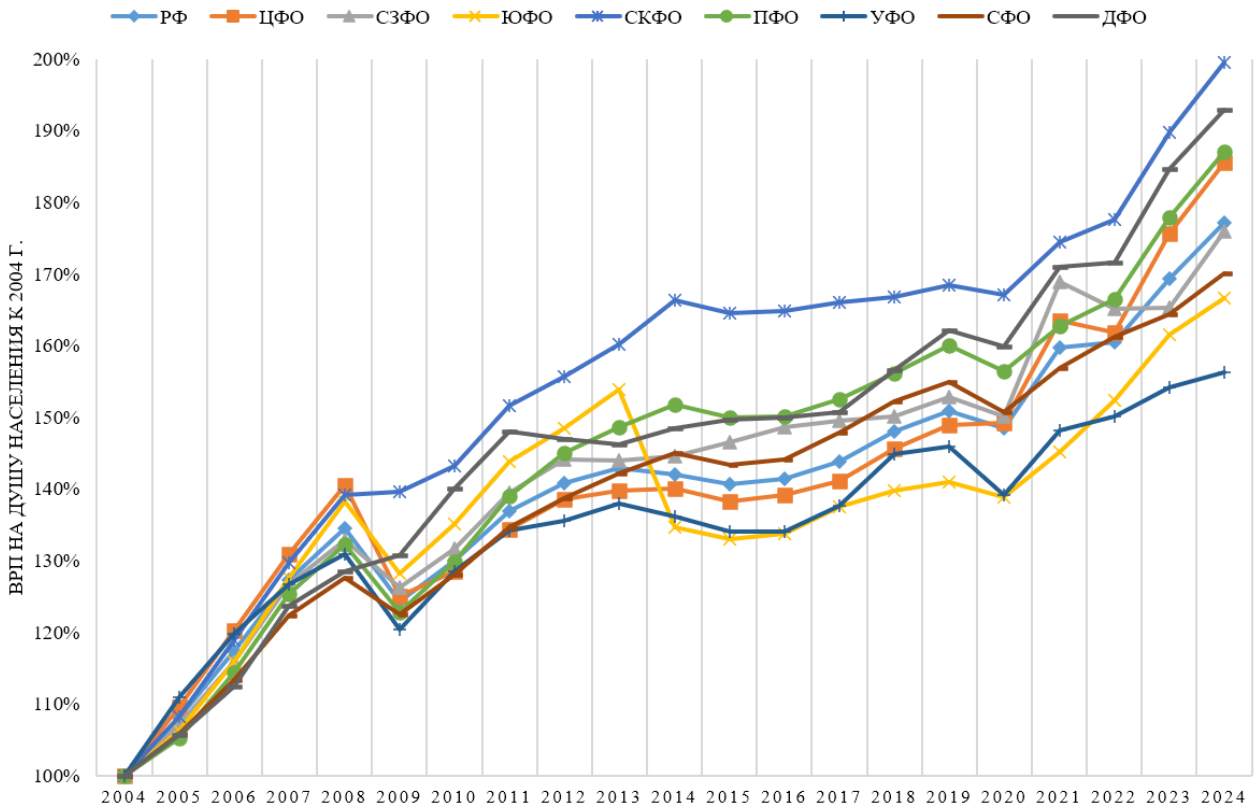
Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

За десятилетний период (2014–2024 гг.) общероссийский прирост ВРП на душу населения составил 25%. Лидерами стали Центральный (+33%) и Дальневосточный (+30%) округа, значительно опередившие средний уровень. Выше среднего также показали Южный (+24%) и Приволжский (+23%) федеральные округа. Наименьшие значения зафиксированы в Уральском (+15%) и Сибирском (+17%) федеральных округах, а также в Северо-Кавказском федеральном округе (+20%), который оказался ниже среднего.

За последние пять лет (2019–2024 гг.) общероссийский прирост составил 17%. Вновь лидирует Центральный федеральный округ (+25%), за ним следуют Дальневосточный (+19%), Южный и Северо-Кавказский (по +18%) федеральные округа. Аутсайдерами являются Уральский (+7%) и Сибирский (+10%) федеральные округа, заметно отстающие от среднего. Северо-Западный (+15%) и Приволжский (+17%, на уровне среднего) федеральные округа также демонстрируют сдержанную динамику.

Таким образом, в краткосрочной перспективе Центральный и Дальневосточный округа устойчиво растут быстрее других, тогда как Урал и Сибирь сохраняют отставание.

На рисунке 2.2 представлена динамика индекса физического объема ВРП на душу населения, где видно, что темпы роста существенно различаются между федеральными округами.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.2 – Динамика кумулятивного роста индекса физического объема ВРП на душу населения федеральных округов России, 2005–2024 гг.

В приложении А приведены таблицы с индексами физического объема ВРП и ВРП на душу населения по федеральным округам за весь доступный период. В таблицах с помощью цифр можно увидеть тоже, что на графиках выше. Наглядно выделяется падение экономики в 1998. Далее идет восстановление и рост экономик регионов до 2008 года. Кризис 2009 года. С 2010 года идет восстановление после

кризиса. Далее снова кризис в 2014–2015 гг. с последующим восстановлением и слабым ростом (стагнацией). Ковидный кризис 2020 года. Восстановление экономики в 2021 году. В 2022 году наблюдается падение некоторых регионов из-за санкционного кризиса. Далее идет неравномерный рост по округам.

На следующем этапе была проведена оценка темпов прироста ВРП отдельных регионов, что позволило выявить регионы-лидеры и регионы с наиболее низкими темпами роста (таблицы 2.7–2.9, Приложение А). В приложении А приведены полные таблицы с показателями индекса физического объема ВРП по 5 лучшим и 5 худшим регионам за 3 исследуемых ниже периода.

За 27 лет (1997–2024 гг.) среди всех регионов наибольший кумулятивный прирост ВРП зафиксирован в Республике Дагестан – 435% (таблица 2.7). Это более чем в 2,5 раза выше среднероссийского уровня (154%). В число лидеров также вошли Ленинградская область (354%), Белгородская область (283%), Республика Адыгея (276%) и Кабардино-Балкарская Республика (275%).

Таблица 2.7 – Темпы прироста ВРП 5 лучших и 5 худших российских регионов, 2024 г. к 1997 г.

Регион\год	За 27 лет: 2024 г. к 1997 г.
Республика Дагестан	435%
Ленинградская область	354%
Белгородская область	283%
Республика Адыгея	276%
Кабардино-Балкарская Республика	275%
Республика Карелия	40%
Камчатский край	36%
Магаданская область	29%
Республика Коми	24%
Мурманская область	13%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

На противоположном полюсе – регионы с минимальным приростом: Мурманская область (13%), Республика Коми (24%), Магаданская область (29%), Камчатский край (36%) и Республика Карелия (40%). Все они относятся к северным и дальневосточным территориям, где длительное время сохраняется сырьевая

зависимость, отток населения и низкая инвестиционная активность. Показатели свидетельствуют о крайне высокой дифференциации темпов роста региональных экономик.

За последнее десятилетие (2014–2024 гг.) лидерская группа изменилась. На первом месте Чеченская Республика (81%), далее следуют Амурская область (70%), г. Севастополь (67%), Тульская область (53%) и Республика Крым (52%) (таблица 2.8). Рост Чечни и крымских регионов объясняется эффектом низкой стартовой базы и масштабной государственной поддержкой, а Амурская область – крупными инвестиционными проектами. Худшую динамику за 10 лет показали Республика Коми (–11%), ХМАО (–5%), Республика Карелия (–2%), а также Сахалинская и Волгоградская области (0%). Снижение ВРП в этих субъектах связано с неблагоприятной конъюнктурой на сырьевых рынках, сокращением добычи и структурными дисбалансами.

Таблица 2.8 – Темпы прироста ВРП 5 лучших и 5 худших российских регионов, 2024 г. к 2014 г.

Регион\год	За 10 лет: 2024 г. к 2014 г.
Чеченская Республика	81%
Амурская область	70%
г. Севастополь	67%
Тульская область	53%
Республика Крым	52%
Сахалинская область	0%
Волгоградская область	0%
Республика Карелия	-2%
ХМАО	-5%
Республика Коми	-11%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

За последние пять лет (2019–2024 гг.) лидерами стали Республика Калмыкия (56,6%), Чеченская Республика (54,8%), Амурская область (47,7%), Кабардино-Балкарская Республика (30,7%) и Республика Адыгея (30,5%) (таблица 2.9). Примечательно, что Калмыкия и Адыгея демонстрируют высокие темпы за счёт аграрного сектора и развития туристической инфраструктуры, что частично

компенсирует отсутствие крупной промышленности. Аутсайдерами пяти последних лет стали Мурманская область (–6,1%), Республика Карелия (–4,8%), Сахалинская область (–4,4%), Республика Коми (–4,4%) и Красноярский край (–2,1%). Падение в этих регионах усилилось под влиянием санкционных ограничений и снижения внешнего спроса на продукцию добывающего и металлургического комплексов.

Таблица 2.9 – Темпы прироста ВРП 5 лучших и 5 худших российских регионов, 2024 г. к 2019 г.

Регион\год	За 5 лет: 2024 г. к 2019 г.
Республика Калмыкия	56,6%
Чеченская Республика	54,8%
Амурская область	47,7%
Кабардино-Балкарская Республика	30,7%
Республика Адыгея	30,5%
Красноярский край	-2,1%
Республика Коми	-4,4%
Сахалинская область	-4,4%
Республика Карелия	-4,8%
Мурманская область	-6,1%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

На протяжении всего 27-летнего периода устойчиво высокие темпы прироста ВРП характерны для регионов юга и запада европейской части России, тогда как северные и дальневосточные субъекты стабильно отстают. В последние 10–5 лет ситуация несколько корректируется. Благодаря государственных программам появляются новые лидеры (Чечня, Амурская область, Крым), однако проблема долгосрочной стагнации в северных регионах остаётся нерешённой.

Аналогичный анализ был проведен для показателя ВРП на душу населения (таблицы 2.10–2.12). Как было сказано ранее, именно этот показатель характеризует развитие регионов и отличается от динамики общего ВРП динамикой населения. В приложении А приведены полные таблицы с показателями индекса физического объема ВРП на душу населения по 5 лучшим и 5 худшим регионам за 3 исследуемых ниже периода.

За 20 лет (2004–2024 гг.) среди регионов наибольший кумулятивный прирост ВРП на душу населения отмечен в Тульской области – 176% (таблица 2.10), что более чем вдвое выше общероссийского показателя (77%). В пятёрку лидеров также вошли Республика Адыгея (166%), Белгородская область (165%), Пензенская область (154%) и Амурская область (145%). Высокие результаты в этих субъектах обусловлены опережающим ростом обрабатывающих производств, агропромышленного сектора и реализацией крупных инвестиционных проектов, при этом численность населения в большинстве из них сокращалась или росла медленно, что дополнительно повышало подушевой показатель.

Таблица 2.10 – Темпы прироста ВРП на душу населения 5 лучших и 5 худших российских регионов, 2024 г. к 2004 г.

Регион\год	За 20 лет: 2024 г. к 2004 г.
Тульская область	176%
Республика Адыгея	166%
Белгородская область	165%
Пензенская область	154%
Амурская область	145%
Вологодская область	33%
Республика Тыва	32%
Кемеровская область-Кузбасс	28%
Тюменская область	25%
Томская область	21%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Наименьшие темпы прироста зафиксированы в Томской области (21%), Тюменской области (25%), Кемеровской области (28%), Республике Тыва (32%) и Вологодской области (33%). Эти регионы демонстрируют слабую долгосрочную динамику.

Лидером десятилетия (2014–2024 гг.) стала Амурская область (+82%), за ней следуют Тульская область (+61%), Чеченская Республика (+57%), Республика Калмыкия (+56%) и Республика Крым (+50%) (таблица 2.11). Рост Амурской области и Крыма объясняется реализацией крупных инфраструктурных и

инвестиционных проектов, а Чеченской Республики и Калмыкии – эффектом низкой базы и государственными программами поддержки.

Худшие результаты за 10 лет показали ХМАО (–13%), Республика Ингушетия (–9%), Тюменская область (+4%), Республика Коми (+4%) и Волгоградская область (+5%). Снижение или незначительный рост в этих регионах связан со стагнацией в добывающем секторе (ХМАО, Тюменская область) и высоким демографическим давлением (Ингушетия), а также структурными проблемами в обрабатывающей промышленности.

Таблица 2.11 – Темпы прироста ВРП на душу населения 5 лучших и 5 худших российских регионов, 2024 г. к 2014 г.

Регион\год	За 10 лет: 2024 г. к 2014 г.
Амурская область	82%
Тульская область	61%
Чеченская Республика	57%
Республика Калмыкия	56%
Республика Крым	50%
Волгоградская область	5%
Республика Коми	4%
Тюменская область	4%
Республика Ингушетия	-9%
ХМАО	-13%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

В пятилетнем периоде (2019–2024 гг.) лидирует Республика Калмыкия (+59%), за ней – Амурская область (+54%), Чеченская Республика (+45%), Тульская область (+34%) и Забайкальский край (+33%) (таблица 2.12).

Аутсайдерами пятилетки стали ХМАО (–6%), Республика Ингушетия (–5%), Тюменская область (–2%), Ненецкий АО (–1%) и Красноярский край (–1%). Падение подушевого показателя в этих регионах обусловлено санкционными ограничениями, снижением цен на сырьё и сохранением высокой численности населения в республиках Северного Кавказа.

Таблица 2.12 – Темпы прироста ВРП на душу населения 5 лучших и 5 худших российских регионов, 2024 г. к 2019 г.

Регион\год	За 5 лет: 2024 г. к 2019 г.
Республика Калмыкия	59%
Амурская область	54%
Чеченская Республика	45%
Тульская область	34%
Забайкальский край	33%
Красноярский край	-1%
НАО	-1%
Тюменская область	-2%
Республика Ингушетия	-5%
ХМАО	-6%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

В долгосрочной перспективе наиболее высокий рост ВРП на душу населения характерен для регионов Центральной России и юга, где диверсификация экономики и инвестиционная активность компенсируют демографические факторы. Северные и сырьевые регионы, напротив, демонстрируют отставание или даже отрицательную динамику в последние годы, что указывает на нарастание межрегиональных различий в уровне экономического благосостояния населения.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что темпы роста общего ВРП и ВРП на душу населения существенно различаются как между федеральными округами, так и между отдельными регионами. В ряде территорий, особенно в Дальневосточном федеральном округе и отдельных северных регионах, показатели ВРП на душу населения растут быстрее, чем общий ВРП, что связано с сокращением численности населения. В то же время в регионах с растущим населением различия между данными показателями менее выражены. Это подтверждает, что для комплексной оценки экономического развития необходимо одновременно анализировать как общий объем экономики, так и показатели в расчете на душу населения.

В целом результаты анализа свидетельствуют о наличии значительной межрегиональной дифференциации темпов экономического развития. Наряду с регионами, демонстрирующими устойчивый рост, существует значительное

количество территорий с низкими или отрицательными темпами роста, что свидетельствует о сохраняющейся неоднородности экономического пространства России.

Ранее мы рассмотрели динамику развития регионов и федеральных округов. Для оценки межрегиональной дифференциации необходимо также проанализировать размеры региональных экономик. Чтобы наглядно сравнить региональные экономики по размеру, необходимо рассчитать их долю в суммарном ВРП всех регионов России. Если темпы роста показывают динамику развития экономики, то доля в ВРП отражает относительный экономический вес региона или федерального округа в экономике страны. Данный показатель позволяет оценить структуру экономики России и определить, какие территории вносят наибольший вклад в формирование суммарного ВРП, то есть оценить территориальную концентрацию экономики. Данный подпараграф основан на статье автора[115].

На первом этапе мы провели оценку доли федеральных округов в суммарном ВРП России. Были составлены диаграммы, отражающие динамику показателя. Выделены ведущие и отстающие округа, описана динамика показателей. Анализ федеральных округов позволяет выявить территориальные экономические центры России и аутсайдеров на уровне округов и оценить изменения пространственной структуры экономики.

На втором этапе исследования нами была проведена оценка вклада регионов в суммарный ВРП России. С помощью полученных значений мы составили таблицы регионов-лидеров и аутсайдеров по данному показателю и описали динамику их долей. Анализ регионального уровня позволяет более детально изучить структуру экономики и выявить наиболее крупные и отстающие экономические центры страны на уровне регионов.

Вклад федеральных округов в суммарный ВРП сильно отличается между собой. На рисунке ниже показана динамика доли округов с 1998 г. по 2024 г. В

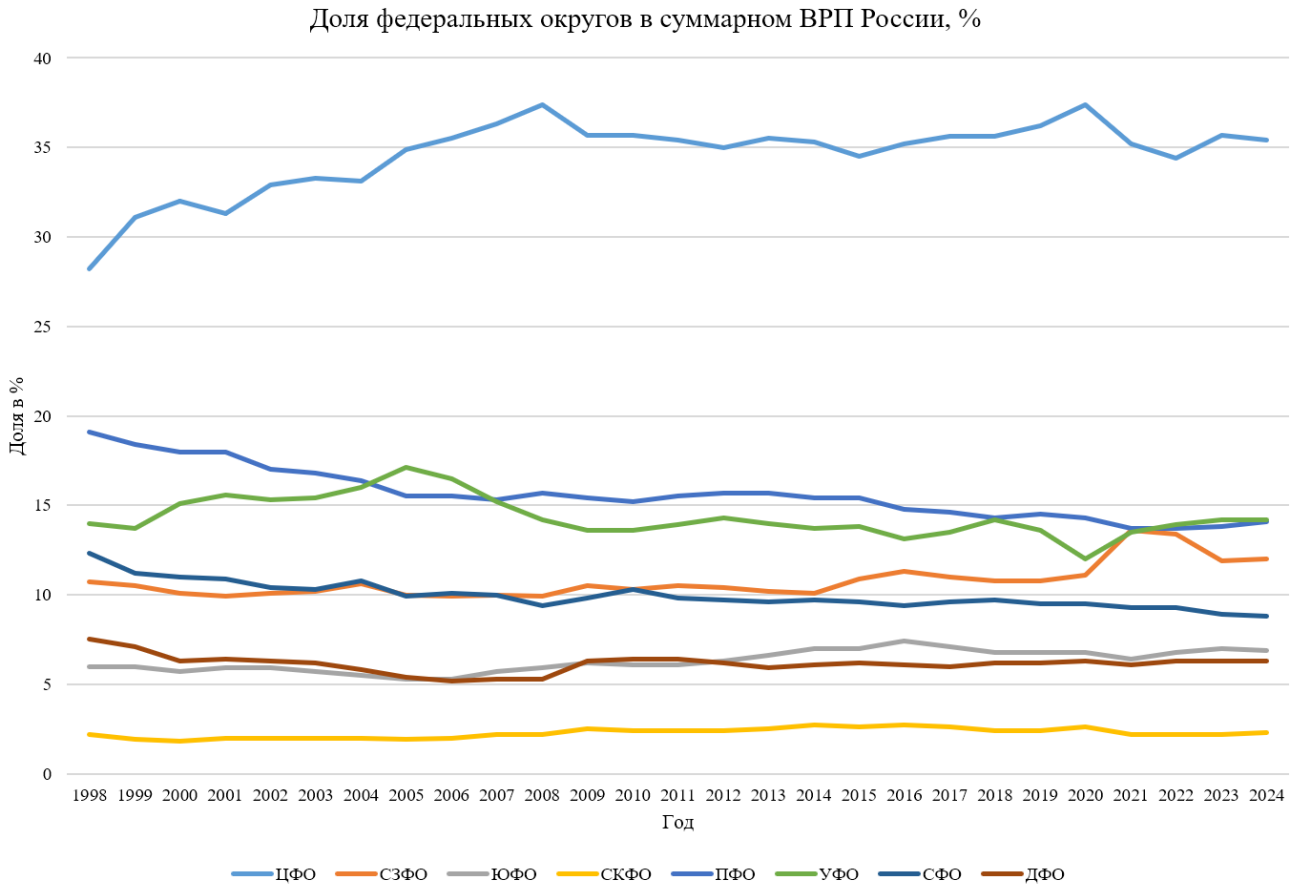
[115] Стебленко В. В., Ершова И. Г. Оценка вклада регионов в экономическое развитие России. Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития: сб. материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской академии наук и 55-летнему юбилею Института. – Донецк: ГБУ «Институт экономических исследований», 2024. С. 170–180.

приложении Б в таблицах приведены исходные данные по долям округов в суммарном ВРП.

Стабильно самый большой вклад вносит Центральный федеральный округ. Он сильно выделяется на фоне других округов. В среднем 35% всего ВРП России создается в этом округе (рисунок 2.3). Самые низкие показатели у Северо-Кавказского федерального округа (в среднем 2,3%), Дальневосточного федерального округа (в среднем 6,2%) и Южного федерального округа (в среднем 6,3%). При этом у Южного федерального округа наблюдается положительная динамика, поэтому на 2024 год его доля значимо отличается от средней и составляет 6,9%.

На рисунке 2.3 также видна положительная динамика доли Северо-Западного федерального округа, особенно в период 2015-2022 гг. В 2023 году доля СЗФО резко упала с 13,4% до 11,9%. Это связано с негативной динамикой данного округа в 2023 году. Долгосрочная отрицательная динамика наблюдается у Приволжского федерального округа. Его доля постепенно снижается на протяжении рассматриваемого периода. В последние годы она стабилизировалась в районе 14%. Аналогичная тенденция наблюдается и у Сибирского федерального округа, однако снижение продолжается до сих пор.

Уральский федеральный округ демонстрирует иную динамику. В начале рассматриваемого периода его доля существенно росла и достигла максимального значения в 2005 году (17,1%). Данная динамика объясняется высокими темпами роста добывающих регионов округа в начале 2000-х годов. После этого доля округа начала снижаться и стала колебаться в районе 14%

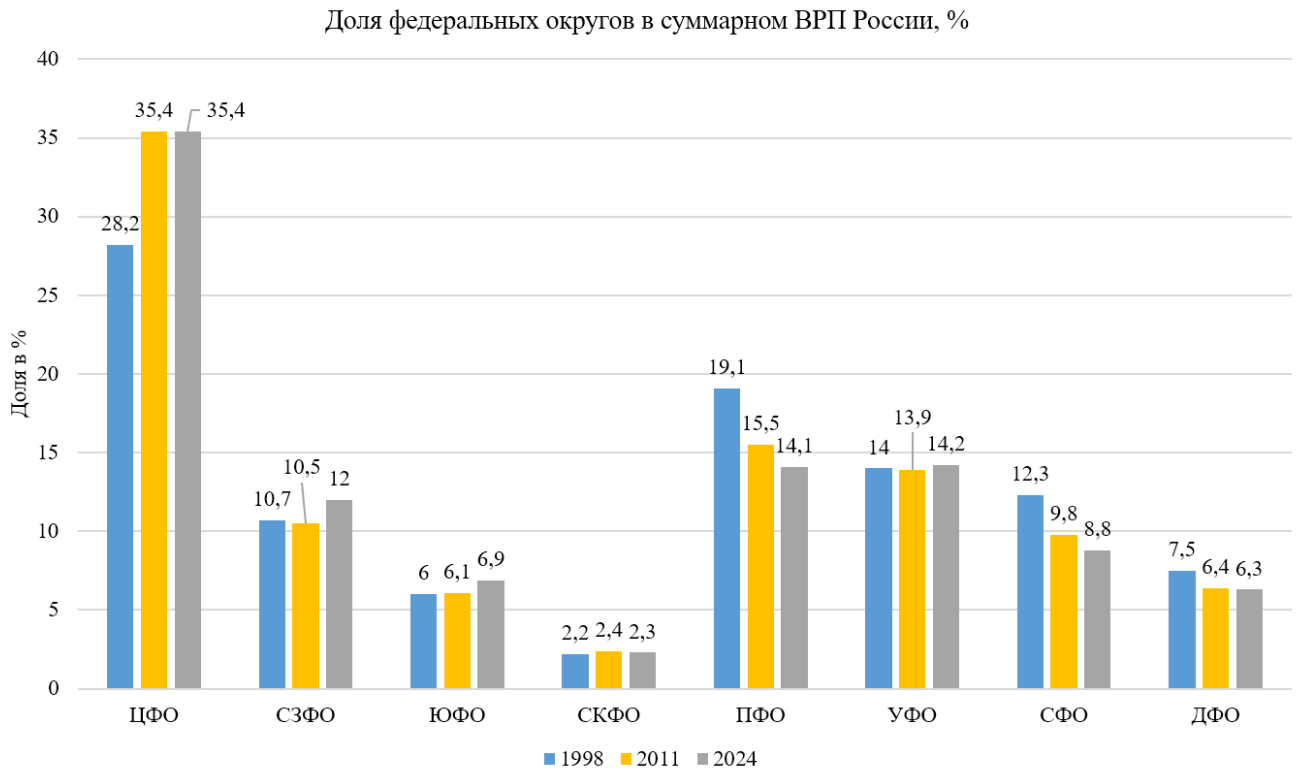
Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.3 – Доля федеральных округов (в процентах) в суммарном ВРП России, 1998–2024 гг.

Примечательно выглядят изменения структуры ВРП в кризисный 2020 год и последующий 2021 год. В 2020 году доля Центрального федерального округа увеличилась, тогда как доли большинства других округов, особенно Уральского федерального округа, снизились. В 2021 году наблюдалась обратная динамика – снижение доли Центрального федерального округа и рост долей Уральского и особенно Северо-Западного федеральных округов. Это связано с различиями в отраслевой структуре экономики округов и различным влиянием кризисных факторов на сектора экономики.

Для большей наглядности была составлена сравнительная диаграмма долей ФО в суммарном ВРП России на рисунке 2.4. На ней хорошо виден долгосрочный рост доли Северо-Западного федерального округа и Южного федерального округа.

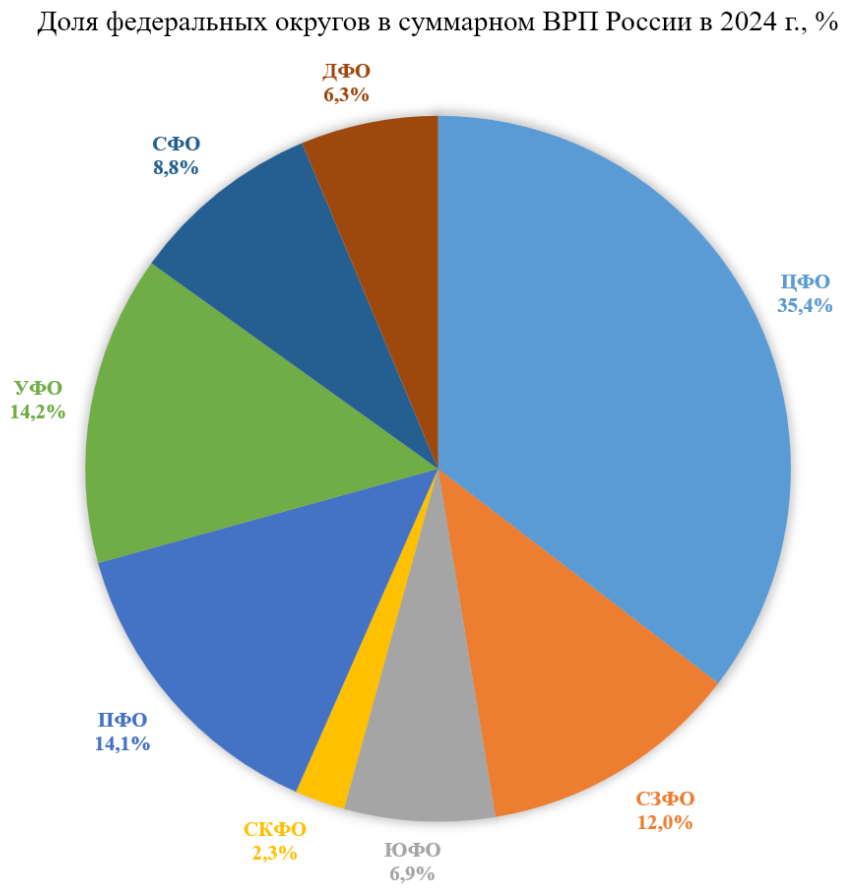
В то же время Приволжский и Сибирский федеральные округа снижают свой вклад в суммарный ВРП России. Остальные округа не демонстрируют выраженных долгосрочных тенденций.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.4 – Доля федеральных округов (в процентах) в суммарном ВРП России за 1998 г., 2011 г. и 2024 г.

Региональная структура ВРП России в разрезе федеральных округов на 2024 год представлена на рисунке 2.5. Круговая диаграмма демонстрирует распределение суммарного ВРП между федеральными округами. Центральный федеральный округ занимает доминирующее положение, значительно опережая другие округа. Это свидетельствует о высокой концентрации экономической активности в данном макрорегионе.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.5 – Региональная структура ВРП России в 2024 году в разрезе федеральных округов

На следующем этапе был проведен анализ долей отдельных регионов в суммарном ВРП России. Так как в публикуемых Росстатом показателях данные приведены с точностью до одной десятой, мы самостоятельно рассчитали доли регионов в суммарном ВРП с помощью данных по ВРП. Это необходимо для точной оценки доли самых отстающих регионов.

В таблице 2.13 приведены 10 крупнейших регионов по размеру ВРП за 1998, 2011 и 2024 годы. Первое место стабильно занимает город Москва. Москва производит около 22% всего ВРП России (таблица 2.12). Второе место занимает Тюменская область, доля которой составляет около 10%. Таким образом, в 2024 году на два региона приходится около 32% всей экономики России, что

свидетельствует о высокой территориальной концентрации экономической активности.

Таблица 2.13 – Динамика десяти крупнейших регионов по доли ВРП в суммарном ВРП России за 1998 г., 2011 г. и 2024 г.

Место	1998 год *		2011 год		2024 год	
	Регион	Доля в ВРП	Регион	Доля в ВРП	Регион	Доля в ВРП
1	г. Москва	14,6 %	г. Москва	21,9 %	г. Москва	22,0 %
2	Тюменская область	8,4 %	Тюменская область	9,1 %	Тюменская область	9,9 %
3	г. Санкт-Петербург	3,8 %	Ханты-Мансийский автономный округ	5,4 %	г. Санкт-Петербург	6,9 %
4	Московская область	3,6 %	Московская область	4,8 %	Московская область	5,8 %
5	Свердловская область	3,2 %	г. Санкт-Петербург	4,6 %	Ханты-Мансийский автономный округ	5,3 %
6	Красноярский край	3,1 %	Республика Татарстан	2,9 %	Ямало-Ненецкий автономный округ	3,4 %
7	Самарская область	3,0 %	Свердловская область	2,8 %	Республика Татарстан	2,9 %
8	Республика Татарстан	2,9 %	Краснодарский край	2,7 %	Краснодарский край	2,9 %
9	Республика Башкортостан	2,5 %	Красноярский край	2,6 %	Свердловская область	2,5 %
10	Краснодарский край	2,3 %	Республика Башкортостан	2,1 %	Красноярский край	2,3 %
	Сумма	47,4 %		58,9 %		63,9 %

**данные по ХМАО и ЯНАО начинаются с 2000 г., что искажает статистику за 1998 год*

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

В 1998 году суммарная доля 10 крупнейших регионов составляла 47,4%. В 2011 году данный показатель увеличился до 58,9%, а в 2024 году – до 63,9% (таблица 2.13). Это свидетельствует об усилении концентрации экономики в крупнейших регионах России. К данным до 2000 года необходимо относится осторожно, так как данные по ХМАО и ЯНАО есть только с 2000 года. Скорее

всего, в 1998 году доля 10 крупнейших регионов была бы выше, будь соответствующие данные по этим регионам.

Существенные изменения наблюдаются в структуре крупнейших регионов. Доля Ханты-Мансийского автономного округа падает. Если в 2000 году данный регион занимал третье место с показателем 7%, то сейчас он на пятом месте с показателем 5,3%. Отрицательная динамика также наблюдается у Красноярского края: падение с 6 места (3,1%) в 1998 году на 10 (2,3%) в 2024 году.

Город Санкт-Петербург растёт существенно быстрее других регионов России. В 1998 году он был третьим регионом с показателем 3,8%, а в 2024 году он расположился также на третьем месте, но с долей в ВРП в размере 6,9%. Резкий скачок данного показателя Санкт-Петербурга произошел в 2021 году. Этот факт интересен для исследования в контексте критики объективности показателя ВРП, как отражения экономики региона. Произошедшее может быть связано как с реальным ускорением экономического роста региона, так и с особенностями статистического учета деятельности крупнейших компаний.

Тенденция к росту доли в ВРП также видна у Московской области. В регионах-лидерах появился Ямало-Ненецкий автономный округ. В 2024 году он расположился на 6 месте с показателем 3,4%. Данный регион показывает высокие темпы прироста экономики.

Регионы-аутсайдеры приведены в таблице 2.14. Список наименее экономически развитых регионов стабилен. Первое место в антирейтинге (самый маленький ВРП) занимает республика Ингушетия, которая в 2024 г. произвела 0,06% суммарного ВРП России.

Таблица 2.14 – Динамика десяти наименьших регионов по доли ВРП в суммарном ВРП России за 1998 г., 2011 г. и 2024 г.

Место	1998 год		2011 год		2024 год	
	Регион	Доля в ВРП	Регион	Доля в ВРП	Регион	Доля в ВРП
1	Республика Ингушетия	0,05%	Республика Ингушетия	0,06%	Республика Ингушетия	0,06%
2	Еврейская автономная область	0,07%	Республика Алтай	0,06%	Еврейская автономная область	0,06%
3	Республика Калмыкия	0,07%	Республика Тыва	0,07%	Республика Алтай	0,07%
4	Республика Алтай	0,07%	Еврейская автономная область	0,09%	Республика Тыва	0,08%
5	Республика Тыва	0,09%	Чукотский автономный округ	0,10%	Карачаево-Черкесская Республика	0,09%
6	Чукотский автономный округ	0,12%	Карачаево-Черкесская Республика	0,11%	Республика Калмыкия	0,12%
7	Карачаево-Черкесская Республика	0,13%	Республика Адыгея	0,13%	Чукотский автономный округ	0,12%
8	Республика Адыгея	0,14%	Республика Калмыкия	0,06%	г. Севастополь	0,15%
9	Республика Северная Осетия-Алания	0,17%	Республика Северная Осетия-Алания	0,19%	Республика Адыгея	0,15%
10	Кабардино-Балкарская Республика	0,25%	Республика Марий Эл	0,21%	Республика Северная Осетия-Алания	0,17%
	Сумма	1,16%		1,08%		1,07%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Существенных изменений доли в ВРП во времени у всех десяти регионов-аутсайдеров не наблюдается. Они стабильно производят небольшой ВРП. Суммарная доля 10 наименее экономически развитых регионов составляет около 1% ВРП России. Это значение значительно ниже доли одного крупнейшего региона, что также свидетельствует о крайне высокой концентрации экономики.

Динамика долей регионов объясняется различиями в темпах роста ВРП. Регионы, демонстрирующие более высокие темпы роста по сравнению со

среднероссийским уровнем, увеличивают свою долю в суммарном ВРП. В то же время регионы с более низкими темпами роста снижают свою долю.

Таким образом, анализ показал, что структура экономики России характеризуется высокой степенью территориальной концентрации. Центральный федеральный округ занимает доминирующее положение и формирует около 35% суммарного ВРП России. Доля аутсайдера, Северо-Кавказского федерального округа, составляет в среднем всего 2,5%. Отрицательную динамику показывают Ханты-Мансийский автономный округ и Красноярский край. Сильный относительный прирост ВРП показывают Ямало-Ненецкий автономный округ и город Санкт-Петербург. Вклад в суммарный ВРП Северо-Западного и Южного федеральных округов растёт. Приволжский федеральный округ и Сибирский федеральный округ снижают свой вклад в суммарный ВРП России.

Среди регионов первое место стабильно удерживает город Москва. Москва создает 22% всего ВРП России. Второе место занимает Тюменская область, которая производит почти 10% ВРП России. Положительная динамика наблюдается у Московской области. Список регионов-аутсайдеров стабилен и состоит из одних и тех же республик и автономных округов. Суммарный вклад десяти ведущих регионов в российский ВРП в 2024 году – 63,9%. Суммарный вклад 10 наименее экономически развитых регионов в российский ВРП составляет всего 1,1%.

Общая оценка и декомпозиция дифференциации

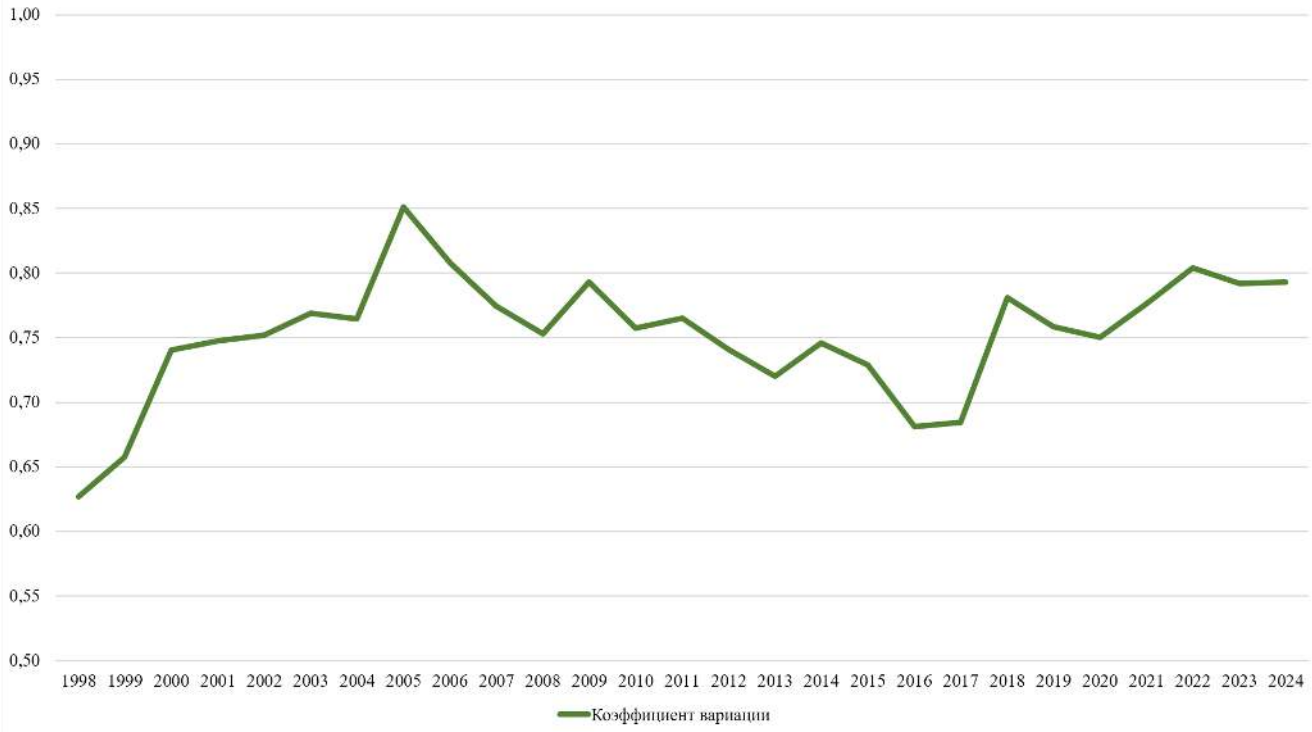
Результаты анализа коэффициентов вариации, Джини и Тейла позволяют получить комплексную характеристику динамики межрегиональной экономической дифференциации в России (рисунки 2.6–2.13). В приложении В приведены результаты расчетов данных показателей за 1998–2024 гг. Также там приведены расчеты показателей размаха вариации и коэффициента осцилляции, которые не были использованы в анализе ниже, но могут представлять интерес у читателя. Данный раздел основан на статьях автора[116][117].

[116] Стебленко В. В., Ершова И. Г. Оценка межрегионального экономического неравенства в России // Вестник Института экономических исследований. 2025. № 2 (38). С. 53–61.

[117] Стебленко В. В., Ершова И. Г. Оценка и декомпозиция межрегионального экономического неравенства в России // Вестник Академии знаний. 2025. № 6 (71). С. 678–683.

Использование нескольких показателей обусловлено тем, что каждый из них по-разному чувствителен к изменениям распределения, о чем было указано в параграфе 2.1 и таблице 2.3. Совместное использование данных показателей обеспечивает более полное и надежное представление о характере межрегиональной дифференциации. Индекс Тейла дополнительно позволяет провести декомпозицию дифференциации на межокружную и внутриокружную составляющие.

На рисунке 2.6 приведен график коэффициента вариации ВРП на душу населения регионов России за 1998–2024 гг. Данный коэффициент характеризует однородность совокупности данных. В нашем случае показатель описывает общую картину межрегиональной дифференциации в России.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.6 – Динамика коэффициента вариации ВРП на душу населения регионов России, 1998–2024 гг.

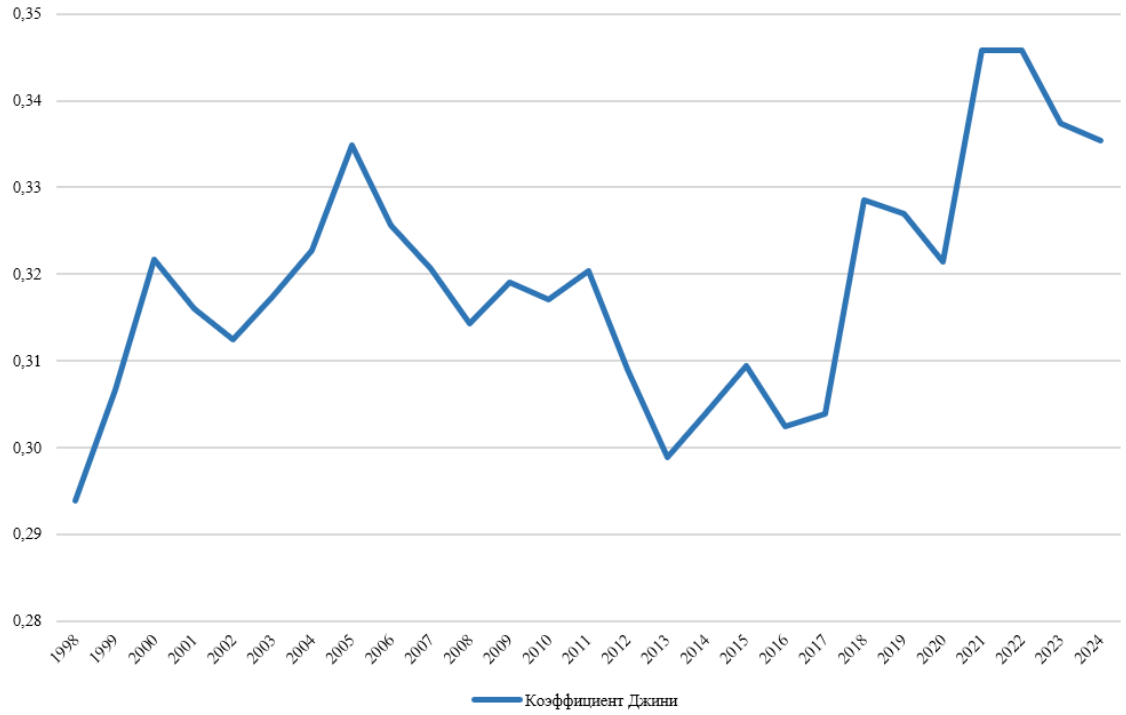
Значения коэффициента вариации говорят о том, что данные неоднородные, то есть имеется большой разброс между показателями ВРП на душу населения

российских регионов. Сказать точно, на сколько данный показатель высокий или низкий в контексте межрегиональной дифференциации, в данном случае нельзя. Неоднородность развития регионов в целом является нормальным явлением, а судить о её степени в данном случае можно, например, с помощью сравнения с коэффициентом вариаций ряда других стран. Однако динамика данного показателя представляет исследовательский интерес.

Минимум показателя приходится на первый исследуемый год – 1998 год. Далее межрегиональная дифференциация росла вплоть до пика в 2005 году. После 2005 года наблюдается тренд падения дифференциации с достижением минимума в 2016–2017 гг. В 2018 году произошел резкий рост показателя. Далее он несколько упал к 2020 году и снова начал расти до 2022 года. В 2023–2024 гг. наблюдаются относительно высокие показатели межрегиональной дифференциации.

На рисунке 2.7 представлены результаты расчета коэффициента Джини. Заметна восходящая тенденция с 1998 год по 2005 год, то есть межрегиональная дифференциация росла в эти годы. Далее с 2005 года по 2013 года в целом дифференциация падала. С 2013 года по 2017 год показатель находился в диапазоне 0,30 – 0,31, то есть значимых изменений не наблюдалось. Начиная с 2018 года по 2022 год, наблюдается резкий скачок уровня межрегионального неравенства. Пик приходится на 2021–2022 гг., когда коэффициент Джини составил 0,346. Далее показатель упал, но остался на относительно высоких значениях.

На рисунке 2.8 приведены графики рассчитанных коэффициента Джини и коэффициента вариации. Для наглядности графики расположены каждые по своей оси.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.7 – Динамика коэффициента Джини, 1998–2024 гг.

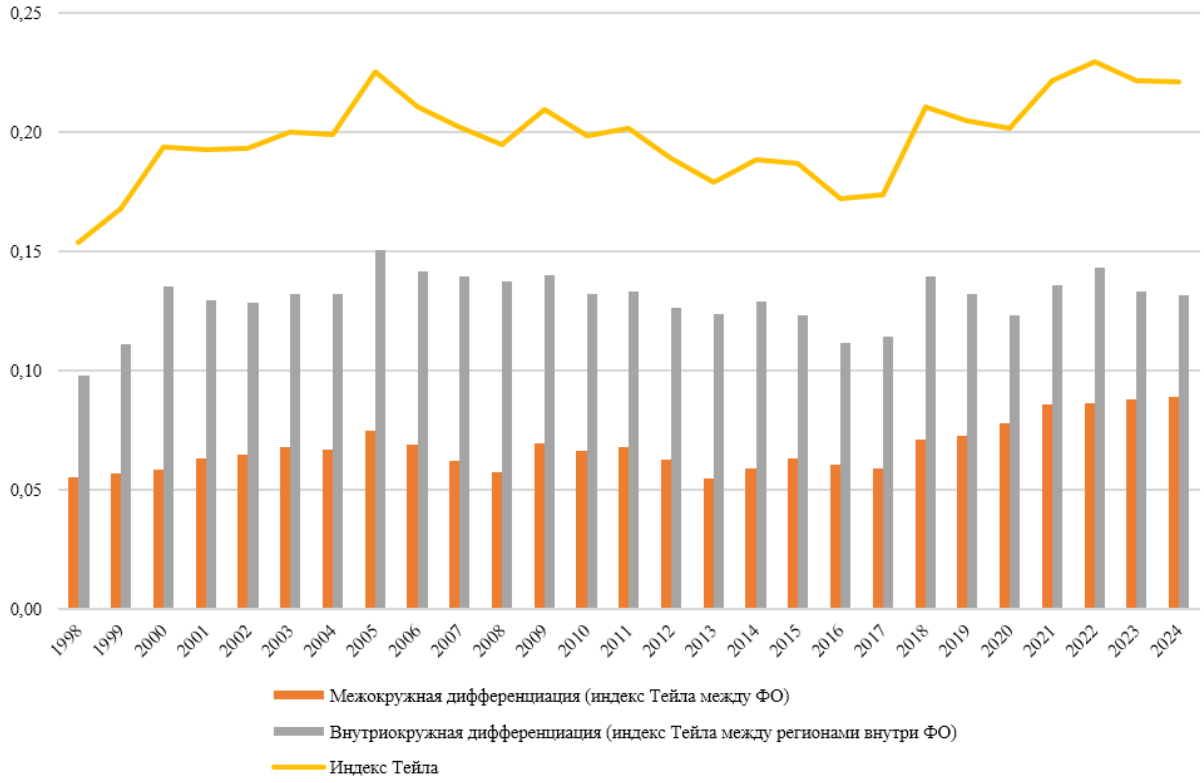
Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.8 – Динамика коэффициента Джини и коэффициента вариации, 1998–2024 гг.

Заметно, что динамика двух показателей в целом схожа. Однако есть периоды, где их поведение отличалось. Например, с 2000 по 2002 гг. коэффициент Джини падал, а коэффициент вариации рос. 2015 и 2024 годы тоже показывают разную динамику межрегиональной дифференциации в зависимости от используемого показателя. Также примечательно то, как сильно выросло неравенство, рассчитанное с помощью коэффициента Джини в последние годы. Коэффициент вариации не показывает такого роста. В итоге, если пик дифференциации, рассчитанного с помощью коэффициента Джини, приходится на 2021–2022 гг., то пик дифференциации, рассчитанного с помощью коэффициента вариации, приходится на 2005 год.

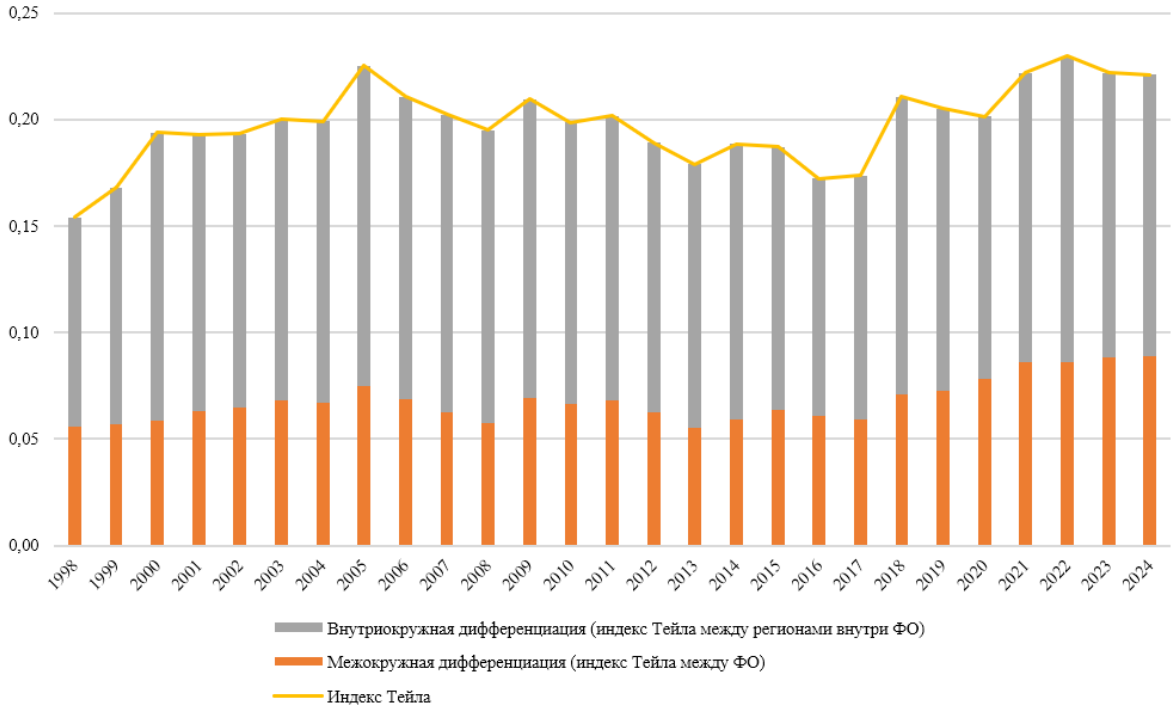
На рисунке 2.9 и 2.10 представлена динамика трёх индексов Тейла. Верхний график соответствует общему индексу Тейла, рассчитанному по всем регионам, который является сводной мерой межрегиональной дифференциации, аналогичной коэффициенту Джини и коэффициенту вариации. Два других графика отражают результаты декомпозиции общего индекса на две компоненты: межокружная и внутриокружная дифференциация.

Как было отмечено ранее, ключевое преимущество индекса Тейла заключается в возможности его декомпозиции, которая и была проведена в нашем исследовании. В нашем случае декомпозиция означает, что сумма индексов, отражающих межокружную и внутриокружную дифференциацию, в точности равна значению общего индекса Тейла. Данное свойство можно наглядно наблюдать на рисунке 2.10.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

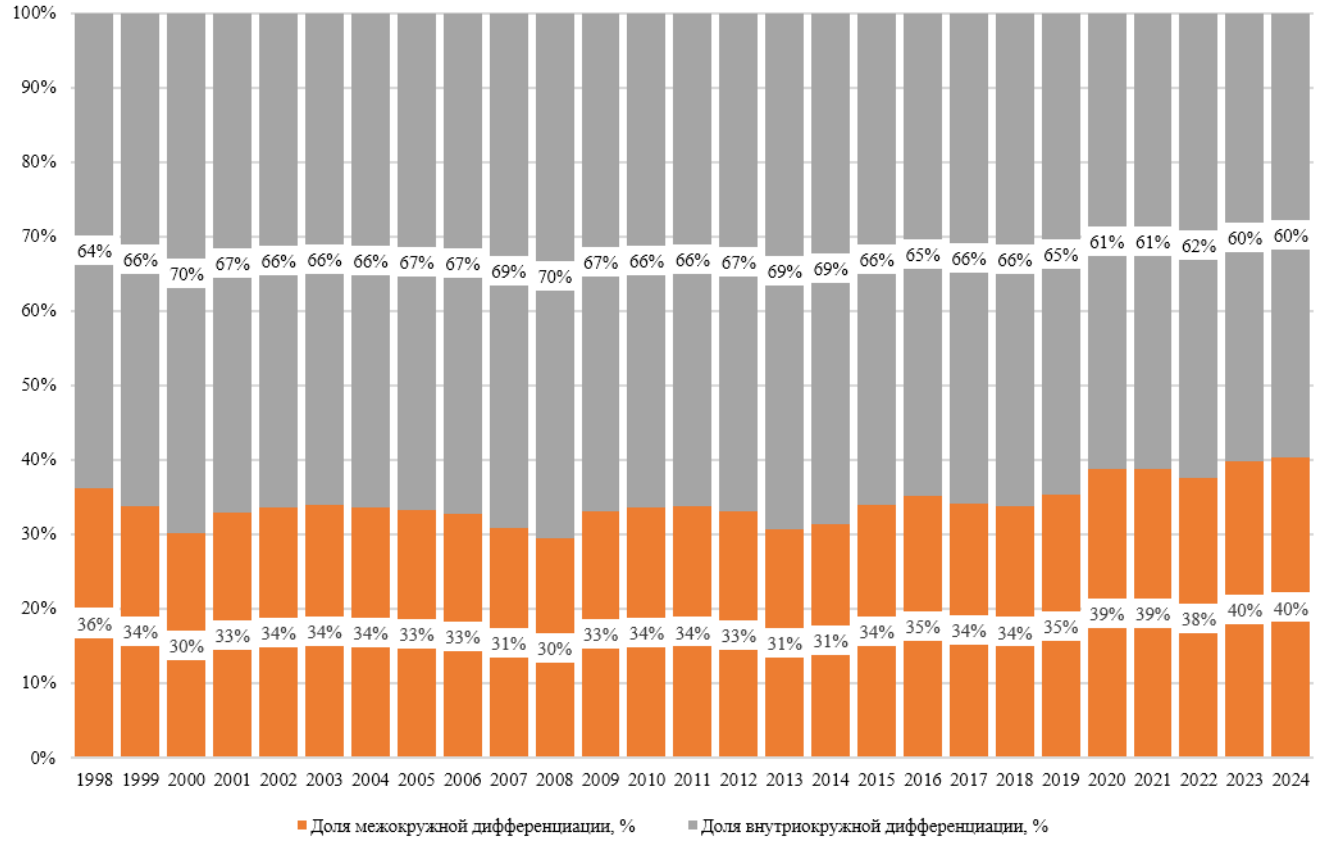
Рисунок 2.9 – Динамика индекса Тейла и его декомпозиция, 1998–2024 гг.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.10 – Динамика индекса Тейла и его декомпозиция, 1998–2024 гг.

На рисунке 2.11 представлено распределение общей межрегиональной дифференциации на межокружную и внутриокружную компоненты. Расчеты показывают, что в среднем 33% (1/3) общей межрегиональной дифференциации обусловлено различиями между федеральными округами. При этом в последние годы наблюдается тенденция к увеличению данной доли. Соответственно, оставшиеся 67% (2/3) дифференциации формируются за счёт диспропорций регионов внутри округов.

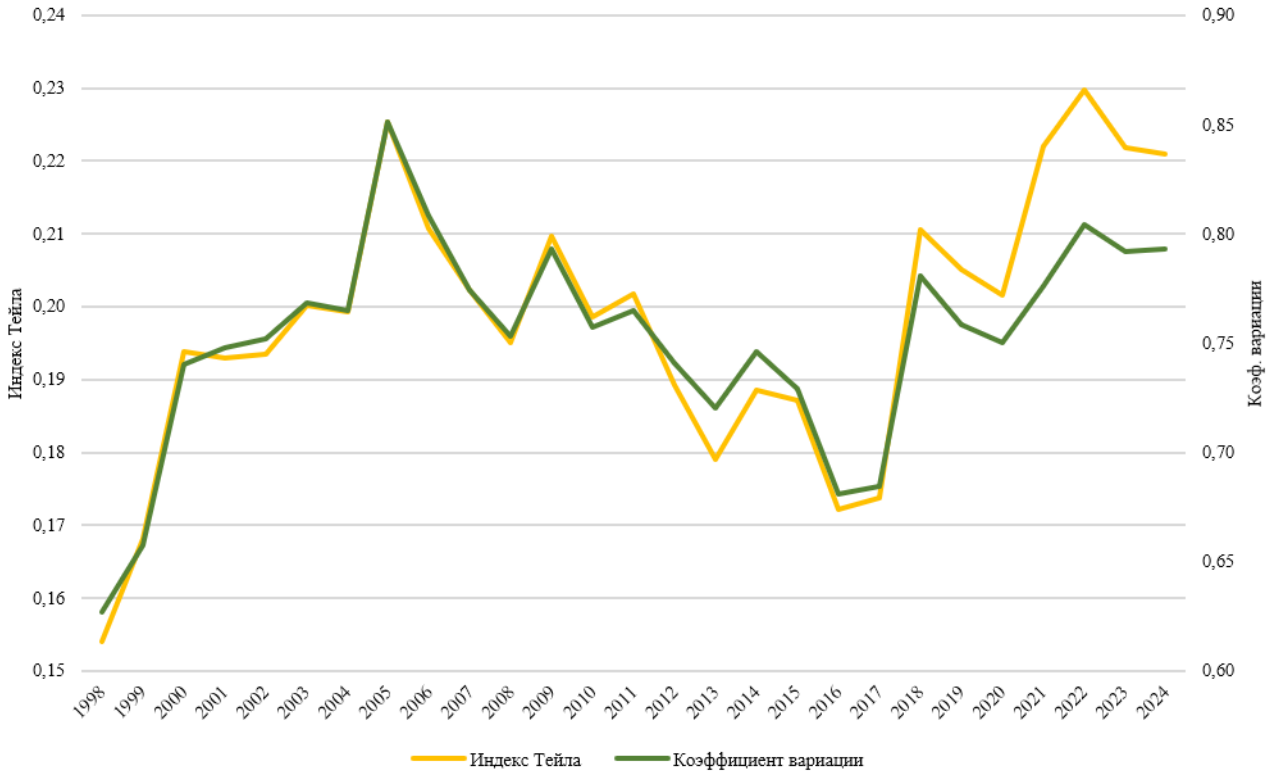

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.11 – Декомпозиция индекса Тейла, 1998–2024 гг.

Это свидетельствует о том, что ключевым источником межрегиональной экономической дифференциации в России являются различия между регионами одного федерального округа, а не различия между округами в целом. Таким образом, проблема неравномерного экономического развития носит выраженный внутрирегиональный характер.

График индекса Тейла и его сравнение с коэффициентом вариации приведены на рисунке 2.12.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

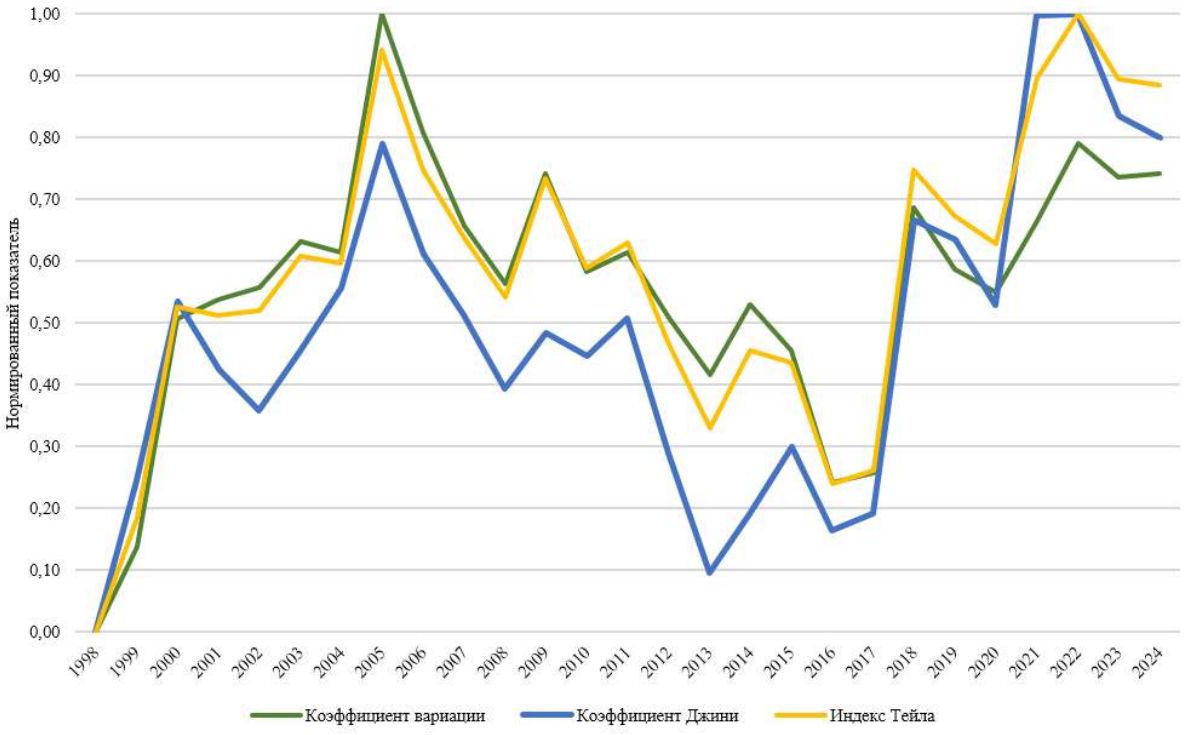
Рисунок 2.12 – Динамика индекса Тейла и коэффициента вариации, 1998–2024 гг.

Так как индекс Тейла не имеет верхней границы, то нет необходимости обсуждать размер показателя, как мы это делали с коэффициентом Джини. Нас интересует только динамика. Заметно, что индекс Тейла также очень похож на коэффициент вариации, хотя есть участки, где поведение индекса Тейла напоминает рассмотренный выше коэффициент Джини. За весь анализируемый период можно выделить три ключевых тренда: рост неравенства до 2005 года, его снижение в 2005–2016 гг. и последующий повторный рост до 2022 года с небольшим снижением после.

Для сравнительного анализа динамики коэффициента вариации, коэффициента Джини и индекса Тейла все показатели были нормированы в

диапазон от 0 (минимальное значение за период) до 1 (максимальное значение за период). Нормированные значения представлены на рисунке 2.13.

Визуальный анализ графика позволяет выявить высокую степень синхронности в динамике нормированного коэффициента вариации и индекса Тейла, что свидетельствует о схожей реакции этих показателей на изменения в региональном распределении ВРП. Коэффициент Джини отличается от первых двух во многом из-за того, что в последние годы он вырос ощутимо сильнее. Этот относительно сильный рост «тянет» вниз нормированный коэффициент Джини за предыдущие периоды. 2001 г., 2002 г., 2004 г., 2015 г., 2022 г. и 2024 г., – годы, когда один из трех показателей дифференциации вел себя иначе, то есть, например, один показатель говорил о росте межрегиональной дифференциации, а два других – о ее падении. Индекс Тейла достигает максимальных значений в 2005 году, как коэффициент вариации, и в 2022 году, как коэффициент Джини.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.13 – Динамика нормированных показателей межрегиональной экономической дифференциации России, 1998–2024 гг.

В 2022 году, согласно индексу Тейла и коэффициенту вариации, межрегиональная дифференциация выросла, а согласно коэффициенту Джини – осталась на максимальных значениях за весь исследуемый период. Ранее прогнозировалось, что с марта 2022 года Россия начинает проходить свой четвёртый кризис за последние 14 лет (2009 г., 2015 г., 2020 г. и с марта 2022 г.), который неравномерно скажется на развитии регионов и, вероятнее всего, приведет к сокращению неравенства между регионами[118]. Однако российская экономика адаптировалась к новым условиям и во второй половине 2022 г. рост восстановился в большинстве субъектов России[119]. Мы наблюдаем снижение межрегиональной экономической дифференциации после 2022 года.

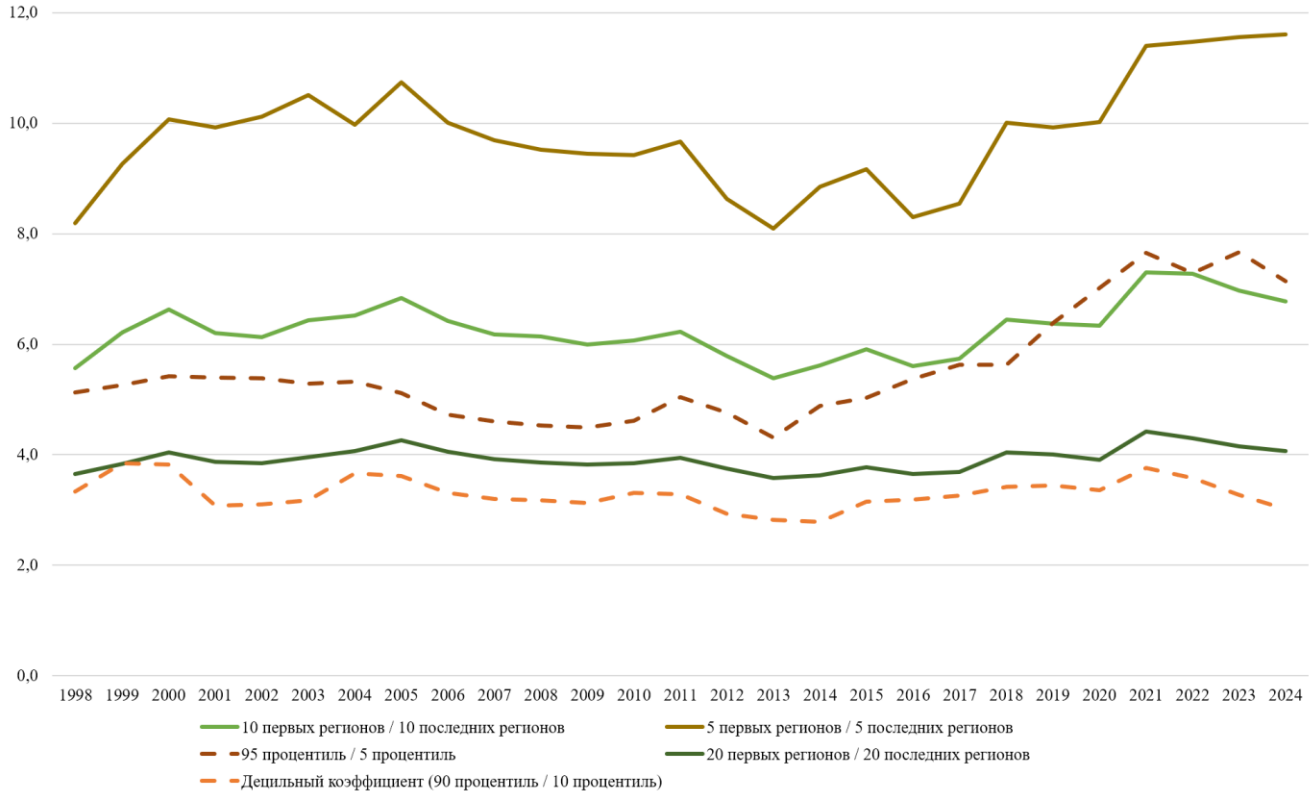
На рисунке 2.14 представлены альтернативные коэффициенты, с помощью которых можно судить о структуре межрегиональной экономической дифференциации в России. В отличие от рассчитанных ранее коэффициентов, эти индикаторы используют не все распределение для расчетов. В данном случае считается отношение между различными частями распределения показателя ВРП.

Некоторые коэффициенты, в отличие от коэффициентов вариации, Джини и Тейла, не показывают такого сильного роста дифференциации с 1998 года по 2005 год. Заметно, что с 2005 года показатели падают и достигают минимума в 2013 году как у коэффициента Джини (а не в 2016–2017 гг., как у коэффициента вариации и Тейла). После 2013 года наблюдается тренд роста всех показателей. Богатые регионы начали опережать по темпам роста бедные регионы. В 2021 году достигнут локальный максимум по всем коэффициентам. Далее все индикаторы незначительно снижаются, кроме растущего отношения 5 первых регионов / 5 последних регионов.

Сравнение общих коэффициентов дифференциации и показателей на рисунке 2.14 говорит о том, что в последнее время сильно возросла дифференциация между самыми бедными и самыми богатыми регионами, а

[118] Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 226–234.
[119] Михеева Н. Н. Российские регионы в современных условиях: старые проблемы и новые возможности. Институт экономических исследований ДВО РАН, 2024. С. 241–249.

межрегиональная дифференциация «средних» регионов, которое не учитывается в расчётах показателей на рисунке 2.14, изменилось не так сильно.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

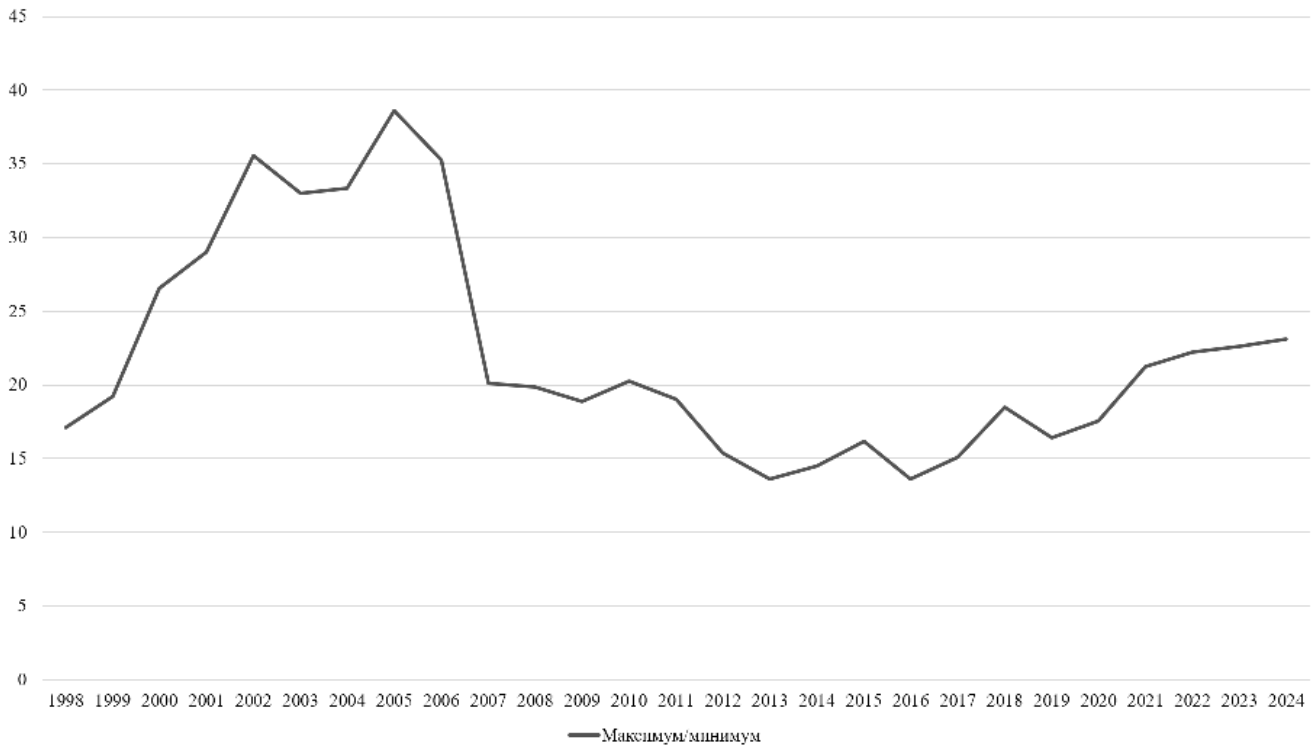
Рисунок 2.14 – Динамика коэффициентов межрегиональной экономической дифференциации России, 1998–2024 гг.

Сравнение общих коэффициентов дифференциации и показателей на рисунке 2.14 говорит о том, что в последнее время сильно возросла дифференциация между самыми бедными и самыми богатыми регионами, а межрегиональная дифференциация «средних» регионов, которое не учитывается в расчётах показателей на рисунке 2.14, изменилось не так сильно.

Заметно, что динамика изменения показателей на рисунке 2.14 хоть и сильно коррелирована, но не одинакова. Отношения среднего ВРП 5 (10) первых регионов к среднему ВРП 5 (10) последних и отношение 95 процентиля к 5 процентилю меняются сильнее и за последние годы находятся на максимальных значениях за весь рассматриваемый период. Это означает, что «по краям» распределения наших регионов динамика роста ВРП отличается сильнее, чем у регионов, расположенных

ближе к середине распределения. Относительно сильный экономический рост самых успешных регионов и/или слабый рост отстающих регионов сильно влияет на общий показатель межрегиональной дифференциации в России. Что влияет и на сколько сильно (опережающий рост богатых или отставание бедных) по данным расчетам сказать нельзя. Мы это сделаем позже после рассмотрения коэффициентов на рисунке 2.16.

Динамика отношения ВРП на душу населения самого богатого региона к ВРП на душу населения самого бедного приведена на рисунке 2.15. За весь период исследования первым регионом по размеру ВРП на душу населения являлись в разное время Тюменская область, Чукотский автономный округ и Сахалинская область. Ингушетия стабильно производит меньше всего ВРП на душу населения в России и занимает последнее место.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

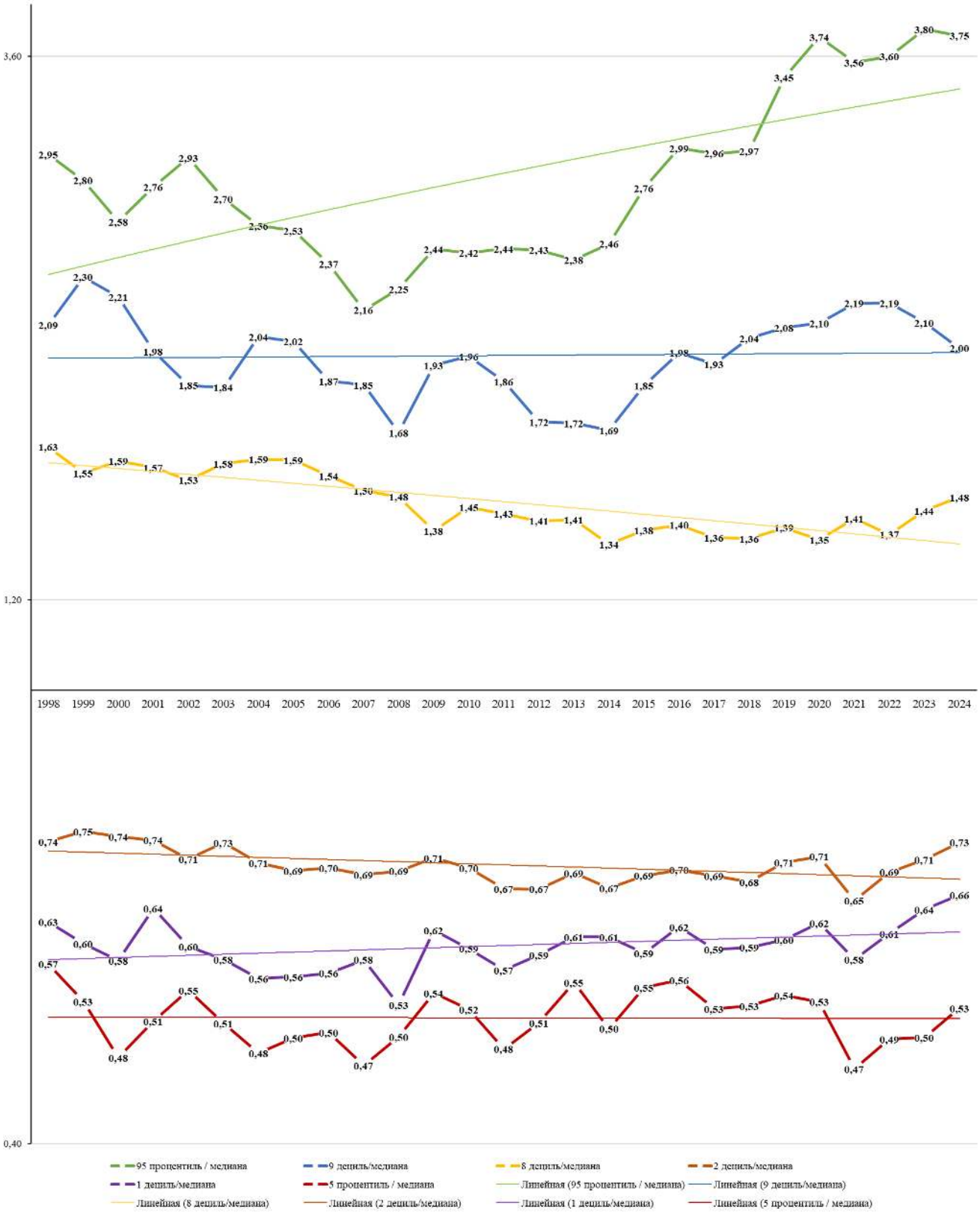
Рисунок 2.15 – Отношение максимального ВРП на душу населения к минимальному ВРП на душу населения регионов России, 1998–2024 гг.

Резкий скачок вниз коэффициента, полученного делением ВРП на душу населения самого успешного региона по данному показателю на наименее развитого связано с необычным ростом почти на 90% номинального ВРП на душу населения в Ингушетии в 2007 году. Стоит отметить, что этот скачок обусловлен скорее несовершенством статистики, а не реальными моментальными изменениями.

Данный коэффициент нельзя рассматривать как полноценный показатель межрегиональной дифференциации в целом по стране. Зато им наглядно можно характеризовать разброс ВРП на душу населения. В 2013 и 2016 годах отношение максимального ВРП на душу населения к минимальному составило 13,6. Это минимум за исследуемый период. В 2024 году этот показатель был уже равен 23,1. То есть ВРП на душу населения Тюменской области в 2024 году в 22,8 раз больше ВРП на душу населения Ингушетии.

Выводы, сделанные с помощью расчетов коэффициентов на рисунке 2.14 относительно формы межрегиональной дифференциации, можно более строго подтвердить с помощью показателей, приведенных на рисунке 2.16. На нем приведены графики отношения ряда децилей и процентилей к медиане.

Рассмотрим рисунок снизу вверх. Отношение 5 процентиля, 1 дециля и 2 дециля к медиане достаточно стабильное. То есть долгосрочно не наблюдается существенного изменения уровня межрегиональной дифференциации из-за изменений ВРП на душу населения относительно бедных регионов. Они не догоняют медианный регион и не отстают от него в среднем. Примечательно, что все 3 показателя показали резкое синхронное снижение в 2021 году. Данные 3 индикатора нужно интерпретировать наоборот: их снижение означает увеличение отставания бедных регионов от медианы. Далее все 3 показателя наоборот стали расти, то есть отставание снижается.

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Рисунок 2.16 – Динамика коэффициентов межрегиональной экономической дифференциации России, 1998–2024 гг.

8 дециль имеет тренд на сближение с медианой. Следовательно, в данном разрезе регионов дифференциация снижается (точнее, регион на месте 8 дециля приближается к медиане, а не увеличивает разрыв). 9 дециль достиг своего минимума относительно медианы в 2008 году. Дальше он изменялся без ярко выраженной тенденции. Однако если сузить горизонт рассмотрения, то можно отметить рост с 2015 года.

Особый интерес представляет коэффициент, полученный 95 процентиля к медиане. Минимум показателя приходится на 2007 год. Дальше начался его рост и его значения находятся на самых высоких уровнях в последние годы. Именно самые развитые регионы всё больше опережают медианные значения, тем самым внося вклад в растущую с 2013 года общую межрегиональную экономическую дифференциацию.

Выводы к параграфу 2.2:

1. Проведенное исследование на основе методического подхода позволило комплексно оценить структуру, динамику и пространственные особенности межрегиональной экономической дифференциации России. Динамика экономик федеральных округов и регионов России характеризуется большим разбросом роста показателей как в долгосрочном, так и в среднесрочных периодах. В рамках анализа долей федеральных округов и регионов в суммарном ВРП России было установлено, что экономическая активность в стране распределена крайне неравномерно. Наибольший вклад (35%) стабильно вносит Центральный федеральный округ, в то время как ряд других округов характеризуется значительно меньшей долей. 10 ведущих регионов производят в среднем 60% всего ВРП России. Москва производит 22% ВРП. 10 самых отсталых региона производят примерно 1% ВРП.

2. Анализ динамики коэффициентов межрегиональной экономической дифференциации показал, что межрегиональная дифференциация имеет выраженный нелинейный характер. В период с 1998–2005 гг. наблюдался рост дифференциации, затем последовало его снижение до 2013–2016 гг. (2005–2013 гг.

по коэффициенту Джини и 2005–2016 гг. по коэффициенту вариации и индексу Тейла), после чего начался новый этап роста с пиком дифференциации в 2021–2022 гг. В целом основные измерители дифференциации ведут себя синхронно. Однако в 2001 г., 2002 г., 2004 г., 2015 г., 2022 г. и 2024 г. динамика трех показателей была разнонаправленной, что подтверждает различную чувствительность показателей к изменениям в разных частях распределения и доказывает необходимость использования взаимодополняющих показателей для получения полной картины.

3. Расчеты индекса Тейла и его декомпозиции показали, что основная часть межрегиональной дифференциации формируется за счет различий между регионами внутри федеральных округов (67%), а не между округами в целом (33%). Это указывает на то, что проблема внутренней дифференциации в округах более значима, чем контрасты между самими округами. Однако в последние годы наметилась тенденция к увеличению доли межокружного неравенства.

4. Анализ ранговых показателей дифференциации показал, что основной вклад в динамику межрегиональной дифференциации вносит экономический рост наиболее развитых регионов. Последнее десятилетие характеризуется усилением экономической поляризации регионов. Наиболее развитые субъекты увеличивают свое развитие быстрее средних и отстающих, что приводит к росту общего уровня межрегиональной дифференциации.

5. В целом результаты проведенного анализа свидетельствуют о наличии межрегиональной экономической дифференциации в России, которая сохраняется на протяжении длительного периода и усиливается в отдельные этапы экономического развития.

2.3. Инструменты пространственной кластеризации регионов по уровню экономического развития

Теоретическое обоснование пространственной неоднородности и кластеризации регионов по уровню экономического развития представлено в нашей концептуальной модели межрегиональной экономической дифференциации в параграфе 1.3. Текущий параграф посвящен выявлению пространственной кластеризации регионов России по уровню экономического развития на реальных данных.

Кластерная теория пространственного развития тесно связана с оценкой межтерриториальной взаимосвязанности[120]. В отечественной экономической литературе проблематика пространственного неравенства активно разрабатывается, однако применение формальных методов пространственной статистики и эконометрики остается ограниченным.

Дорошенко С.В. и Васильева Р.И. в своем исследовании рассчитали глобальный и локальный индекс Морана для темпов роста реального ВРП на душу населения на уровне 85 регионов РФ за несколько временных периодов[121]. Было получено, что геополитические и экономические шоки усиливают пространственную неоднородность, а граничащие между собой регионы оказывают влияние на темпы экономического роста друг друга.

Красных С.С. провел оценку кластеризации цифровизации регионов России на основе собственной оценки уровня цифровизации[122]. В работе был выделен ряд кластеров с помощью локальных индексов Морана.

Русановский В.А. и Марков В.А. рассчитали индекс Морана на основе численности занятых, используя матрицу весов с учетом масштаба региона (ВРП)

---

[120] Наумов И. В., Седельников В. М., Аверина Л. М. Эволюция теорий пространственного развития: принципиальные особенности и современные задачи исследований // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 2. С. 383–398.
[121] Дорошенко С. В., Васильева Р. И. Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014-2021 гг. // Регионология. 2024. Т. 32, № 3 (128). С. 484–503.
[122] Красных С. С. Оценка уровня цифровизации регионов России с позиции межрегионального взаимодействия // Информационное общество. 2023. № 3. С. 120–128.

и расстояний между столицами[123]. Было показано, что число занятых в регионах России концентрируются в ограниченном числе регионов, то есть крупные регионы «стягивают» рабочую силу на себя из соседних регионов.

Коломак Е.А. с помощью методов пространственной эконометрики (модель пространственного лага (SAR) и модель пространственной ошибки (SEM)) исследовала вклад межрегионального взаимодействия на развитие регионов России[124]. Практически все оценки пространственных эффектов по модели пространственного лага оказались незначимыми. Оценки пространственных эффектов по модели пространственного лага ошибки показали значимые результаты, особенно при выборе матрицы соседства вместо матрицы обратных расстояний. Таким образом, в экономическом развитии регионы связаны с соседними регионами.

Демидова О.А. и Камалова Э. в своем исследовании рассчитали индекс Морана по темпам роста ВРП за 2006–2017 гг.[125] Индекс оказался значим в большинстве рассматриваемых периодах.

Переход от описательного анализа межрегиональной дифференциации (представленного в предыдущем параграфе) к формальной проверке гипотезы о пространственной взаимосвязанности регионов является логичным этапом исследования. Если ранее мы фиксировали различия в уровнях и динамике показателей, то на данном этапе задача состоит в выявлении пространственной структуры этих различий. В нашем исследовании поставлена цель определить наличие связанности в развитости соседних регионов России и провести пространственную кластеризацию регионов.

[123] Русановский В. А., Марков В. А. Занятость и производительность труда в макрорегионах России: пространственные взаимозависимости // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2 (167). С. 36–48.
[124] Коломак Е. А. Оценка пространственной связности экономической активности российских регионов // Регион: экономика и социология. 2019. № 4 (104). С. 55–72.
[125] Демидова О. А., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 2. С. 34–59.

Исследование основано на расчете глобального[126] (Moran's I) и локального[127] (local Moran's I) индексов Морана для ВРП на душу населения 83 субъектов Российской Федерации за 2023 год. Данный год выбран по причине использования его в параграфе 3.1 при проведении комплексной типологизации регионов. В свою очередь, в параграфе 3.1 выбран 2023 год по той причине, что это последний год, по которому есть данные по всем используемым в расчетах показателям.

Глобальный индекс Морана является аналогом коэффициента корреляции для пространственных данных[128][129] и показывает общую автокорреляцию пространственных данных:

1. Положительные значения говорят о положительной автокорреляции. Регионы с высокими значениями признака соседствуют с регионами, также имеющими высокие значения, а регионы с низкими значениями окружены регионами с низкими значениями.

2. Отрицательные значения говорят об отрицательной автокорреляции. Регионы с высокими значениями признака окружены регионами с низкими значениями, и наоборот.

3. Значения в районе нуля говорят об отсутствии автокорреляции. Распределение признака регионов случайно в пространстве, географическое положение не связано со значением признака.

Матрица пространственных весов является ключевым элементом расчета. В нашем исследовании она построена по принципу соседства "ферзь" (королева, queen contiguity), при котором регионы считаются соседями при наличии общей границы любой протяженности.

Для идентификации пространственных кластеров и пространственных выбросов используется методология локальных индексов пространственной

[126] Moran P. A. P. The Interpretation of Statistical Maps // Journal of the Royal Statistical Society Series B: Statistical Methodology. 1948. Vol. 10, No. 2. P. 243–251.
[127] Anselin L. Local Indicators of Spatial Association—LISA // Geographical Analysis. 1995. Vol. 27, No. 2. P. 93–115.
[128] Демидова О. А., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 2. С. 34–59.
[129] Демидова О. А. Методы пространственной эконометрики и оценка эффективности государственных программ // Прикладная эконометрика. 2021. № 4 (64). С. 107–134.

ассоциации (Local Indicators of Spatial Association, LISA)[130]. В текущем исследовании рассчитан локальный индекс Морана. Данный индекс рассчитывается аналогично глобальному индексу Морана, но для каждого региона по отдельности. Анализ локального индекса Морана позволяет классифицировать каждый регион по четырем типам пространственной ассоциации:

1. Высокие-высокие (high-high): регион с высоким значением признака, окруженный регионами с высокими значениями.
2. Низкие-низкие (low-low): регион с низким значением признака, окруженный регионами с низкими значениями.
3. Высокие-низкие (high-low): регион с высоким значением признака, окруженный регионами с низкими значениями.
4. Низкие-высокие (low-high): регион с низким значением признака, окруженный регионами с высокими значениями.

В контексте нашего исследования для лучшего понимания первый кластер можно назвать «богатые среди богатых» или «развитые среди развитых», а второй – «бедные среди бедных» или «слаборазвитые среди слаборазвитых».

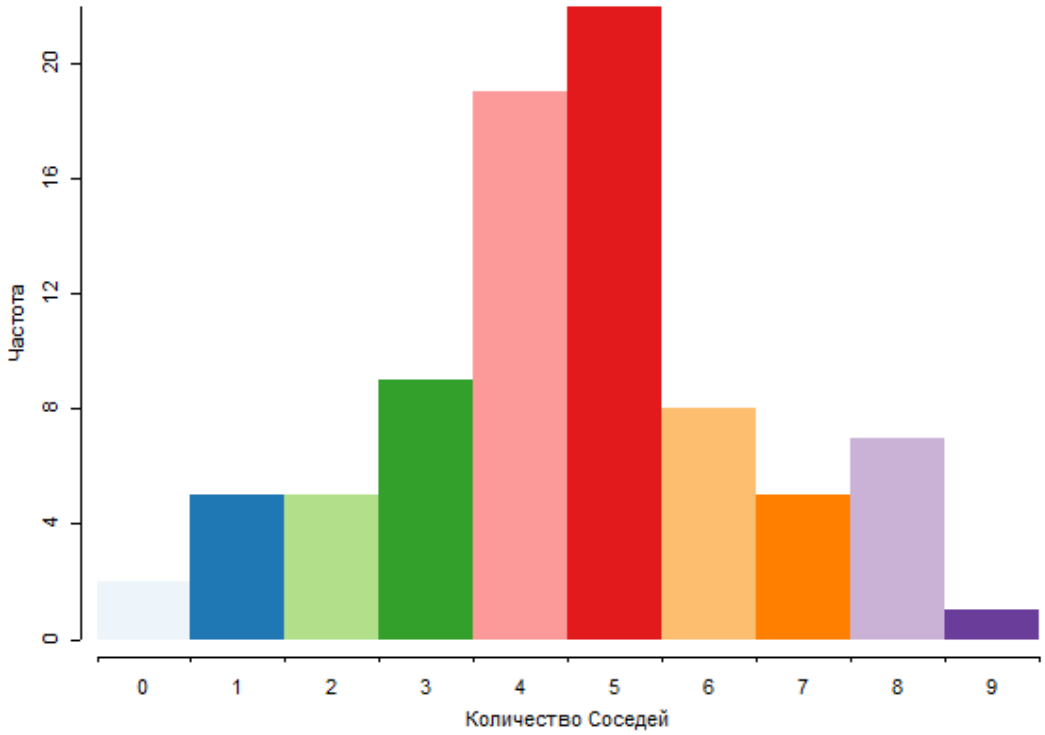
Следует дополнительно подчеркнуть, что глобальный индекс Морана позволяет выявить наличие пространственной автокорреляции в целом по выборке, тогда как локальный индекс направлен на идентификацию конкретных зон пространственной концентрации и пространственных выбросов. Таким образом, применение двух уровней анализа обеспечивает как агрегированную, так и детализированную оценку пространственной структуры.

Необходимо отметить ограничения выбранных методов. Во-первых, результаты чувствительны к выбранной матрице пространственных весов. Во-вторых, существует проблема изолированных регионов, каких как анклавы и острова. Для них нужно выбрать специальный подход для определения соседей. В-третьих, важно заметить, что наличие пространственной автокорреляции не объясняет ее причины, а требует дополнительного содержательного анализа.

[130] Anselin L. Local Indicators of Spatial Association—LISA // Geographical Analysis. 1995. Vol. 27, No. 2. P. 93–115.

Расчеты глобального и локального индексов Морана произведены в программе GeoDa. Карта кластеров создана в программе QGIS.

На первом этапе была определена матрица пространственных весов. Как было указано в методике исследования выше, матрица была рассчитана по принципу географического соседства, которое определяется наличием общей границы между регионами. Для изолированных регионов (Калининградская и Сахалинская области) установлено нулевое соседство. Гистограмма количества соседей регионов приведена на рисунке 2.17.

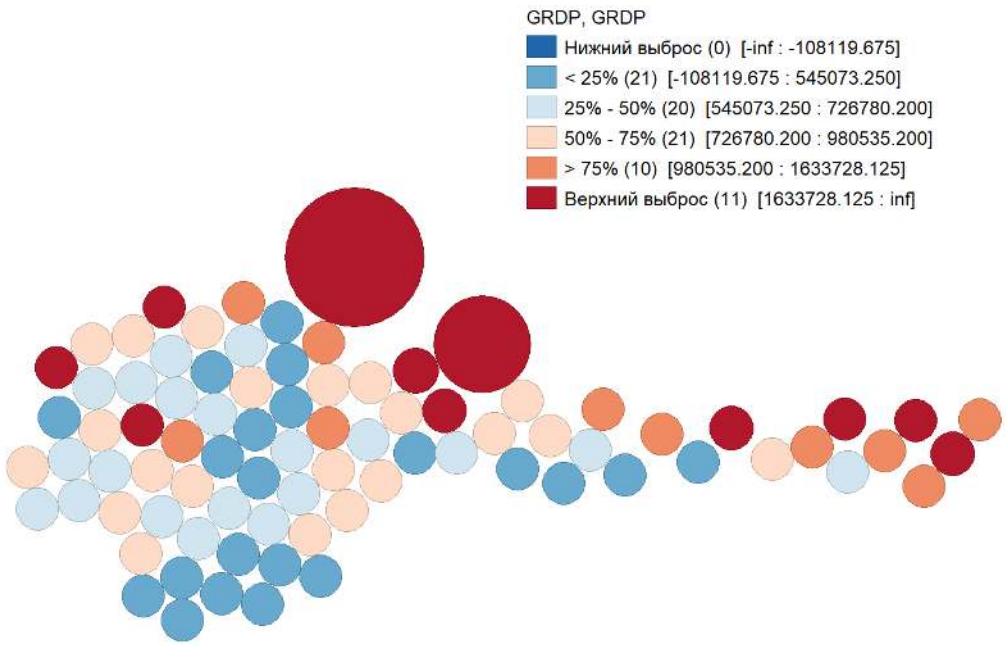

Источник: рассчитано и составлено автором

Рисунок 2.17 – Гистограмма количества соседей регионов России, рассчитанных методом по типу хода ферзя (королевы, queen), шт.

На основе картограммы на рисунке 2.18 можно предварительно предположить наличие положительного индекса Морана. Визуально прослеживается концентрация более высоких значений в северной и северо-восточной части страны, а также формирование зон пониженных значений в

южных и северокавказских регионах. Такая пространственная конфигурация позволяет предположить наличие положительной автокорреляции еще до проведения расчетов.

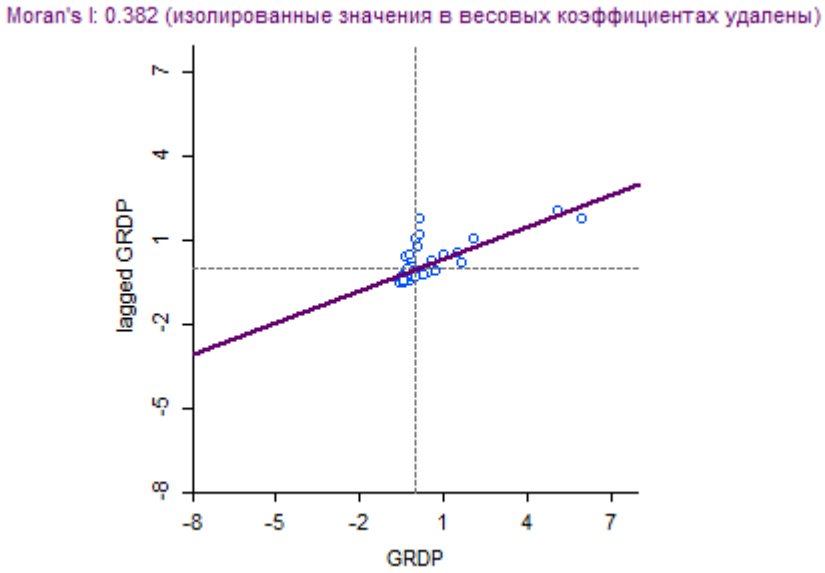
Источник: рассчитано и составлено автором

Рисунок 2.18 – Картограмма ВРП на душу населения регионов России, 2023 г.

Нами были проведены расчеты глобального индекса Морана. В результате расчетов был получен глобальный индекс Морана, равный 0,382. График индекса Морана приведен на рисунке 2.19. Полученное значение глобального индекса Морана (I = 0,382) свидетельствует о наличии умеренной положительной пространственной автокорреляции ВРП российских регионов. Иначе говоря, географическая близость регионов статистически связана со схожестью их уровня экономического развития. Пространственное распределение показателя нельзя считать случайным.

Этот результат согласуется с разработанной нами концептуальной моделью межрегиональной экономической дифференциации и подтверждает гипотезу о кластеризации регионов со схожим уровнем экономического развития.

Положительное значение индекса указывает на то, что регионы с высоким ВРП имеют тенденцию соседствовать с такими же высокоразвитыми регионами, а регионы с низким ВРП окружены экономически отстающими территориями.

Источник: рассчитано и составлено автором

Рисунок 2.19 – Индекс Морана по данным ВРП регионов России, 2023 г.

Далее мы рассчитали локальный индекс Морана. Анализ локального индекса Морана позволил выделить два статистически значимых типа пространственных кластеров (рисунок 2.20).

Кластер «богатые среди богатых» (высокие-высокие, high-high) (7 регионов). В этот кластер вошли шесть северных регионов: Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Республика Коми, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярский край. Также в кластер вошел Камчатский край. Объединяющей характеристикой этих регионов является их ресурсодобывающая специализация. Формирование этого кластера, вероятно, объясняется наличием полезных ископаемых, агломерационными эффектами в ресурсных отраслях и наличием необходимой транспортной инфраструктуры (Северный морской путь, трубопроводы).

Источник: рассчитано и составлено автором

Рисунок 2.20 – Карта пространственных кластеров регионов России по ВРП на душу населения, 2023 г.

Этот кластер представляет собой "ресурсный каркас" российской экономики, генерирующий значительную часть экспортных доходов.

Кластер «бедные среди бедных» (низкие-низкие, low-low) (9 регионов). Второй значимый кластер включает почти все регионы Северного Кавказа: Краснодарский край, Ставропольский край, Республика Калмыкия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан. Также в кластер вошла Нижегородская область. Это кластер со слаборазвитыми регионами, окруженными такими же слаборазвитыми регионами. Вероятно, структура экономик данного кластера и их институциональная среда не позволяют им развиваться так же эффективно, как и другим регионам России.

Большинство регионов (69 из 83) не показали статистически значимой пространственной ассоциации. Это может объясняться отсутствием сильных пространственных связей с соседями и противоречивым влиянием разнонаправленных факторов

Выводы к параграфу 2.3:

1. В исследовании эмпирически подтверждена гипотеза о поляризованном развитии регионов в России. Получены пространственные кластеры развитых регионов и кластеры слаборазвитых регионов. Глобальный индекс Морана (I = 0,382) свидетельствует о наличии умеренной положительной пространственной автокорреляции. Экономическое развитие регионов имеет выраженную территориальную структуру. Локальный анализ выявил два устойчивых типа пространственной концентрации («богатые среди богатых» и «бедные среди бедных»), при этом пространственные выбросы типов «богатые среди бедных» и «бедные среди богатых» отсутствуют.

2. Сопоставление результатов с анализом межрегиональной дифференциации, проведенным в предыдущих параграфах, позволяет сделать вывод о том, что выявленные различия носят не только количественный, но и пространственный характер. Неравномерность экономического развития России

проявляется как в уровне показателей, так и в их территориальной концентрации. Полученные результаты подчеркивают необходимость учета пространственных взаимодействий при разработке региональной политики и указывают на важность перехода от унифицированных к дифференцированным подходам в управлении территориальным развитием.

3. В дальнейших исследованиях важно помнить о зависимости используемого метода от типа выбранной матрицы пространственных весов. Географически соседей между определить иначе. Например, вместо географических границ территорий можно задать конкретное количество соседей, однако выбор числа соседей в данном случае представляется нам произвольным. Также можно использовать расстояние между регионами или их столицами, что представляется обоснованным и позволяет решить проблему соседства для островов и анклавов.

Выводы по 2 главе

Во второй главе проведена комплексная оценка межрегиональной экономической дифференциации России на основе разработанного методического подхода и выявлена пространственная кластеризация регионов России по уровню экономического развития.

1. В рамках параграфа 2.1 сформирована система исходных показателей оценки межрегиональной экономической дифференциации и обоснован выбор методического инструментария исследования. Показано, что оценка межрегиональной экономической дифференциации включает два ключевых компонента: выбор показателей, характеризующих экономическое развитие регионов, и расчет статистических показателей (индикаторов, метрик), количественно отражающих степень дифференциации. Обосновано применение в исследовании невзвешенного подхода к расчету показателей, поскольку целью исследования является измерение различий между регионами как территориальными единицами.

2. В параграфе 2.2 выполнен анализ динамики и структуры межрегиональной экономической дифференциации за 1998–2024 гг. Анализ темпов роста общего ВРП и ВРП на душу населения показал, что темпы роста различных округов и регионов значительно отличаются. Различия же между динамикой ВРП и ВРП на душу населения обусловлены демографическими процессами. В субъектах с сокращающейся численностью населения темпы роста ВРП на душу населения нередко превышают темпы роста общего ВРП. Исследование структуры экономики России через анализ долей федеральных округов и отдельных регионов в суммарном ВРП выявило устойчивую концентрацию экономической активности. Центральный федеральный округ стабильно формирует наибольшую долю ВРП (35%), а совокупная доля десяти крупнейших регионов за рассматриваемый период увеличилась до 64%, что

свидетельствует об усилении территориальной концентрации экономики. Вклад 10 наименее развитых региона в ВРП России составляет всего 1%.

3. Расчеты коэффициента вариации, коэффициента Джини и индекса Тейла показали наличие трех этапов в динамике дифференциации: рост до середины 2000-х гг., снижение в 2005–2016 гг. и последующее увеличение. Выявлены периоды, когда эти показатели имели разнонаправленное движение, что подтверждает их различную чувствительность в изменчивости значений внутри распределения. Декомпозиция индекса Тейла продемонстрировала, что основная часть межрегиональной дифференциации формируется внутри федеральных округов (67% в среднем), однако доля межокружной компоненты (33% в среднем) в последние годы увеличивается. Дополнительный анализ ранговых коэффициентов, основанных на процентильном и децильном подходах, позволил выявить усиление дифференциации в крайних группах регионов. Наиболее развитые субъекты увеличивают свое развитие быстрее средних и отстающих, что приводит к росту общего уровня межрегиональной дифференциации.

4. В параграфе 2.3 выявлена пространственная кластеризация регионов России на основе проведенного пространственного анализа. Расчет глобального индекса Морана (I = 0,382) подтвердил наличие умеренной положительной пространственной автокорреляции ВРП на душу населения регионов России. Это означает, что экономическое развитие регионов имеет выраженную территориальную структуру и не является случайно распределенным в пространстве. Локальный индекс Морана позволил выделить устойчивые кластеры типа «богатые среди богатых» и ««бедные среди бедных», отражающие пространственную концентрацию развитых и отстающих регионов. Полученные результаты согласуются с разработанной нами концептуальной моделью межрегиональной экономической дифференциации и указывают на важность учета пространственных взаимодействий при разработке региональной политики

ГЛАВА 3. ИНСТРУМЕНТАРИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРЕОДОЛЕНИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

3.1. Комплексная многомерная типология регионов в рамках региональной политики

Проблема типологии регионов занимает важное место в исследованиях пространственного и регионального развития. Разнообразие регионов требует разработки их научной типологии, а не только рассмотрения как частей национальной экономики[131]. Значительная неоднородность социально-экономических условий субъектов Российской Федерации, различия в структуре экономики, ресурсном потенциале и уровне жизни населения обусловливают необходимость систематизации регионального пространства. Типологизация позволяет выявлять устойчивые группы регионов со сходными характеристиками развития, анализировать закономерности территориальной дифференциации и формировать дифференцированные меры региональной политики. В параграфе 3.1 разработана комплексная многомерная типология регионов России. Далее на основе разработанной типологии и пространственных кластеров из п. 2.3, предложены меры региональной политики межрегиональной экономической дифференциации и целевые показатели региональной политики. В п. 3.3 проведена апробация предложенного подхода на примере Курской области.

Ранние работы в этой области были направлены на комплексный анализ последствий переходного периода. Так, коллектив авторов (Бутс и др., 2002) в рамках исследования Института экономики переходного периода (ИЭПП) разработал типологию, основанную на данных 1995–1999 гг. по трем ключевым

[131] Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. Учеб. для студентов вузов, обучающихся по экон. направлениям и специальностям. Москва: ГУ ВШЭ, 2001. С. 39.

измерениям: уровень жизни населения, инвестиционная деятельность и экономический потенциал[132].

Методика расчетов авторов базировалась на последовательном применении кластерного анализа: сначала проводилась многомерная классификация отдельно по каждому из трех блоков показателей с использованием иерархической кластеризации (метода Варда), а затем на основе качественного анализа и совмещения полученных результатов была построена итоговая типология, включающая такие типы, как «производственники-потребители, «нефтяники-потребители», «бедные потребители», «богатые инвесторы», «бедные инвесторы», «шатающиеся» и «депрессивные». Данная работа стала одной из первых попыток осмысления структурных изменений в экономике регионов в постсоветский период.

Более сложный и многоаспектный подход был предложен экспертами Фонда ИНДЕМ (Сатаров Г.А., Благовещенский Ю.Н. и др., 2004)[133]. Используя базу данных из более чем 230 показателей, они сконструировали 13 интегральных индикаторов, охватывающих ресурсный потенциал, демографические и социальные характеристики, состояние хозяйства и финансов, а также институциональные особенности, такие как законодательная активность и организация власти.

Ключевая методическая особенность данной работы – оригинальный экспертно-статистический метод построения индикаторов, основанный на выделении экспертами групп лидеров и аутсайдеров, которые служили опорными точками для создания виртуальных эталонных регионов. Значение каждого индикатора для любого субъекта РФ определялось как его проекция на ось, соединяющую эти опорные точки в многомерном пространстве. Далее с помощью метода главных компонент размерность пространства была снижена до пяти

[132] Типология российских регионов / Б. Бутс, С. М. Дробышевский, О. Кочеткова [и др.] ; под ред. Н. Г. Главацкой ; Российско-Канадский консорциум по вопросам прикладных экономических исследований. – Москва : Институт экономики переходного периода, 2002. – 495 с.

[133] Региональная политика России: адаптация к разнообразию : аналит. докл. / Г. А. Сатаров, Ю. Н. Благовещенский, М. А. Краснов [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Сатарова. – Москва : Фонд ИНДЕМ, 2004. – 190 с.

факторов, на основе которых методом аддитивных деревьев (Саттаха и Тверски)[134] была построена типология, включающая девять классов регионов. Сильной стороной этого подхода является глубокая качественная интерпретация полученных классов.

Важным этапом в развитии методологии регионального анализа стала классификация Григорьева Л.М., Урожаевой Ю.В., Иванова Д.С. [135] (2010), являющаяся развитием предыдущей работы по классификации Григорьева Л.М. и Урожаевой Ю.В. В ее основе лежит идея классификации не только по достигнутому уровню развития, но и по структуре экономики, которая основывается на выделении первичного, вторичного и третичного секторов.

Методика построения классификации включала нормировку показателей душевой добавленной стоимости и занятости в четырех укрупненных секторах (сельское хозяйство, добыча, обрабатывающие производства, рыночные услуги) с последующим анализом частот их распределения для выявления «естественных разрывов», служивших пороговыми значениями для отнесения региона к тому или иному типу. На основе данных за 2007-2008 гг. авторы выделили четыре крупные группы регионов: «высокоразвитые», «развитые», «среднеразвитые» и «менее развитые». Внутри этих групп были идентифицированы более дробные типы, такие как «финансово-экономические центры», «сырьевые экспортоориентированные», «аграрные» и другие.

В работе Белоусовой А.В. (2020) проведена кластеризация регионов по уровню бедности, с помощью которой объяснялась динамика межрегиональной дифференциации[136]. Для расчетов был использован метод иерархического кластерного анализа.

Новейшие исследования демонстрируют тенденцию к усложнению математического аппарата и расширению круга анализируемых факторов. Так,

[134] Sattath S., Tversky A. Additive similarity trees // Psychometrika. 1977. Vol. 42, No. 3. P. 319–345.
[135] Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. – Москва : ТЕИС, 2011. – 346 с.
[136] Белоусова А. В. Уровень бедности в РФ: Пространственный анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 73–88.

Кетова К.В., Касаткина Е.В. и Вавилова Д.Д. (2021) применили методы машинного обучения для обработки 65 показателей социально-экономического развития 85 регионов РФ за 2019 год[137]. Алгоритм их работы включал несколько этапов: предобработку данных (переход к удельным величинам, стандартизацию), снижение размерности исходного набора данных методом главных компонент (что позволило выделить 15 базовых индикаторов), и финальную кластеризацию методом k-средних. Это позволило выделить пять устойчивых кластеров, различающихся структурой экономики и уровнем развития: от столичных агломераций с доминированием услуг до регионов с высокой долей добывающей промышленности и проблемных регионов с высокой безработицей.

Метод k-средних использовался и в работе Протасова Ю.М. с Юровым В.М.[138] (2022). В работе была проведена кластеризация по уровню социально-экономического развития. Было получено 3 кластера.

Алтунина В.В., Анучина Д.А. (2022) разработали классификацию регионов в контексте пространственной поляризации[139]. Методика расчетов представляла собой гибридный подход: на первом этапе на основе анализа трех групп показателей (социально-экономическое состояние, специализация, экономический потенциал) были составлены частные типологии с использованием аналитической группировки, границы типов в которой определялись отклонением от среднероссийских значений. На втором этапе все частные типологии были сведены в единую классификацию, в результате чего регионы распределены по четырем уровням развития (высокоразвитые, развитые, среднеразвитые, менее развитые) с дальнейшей дифференциацией по отраслевой специализации.

[137] Кетова К. В., Касаткина Е. В., Вавилова Д. Д. Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития с использованием методов машинного обучения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 6. С. 70–85.
[138] Протасов Ю. М., Юров В. М. Кластеризация регионов РФ по уровню их социально-экономического развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: экономика. 2022. № 2. С. 95–103.
[139] Алтунина В. В., Анучина Д. А. Классификация регионов Российской Федерации в контексте пространственной поляризации // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 1453–1474.

Работа Манаевой И.В. (2023) посвящена оценке качества жизни как комплексной социально-экономической категории в регионах России[140]. Автор выделил пять компонент качества жизни в регионе: экономический потенциал, благосостояние населения, демографический потенциал, социальная инфраструктура и транспортная инфраструктура. Внутри каждого компонента выбраны ключевые показатели. Далее был получен общий индекс качества жизни и определены регионы с высоким (индекс > среднее), средним (среднее ≥ индекс > медиана), низким (медиана ≥ индекс > 0,75*среднее) и очень низким (индекс ≥ 0,75*среднее) уровнем качества жизни населения на основе сравнения индекса со средним и медианой.

В другой работе (Бобков В.Н. и др., 2024) кластерный анализ осуществлен методом самоорганизующихся карт Т. Кохонена[141]. На основе данных официальной статистики, коллектив автором получили оценку сводного индекса социального благополучия населения по регионам, которые в итоге были разбиты по кластерам.

Гамидуллаева Л.А. и Рослякова Н.А. (2025) на основе 27 параметров (из 69 изначальных), характеризующих экономический, инновационно-технологический и транспортный потенциалы, провели кластеризацию регионов[142]. Методология исследования предусматривала двухэтапный анализ. На первом этапе с помощью иерархической кластеризации (метод Варда) было предварительно выделено восемь групп регионов, после чего проведена кластеризация по методу k-средних. На втором этапе для каждой групп с помощью методов множественной регрессии были определены уникальные факторы, значимо влияющие на динамику валового регионального продукта на душу населения.

[140] Манаева И. В. Качество жизни в российских регионах: эмпирический анализ // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 4. С. 71–92.

[141] Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения / В. Н. Бобков, Р. В. Губарев, Е. И. Дзюба [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 55–73.

[142] Гамидуллаева Л. А., Рослякова Н. А. Кластерно-эконометрический анализ российских регионов: выводы для дифференцированной экономической политики // Economy of Regions. 2025. Т. 21, № 2. С. 283–300.

В последующей работе Гамидуллаева Л.А. с Елиновым Д.А. (2025) сконцентрировались на повышении качества типологизации по показателям инновационного развития на основе нейронных сетей[143]. Дополнительно к кластеризации с помощью k-средних на первом этапе, на втором этапе использовалась нейронная сеть-автокодировщик, которая обеспечила снижение размерности данных и формирование компактного латентного представления, на основе которого повторно была проведена кластеризация. В результате расчетов было получено, что применение автокодировщика для предварительной обработки данных повысило качество кластеризации.

Рюмина Е.В. и Федотов А.А. (2025) сконцентрировались на человеческом потенциале[144]. Процедура их анализа включала отбор показателей за 2021 год. Из первоначальных 22 показателей, отражающих демографические, образовательные, культурные и экологические аспекты, а также социальное здоровье, после проверки на мультиколлинеарность было оставлено 9. Финальная группировка регионов проводилась методом k-средних, что позволило выделить девять групп.

Ушакова Е.А., Леонова Л.А. и Аладышкина А.С. (2025) оценили межрегиональную дифференциацию регионов России по различным сгруппированным показателям (экономика и управление, социальная сфера и экология) и провели кластерный анализ с использованием метода главных компонент[145]. Выбор метода обоснован большим количеством коррелированных показателей. Две главные компоненты были отображены по осям, а кластеры выделены на основе квадрантов.

Статья Буяновой М.Э, Башлаева И.С. и Хоружной Е.Ю. посвящена совершенствованию системы мониторинга социально-экономическогго развития

[143] Елинов Д. А., Гамидуллаева Л. А. Повышение качества типологизации регионов Российской Федерации по показателям инновационного развития на основе нейронных сетей // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2025. № 4 (56). С. 68–83.

[144] Рюмина Е. В., Федотов А. А. Типология регионов России по показателям человеческого потенциала // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 1. С. 114–126.

[145] Ушакова Е. А., Леонова Л. А., Аладышкина А. С. Исследование межрегиональной дифференциации в России в контексте устойчивого развития на основе метода главных компонент // Псковский регионологический журнал. 2025. Т. 21, № 2. С. 35–51.

регионов России[146]. В первой части исследования авторы определили ключевые факторы развития регионов России и рассчитали собственный интегральный индекс социально-экономического развития регионов. Далее ученые провели ранжирование регионов по данному индексу и разделили их на 5 групп: регионы-лидеры, высокий уровень, средний уровень, ниже среднего, аутсайдеры. Для определения количества групп была использована формула Стерджеса. Границы интервалов считались исходя из идеи равного наполнения выделенных групп.

В современной региональной науке сложилось два принципиально различных методических подхода к построению классификаций: пороговая (критериальная, аналитическая) типологизация и кластерный анализ. Выбор между ними определяется не только целями исследования, но и требованиями к практическому применению результатов, особенно в контексте государственной региональной политики. В таблице 3.1 представлено их сравнение по ряду ключевых критериев.

Пороговая типологизация основана на распределении регионов по группам в зависимости от значений отдельных показателей или их интегральных индексов. В рамках данного подхода для каждого показателя устанавливаются определенные пороговые значения, позволяющие отнести регион к той или иной категории.

Кластерный анализ относится к методам многомерной статистической классификации и позволяет объединять объекты исследования в группы на основе сходства значений нескольких показателей одновременно. При использовании данного метода регионы распределяются по кластерам таким образом, чтобы различия между регионами внутри одного кластера были минимальными, а различия между кластерами – максимальными. В региональных исследованиях наиболее часто применяются два основных алгоритма кластеризации: иерархическая кластеризация (агломеративные и дивизионные методы) и метод k-средних.

[146] Буянова М. Э., Башлаева И. С., Хоружая Е. Ю. Совершенствование системы мониторинга социально-экономического развития регионов РФ // Региональная экономика. Юг России. 2025. Т. 13, № 4. С. 4–13.

Метод k-средних предполагает предварительное задание числа кластеров и распределение объектов по группам на основе минимизации расстояния между наблюдениями и центрами кластеров. Данный метод широко применяется в исследованиях региональной экономики благодаря относительной простоте реализации и возможности обработки большого числа наблюдений.

Иерархическая кластеризация, в свою очередь, позволяет формировать систему вложенных групп регионов и анализировать структуру взаимосвязей между ними. На первом этапе каждый регион рассматривается как отдельный кластер, после чего происходит последовательное объединение наиболее близких объектов.

Использование методов кластерного анализа позволяет учитывать комплекс характеристик регионального развития и выявлять устойчивые типы регионов со сходными социально-экономическими характеристиками.

Таблица 3.1 – Сравнение пороговой типологизации и кластерного анализа

Критерий	Пороговая типологизация	Кластерный анализ
Принцип классификации	Распределение по заранее заданным пороговым значениям	Автоматическое выявление групп (кластеров) по сходству показателей
Количество показателей	Обычно ограниченное	Возможно использование большого числа показателей
Интерпретируемость	Высокая, правила отнесения к типу просты и прозрачны	Требует дополнительного анализа и экспертной интерпретации полученных кластеров
Устойчивость результатов	Типы меняются редко при изменении входных данных, изменения сконцентрированы в районе выбранных пороговых значений	Может зависеть от выбора переменных, метода кластеризации и года наблюдений
Научная гибкость	Ограниченная, жестко задана исследователем	Высокая, позволяет обнаруживать неочевидные структуры данных
Использование в политике	Широко применяется	Используется преимущественно в научных исследованиях

Источник: составлено автором

Пороговый подход, несмотря на свою кажущуюся простоту, обладает рядом неоспоримых преимуществ, которые делают его стандартом для практической

реализации региональной политики во многих странах, включая страны ОЭСР и Европейского Союза.

Во-первых, это прозрачность и нормативность. Одним из наиболее известных примеров является политика экономического и социального сплочения Европейского союза (EU Cohesion Policy)[147]. В рамках данной политики регионы ЕС классифицируются по уровню валового внутреннего продукта на душу населения относительно среднего значения по Европейскому союзу. В соответствии с данной методикой выделяются следующие типы регионов:

1. Менее развитые регионы (Less developed regions) – менее 75% от среднего;
2. Переходные регионы (Transition regions) – от 75 до 100%;
3. Более развитые регионы (More developed regions) – более 100%.

Во-вторых, прямая привязка к инструментам политики. Пороговый метод позволяет напрямую увязывать тип региона с набором конкретных мер государственного воздействия. Можно четко сформулировать: «регионы с уровнем зарегистрированной безработицы выше X% получают право на участие в программе Y по поддержке занятости». Такая нормативность критически важна для разработки и реализации государственных программ.

В-третьих, стабильность результатов. Типы, выделенные на основе жестких порогов, меняются относительно редко, что удобно для долгосрочного стратегического планирования и реализации длительных государственных программ. Это снижает неопределенность для регионов-получателей поддержки и повышает эффективность планирования бюджетных расходов. Кластерный анализ, напротив, может демонстрировать чувствительность к выбору переменных и периода наблюдения, что приводит к флуктуациям состава групп и затрудняет управление.

Однако у порогового подхода есть и существенные недостатки. Главный из них – это сильная зависимость от выбора самих порогов. Использование медианы, квартиля или любого другого значения является в значительной степени

[147] Regional development and cohesion // European Investment Bank (EIB) : official website. URL: https://www.eib.org/en/projects/topics/regional-development/ (дата обращения: 16.03.2026).

произвольным и может не отражать объективных «разрывов» в структуре данных. Кроме того, этот подход, как правило, игнорирует многомерность регионального развития, сводя классификацию к одному или двум показателям и упуская из виду целый пласт значимых различий.

В отличие от нормативного порогового подхода, кластерный анализ – это инструмент разведочного анализа данных, нацеленный на поиск объективно существующей структуры. Его главное преимущество – это научная гибкость и многомерность. Он позволяет учитывать десятки показателей одновременно, выявляя сложные, нелинейные взаимосвязи между ними и группируя регионы по сходству их комплексных характеристик. Это делает кластерный анализ незаменимым инструментом для фундаментальных научных исследований.

Таким образом, каждый из рассмотренных подходов имеет свои сильные стороны и ограничения. Пороговый подход даёт прозрачные, нормативно закреплённые критерии, что важно для практической политики, но страдает произвольностью выбора порогов и, как правило, одномерностью. Кластерный анализ, напротив, позволяет учитывать многомерность регионального развития и выявлять объективную структуру данных, но результаты такого анализа сложнее интерпретировать и труднее транслировать в конкретные меры политики. Единой методики построения типологий не существует, а на практике для решения задач региональной политики применяется множество региональных типологий, построение которых подчинено решению той или иной практической задачи[148].

В настоящем исследовании предлагается подход, объединяющий преимущества обоих методов. От кластерного анализа мы берём идею многомерности. Типология строится по нескольким ключевым показателям, каждый из которых отражает важный аспект регионального развития (экономический, социальный, демографический, инновационный). От порогового подхода мы берём принцип прозрачности и воспроизводимости. Для каждого показателя задаются чёткие статистические критерии разделения на типы,

[148] Полынев А. О., Гришина И. В. Методические подходы к построению типологии регионов для разработки стратегии пространственного развития России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 1. С. 29–41.

основанные на квартилях, межквартильных размахах и правилах выявления выбросов по методу Тьюки.

В настоящем исследовании разработана комплексная типология регионов России по четырём ключевым сферам развития: экономической, социальной, инновационной и демографической. При выборе показателей учитывались следующие требования:

1. Сопоставимость статистических данных по регионам;
2. Доступность информации за анализируемый период;
3. Отражение ключевых характеристик социально-экономического развития;

Для каждой сферы отобрано два ключевых показателя, позволяющих построить наглядную двухмерную типологию. Выбор именно двух показателей на сферу обусловлен двумя причинами. Во-первых, необходимостью сохранить интерпретируемость результатов и наглядность, чего невозможно добиться многомерной классификацией (нельзя нарисовать) и использованием методов главных компонент (сложность интерпретации компонент). Во-вторых, тем, что большинство социально-экономических индикаторов коррелируют между собой. Это позволяет использовать ограниченное число переменных. В таблице 3.2. приведены выбранные показатели для проведения типологизации, а также полученные типы и критерии их выделения.

Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за 2023 год. 2023 год выбран потому, что это последний год, по которому есть данные по всем показателям. В анализ включены 85 субъектов Российской Федерации. Первичные данные подвергнуты процедуре очистки: удалены данные по Архангельской и Тюменской областям с автономными округами (оставлены данные автономным округам и их областям без учета автономных округов), удалены строки с Еврейской автономной областью и Чукотским автономным

округом из инновационного блока в связи с отсутствием данных по затратам на НИОКР.

Таблица 3.2 – Методика типологизации регионов

Сфера	Показатель	Типы	Критерий
1	2	3	4
Экономическая	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Лидеры (экстремально высокий)	> Q3 + 1,5×IQR
		Развитые (высокий)	Q3 … Q3 + 1,5×IQR
		Средние	Q1 … Q3
		Отстающие (низкий)	Q1 – 1,5×IQR … Q1
		Кризисные (экстремально низкий)	< Q1 – 1,5×IQR
	Среднегодовой темп роста ВРП (CAGR) за 5 лет, %	Сильный рост	≥ Q3
		Средний рост	Q1 … Q3
		Слабый рост	0% … Q1
		Спад	< 0%
Социальная	Среднедушевые денежные доходы, тыс. руб.	Лидеры (экстремально высокие)	> Q3 + 1,5×IQR
		Высокие доходы	Q3 … Q3 + 1,5×IQR
		Средние доходы	Q1 … Q3
		Низкие доходы	Q1 – 1,5×IQR … Q1
		Кризисные (экстремально низкие)	< Q1 – 1,5×IQR
	Уровень безработицы, %	Низкая безработица	≤ Q1
		Средняя безработица	Q1 … Q3
		Высокая безработица	Q3 … Q3 + 1,5×IQR
		Экстремально высокая безработица	> Q3 + 1,5×IQR
Инновационная	Внутренние затраты на НИОКР в ВРП, %	Лидеры (экстремально высокие затраты)	> Q3 + 1,5×IQR
		Высокие затраты	Q3 … Q3 + 1,5×IQR
		Средние затраты	Q1 … Q3
		Низкие затраты	Q1 – 1,5×IQR … Q1
		Кризисные (экстремально низкие затраты)	< Q1 – 1,5×IQR
	Удельный вес инновационных товаров, работ и услуг, %	Экстремально низкий результат	< Q1 – 1,5×IQR
		Низкий результат	Q1 – 1,5×IQR … Q1
		Средний результат	Q1 … Q3
		Высокий результат	Q3 … Q3 + 1,5×IQR
		Экстремально высокий результат	> Q3 + 1,5×IQR

Окончание таблицы 3.2

1	2	3	4
Демографическая	Коэффициент миграционного прироста, ‰, Коэффициент естественного прироста, ‰	Рост за счёт миграции	Миграц. прирост > 0, Естеств. прирост < 0, Общий прирост > 0
		Рост за счёт рождаемости	Миграц. прирост < 0, Естеств. прирост > 0, Общий прирост > 0
		Убыль из-за миграции	Миграц. прирост < 0, Естеств. прирост > 0, Общий прирост < 0
		Убыль из-за рождаемости	Миграц. прирост > 0, Естеств. прирост < 0, Общий прирост < 0
		Устойчивая убыль	Миграц. прирост < 0, Естеств. прирост < 0, Общий прирост < 0
		Устойчивый рост	Миграц. прирост > 0, Естеств. прирост > 0, Общий прирост > 0

Примечание: Q1 – первый квартиль, Q3 – третий квартиль, IQR – межквартильный размах. IQR = Q1 – Q3.

Источник: составлено автором

ВРП на душу населения является наиболее обобщающим показателем экономической активности региона, характеризующим объём произведённых товаров и услуг в расчёте на одного жителя. Он позволяет сравнивать регионы разной численности населения.

Среднегодовой темп прироста ВРП (CAGR) отражает динамику экономического развития за период 2018–2023 гг. и показывает, с какой постоянной скоростью должен был бы расти регион, чтобы достичь фактического значения через 5 лет. Показатель считается по формуле геометрически среднего:

$$CAGR = \left(\frac{\text{ВРП}_{2023}}{\text{ВРП}_{2018}}\right)^{1/5} - 1 \quad (3.1)$$

В отличие от среднего арифметического, CAGR (среднегеометрический) учитывает эффект сложных процентов и не подвержен влиянию случайных колебаний по отдельным годам. Если регион в один год вырос на 50%, а в следующий упал на 30%, средний арифметический темп прироста составит 10%,

тогда как фактического роста за два года не произойдёт, и CAGR это покажет. Таким образом, CAGR корректно отражает устойчивый долгосрочный тренд.

Среднедушевые денежные доходы характеризуют уровень материального благосостояния населения. Для обеспечения межрегиональной сопоставимости среднедушевые денежные доходы населения скорректированы на региональные различия в уровне потребительских цен. Для этого был использован показатель «стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг», публикуемый Росстатом. Сначала была рассчитана среднегодовая стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг по каждому региону за 2023 год на основе месячных данных, потом выполнена корректировка. Корректировка выполнена по формуле:

$$\text{Доходы}_{\text{скорр}} = \text{Доходы}_{\text{номин}} * \frac{\text{Стоимость набора}_{\text{РФ}}}{\text{Стоимость набора}_{\text{регион}}}, \quad (3.2)$$

где $\text{Стоимость набора}_{\text{РФ}}$ – стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в среднем по Российской Федерации (20 930 руб.).

Данная корректировка позволяет привести доходы к сопоставимой покупательной способности и корректно сравнивать реальный уровень жизни в регионах с разным уровнем цен.

Уровень безработицы показывает долю экономически активного населения, не имеющего работы. Это ключевой индикатор напряжённости на рынке труда и социального неблагополучия. Миграционный и естественный прирост характеризуют демографическую динамику. Первый отражает привлекательность региона для населения, второй – баланс рождаемости и смертности. Их сумма даёт общий прирост населения.

Затраты на НИОКР в ВРП показывают, какую долю своего продукта регион инвестирует в научные исследования. Это индикатор инновационного потенциала и наукоёмкости экономики. Доля инновационных товаров отражает коммерческий результат инновационной деятельности – насколько успешно разработки внедряются в производство и находят спрос на рынке. Инновации и цифровизация

регионов связаны прямой и обратной связью с развитием их экономик[149][150][151][152]. Инновации также определяют технологический суверенитет страны и регионов[153], а развитие цифровой экономики в российских регионах является одной из первостепенных задач[154][155]. Поэтому данный срез экономики на современном этапе важен и выделен нами отдельно.

Показатели с асимметричным распределением (ВРП на душу населения, скорректированные доходы) прологарифмированы для нормализации распределения и «сжатия» длинного правого хвоста, обусловленного наличием регионов-лидеров. Логарифмическая шкала позволяет визуально сблизить значения и сделать различия между основной массой регионов более различимыми.

В экономическом, социальном и инновационном блоках для выделения групп по уровню развития использован метод Тьюки. Рассчитываются первый квартиль (Q1, 25-й перцентиль), третий квартиль (Q3, 75-й перцентиль) и межквартальный размах (IQR = Q3 – Q1). Границы выбросов определяются как Q1 – 1,5×IQR (нижний выброс) и Q3 + 1,5×IQR (верхний выброс). Это позволяет объективно идентифицировать регионы-лидеры (выше верхней границы выбросов) и регионы-аутсайдеры (ниже нижней границы выбросов) без априорного задания долей, как это делается во многих исследованиях. Регионы между Q1 и Q3 относятся к «средним», между границами выбросов и квартилями – к «низким» и «высоким» соответственно.

---

[149] Стебленко В. В., Ершова И. Г. Анализ взаимосвязи уровня развития регионов и цифрового неравенства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 3. С. 152–162.

[150] Стебленко В. В., Ершова И. Г. Динамика рейтингов инновационного развития российских регионов // Современные проблемы инновационной экономики. 2024. № 11. С. 104–107.

[151] Бессонова Е. А., Лопатина Н. Д. Воспроизводство основного капитала как фактор эффективного развития социально-экономической системы региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 1. С. 95–108.

[152] Направления и инструменты цифровизации экономического пространства : монография / О. В. Асеев, И. М. Барков, Е. С. Беляева [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2024. – 179 с.

[153] Ресурсное обеспечение технологического суверенитета в решении задач регионального и национального экономического развития / Т. С. Колмыкова, Е. А. Мерзлякова, И. В. Журбенко [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. Т. 1, № 2 (155). С. 73–80.

[154] Толстых Т. О., Шацкий А. А. Развитие регионов в условиях технологических преобразований: оценка, диагностика и реализация // Экономика высокотехнологичных производств. 2024. Т. 5, № 3. С. 237–248.

[155] Мальцева И. Ф., Положенцева Ю. С. Обеспечение экономического суверенитета Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Известия Юго-Западного Государственного Университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 4. С. 58–75.

В демографическом блоке порогами выступают нулевые значения (0‰) – естественная граница между ростом и убылью населения, а также линия главной диагонали (миграция + естественный прирост = 0), отделяющая регионы с общим ростом от регионов с общей убылью.

Все графики построены с нанесением разделительных линий по рассчитанным порогам. Расчеты и визуализация выполнены на языке R с использованием пакетов dplyr (обработка данных) и ggplot2 (построение графиков). Логарифмирование, расчёт квартилей, межквартальных размахов и границ выбросов производились с использованием базовых статистических функций языка R. Ниже в параграфе последовательно представлены результаты типологизации по каждой сфере с соответствующими графиками и таблицами классификации.

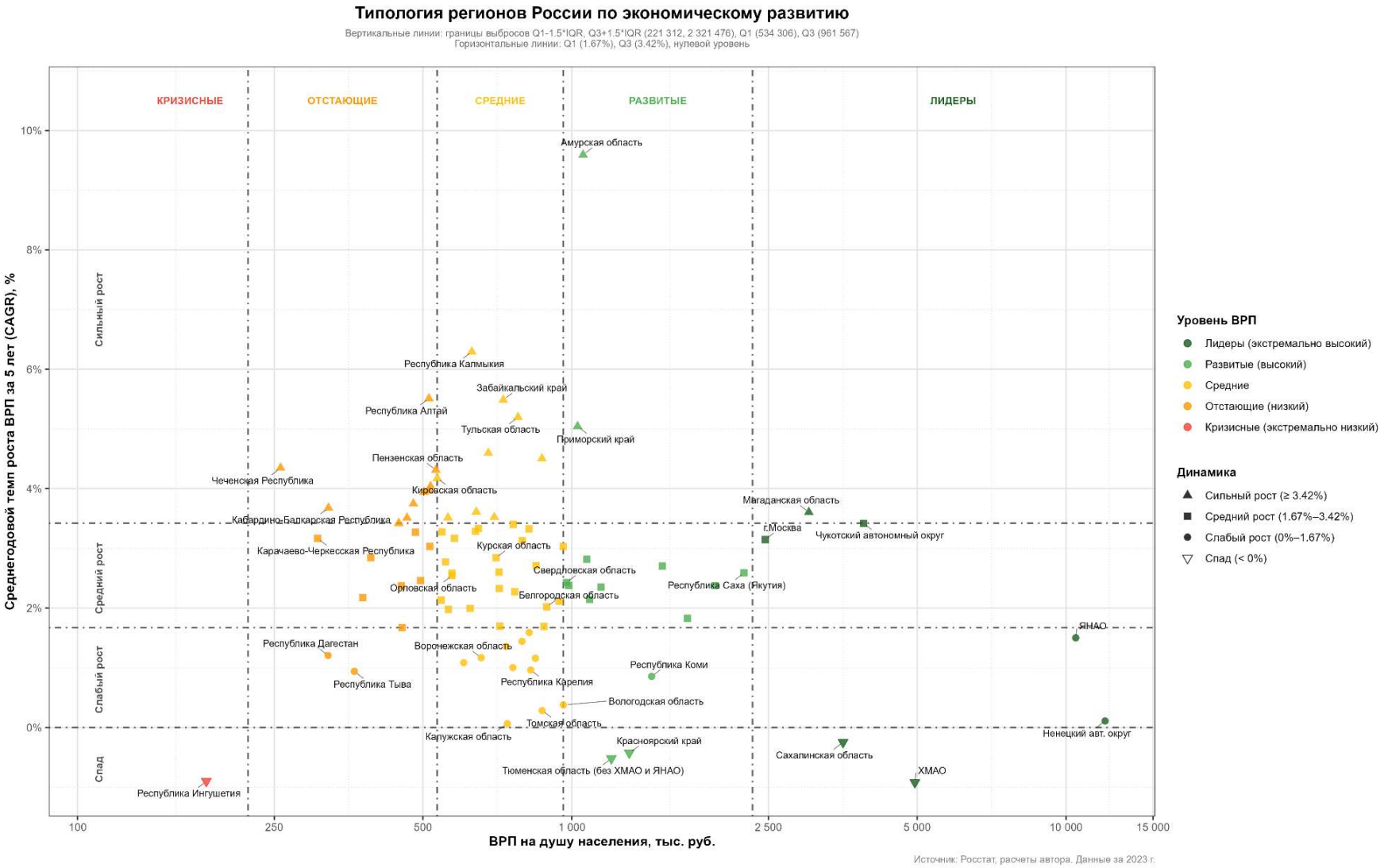
В таблице 3.3 представлены рассчитанные пороговые значения для экономической типологии. ВРП на душу населения варьируется от 182 тыс. руб. в Республике Ингушетия до 11,9 млн руб. в Ненецком автономном округе. Поскольку распределение ВРП сильно асимметрично, расчёт границ выполнен в натуральных логарифмах. Левая граница выбросов составляет 221 тыс. руб., правая – 2 321 тыс. руб. Соответственно, регионы с ВРП ниже 221 тыс. руб. отнесены к «кризисным» (экстремально низкий уровень), выше 2 321 тыс. руб. – к «лидерам» (экстремально высокий уровень). Квартили (Q1 = 534 тыс. руб., Q3 = 962 тыс. руб.) разделяют «низкий», «средний» и «высокий» уровни. По динамике медианный темп прироста составил 2,6%. Квартили (Q1 = 1,67%, Q3 = 3,42%) и нулевая граница позволили выделить четыре группы: сильный рост (≥ 3,42%), средний рост (1,67–3,42%), слабый рост (0–1,67%) и спад (<0%).

Таблица 3.3 – Показатели распределения регионов России по экономическому развитию

Показатель\Критерий	Левая граница выбросов (Q1 – 1,5*IQR)	Q1	Q3	Правая граница выбросов (Q1 + 1,5*IQR)
ВРП на душу, тыс. руб.	221 312	534 306	961 567	2 321 476
Средний темп роста, %		1,67	3,42	

Источник: рассчитано и составлено автором

Результаты распределения регионов по уровням ВРП и динамике представлены на рисунке 3.1, в таблице 3.4 и детализированы в приложении Г. Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы.

Источник: рассчитано и составлено автором

Рисунок 3.1 – Типология регионов России по экономическому развитию, 2023 г.

Таблица 3.4 – Типология регионов России по экономическому развитию, 2023 г.

Уровень ВРП\Темп роста	Сильный рост	Средний рост	Слабый рост	Спад
1	2	3	4	5
Лидеры (экстремально высокий)	Магаданская область	г. Москва, Чукотский автономный округ	Ненецкий авт. округ, ЯНАО	ХМАО, Сахалинская область
Развитые (высокий)	Приморский край, Амурская область	Московская область, Мурманская область, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Свердловская область, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край	Республика Коми	Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО), Красноярский край
Средние	Владимирская область, Смоленская область, Тульская область, Республика Калмыкия, Кировская область, Нижегородская область, Саратовская область, Забайкальский край, Еврейская автономная область	Белгородская область, Брянская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Рязанская область, Тамбовская область, Тверская область, Ярославская область, Ленинградская область, Новгородская область, Краснодарский край, Волгоградская область, Ростовская область	Воронежская область, Калужская область, Республика Карелия, Архангельская область без Ненецкого авт. округа, Вологодская область, Калининградская область, Астраханская область, Республика Башкортостан, Самарская область, Кемеровская область-Кузбасс, Томская область	—

Окончание таблицы 3.4

1	2	3	4	5
Средние		Удмуртская Республика, Пермский край, Оренбургская область, Ульяновская область, Челябинская область, Республика Хакасия, Новосибирская область, Омская область		
Отстающие (низкий)	Ивановская область, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Ставропольский край, Чувашская Республика, Пензенская область, Курганская область, Республика Алтай, Республика Бурятия	Псковская область, Республика Крым, г. Севастополь, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Алтайский край	Республика Дагестан, Республика Тыва	—
Кризисные (экстремально низкий)	—	—	—	Республика Ингушетия

Источник: рассчитано и составлено автором

Лидеры (экстремально высокий уровень) – 7 регионов. Средний ВРП в этой группе составляет 5 760 тыс. руб., средний темп прироста – 1,52% (таблица 3.5). Это преимущественно северные сырьевые регионы (Ненецкий АО, ЯНАО, ХМАО, Магаданская область, Чукотский АО, Сахалинская область) и Москва. Обращает внимание, что при высоком уровне ВРП темпы прироста в этой группе невысоки,

а ХМАО и Сахалинская область демонстрируют спад (-0,92% и -0,25% соответственно).

Развитые (высокий уровень) – 14 регионов. Средний ВРП – 1 337 тыс. руб., средний темп – 2,58%. В эту группу входят крупные промышленные центры и столичные регионы: Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, Свердловская область, Красноярский край, а также ряд дальневосточных регионов (Приморский край, Амурская область, Хабаровский край). Темпы роста варьируются от слабого роста (Тюменская область без АО, 0,38%) до сильного (Приморский край – 5,04%, Амурская область – 9,59%).

Средние – самая многочисленная группа (43 региона). Средний ВРП – 723 тыс. руб., средний темп – 2,6%. Группа охватывает большинство регионов Центральной России, Поволжья, Юга и Сибири. Внутри группы наблюдается значительная дифференциация по динамике: от слабого роста (Вологодская область – 0,38%, Томская область – 0,28%) до сильного (Владимирская область – 4,6%, Забайкальский край – 5,49%).

Таблица 3.5 – Статистика распределения регионов по уровню ВРП

Уровень ВРП	Кол-во	Средний ВРП, тыс. руб.	Средний темп прироста, %
Лидеры (экстремально высокий)	7	5 760	1,52
Развитые (высокий)	14	1 337	2,58
Средние	43	723	2,6
Отстающие (низкий)	20	435	3,18
Кризисные (экстремально низкий)	1	182	-0,9

Источник: рассчитано и составлено автором

Отстающие (низкий уровень) – 20 регионов. Средний ВРП – 435 тыс. руб., средний темп – 3,18%. Это преимущественно республики Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня), республики Алтай, Тыва, Марий Эл, а также Крым и Севастополь. Несмотря на низкий уровень, многие из этих регионов демонстрируют высокие

темпы роста (сильный рост в 10 из 20 регионов), что может свидетельствовать о догоняющем развитии.

Кризисные (экстремально низкий уровень) – 1 регион. Республика Ингушетия с ВРП 182 тыс. руб. и отрицательным темпом прироста (-0,9%) замыкает рейтинг.

Таблица 3.6 – Статистика распределения регионов по динамике

Динамика	Кол-во	Средний ВРП, тыс. руб.	Средний темп прироста, %
Сильный рост (≥ 3,42%)	22	716	4,53
Средний рост (1,67%-3,42%)	42	925	2,61
Слабый рост (0%–1,67%)	16	2075	0,94
Спад (<0%)	5	2235	-0,6

Источник: рассчитано и составлено автором

По динамике (таблица 3.6) наибольшее число регионов (42) находится в группе среднего роста (1,67–3,42%), 22 региона демонстрируют сильный рост (≥ 3,42%), 16 – слабый рост (0–1,67%), и 5 регионов (ХМАО, Сахалинская область, Красноярский край, Тюменская область без АО, Республика Ингушетия) находятся в состоянии спада.

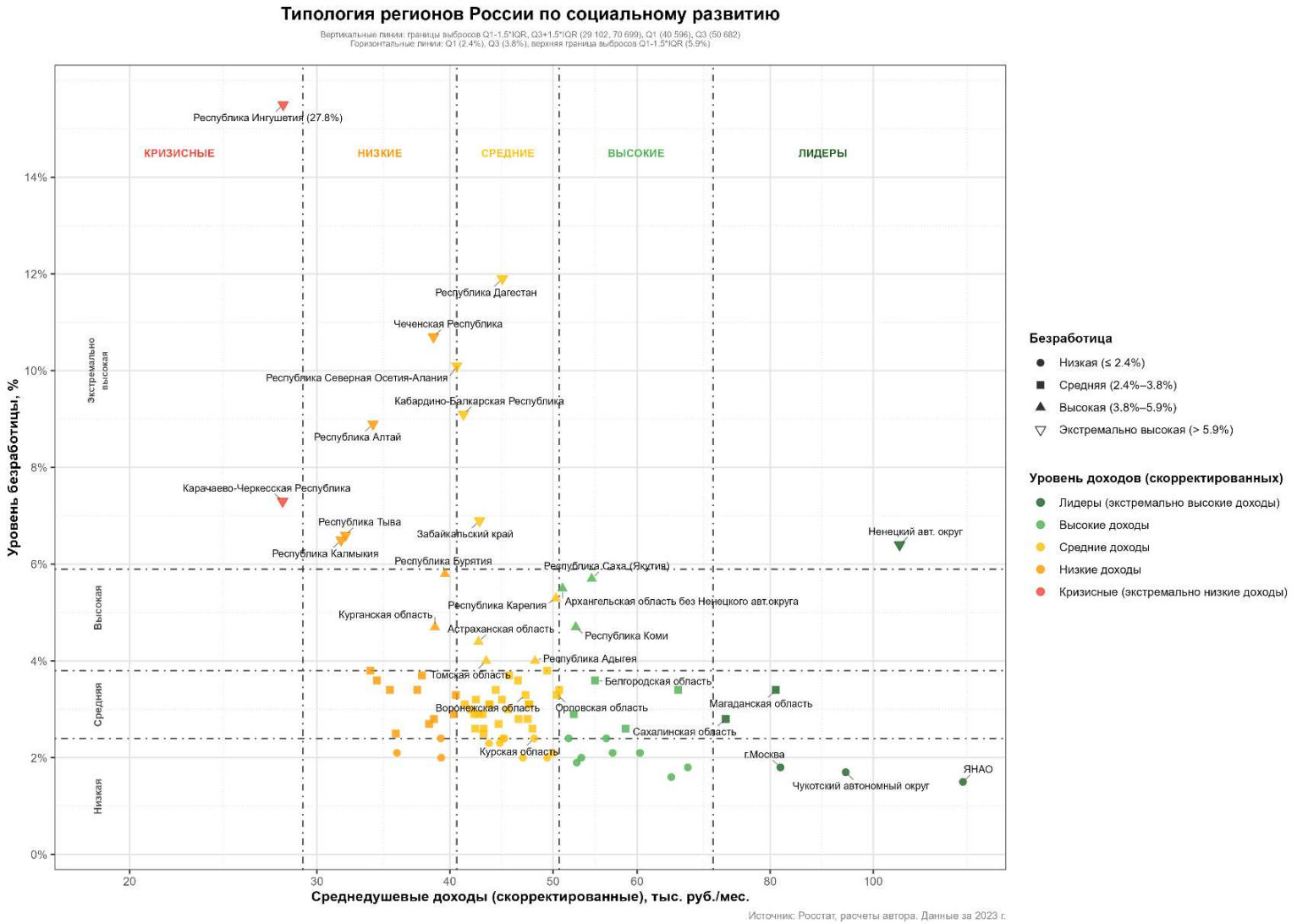
В таблице 3.7 представлены пороговые значения для социальной типологии. Среднедушевые денежные доходы скорректированы на стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг. Левая граница выбросов составляет 29 102 руб., правая – 70 699 руб. Квартили: Q1 = 40 596 руб., Q3 = 50 682 руб. По безработице медиана составила 3,2%, Q1 = 2,4%, Q3 = 3,8%, верхняя граница выбросов – 5,9%.

Таблица 3.7 – Показатели распределения регионов России по социальному развитию

Показатель\Критерий	Левая граница выбросов (Q1 – 1,5*IQR)	Q1	Q3	Правая граница выбросов (Q1 + 1,5*IQR)
Среднедушевые денежные доходы (скорректированные), руб.	29 102	40 596	50 682	70 699
Уровень безработицы, %	-	2,4	3,8	5,9

Источник: рассчитано и составлено автором. Расчет границ доходов выполнен в натуральных логарифмах

Результаты социальной типологии представлены на рисунке 3.2, в таблице 3.8 и детализированы в Приложении Г. В Приложении Г приведён рисунок с типологией на основе номинальных доходов для сравнения: заметна некоторая разница с корректированными доходами. Например, номинальные доходы Карачаево-Черкесской Республики выше, и она не попала в категорию кризисных.

Источник: рассчитано и составлено автором

Рисунок 3.2 – Типология регионов России по социальному развитию, 2023 г.

Таблица 3.8 – Типология регионов России по социальному развитию, 2023 г.

Уровень доходов\безработица	Низкая безработица	Средняя безработица	Высокая безработица	Экстремально высокая безработица
1	2	3	4	5
Лидеры (экстремально высокие доходы)	г. Москва, ЯНАО, Чукотский автономный округ	Магаданская область, Сахалинская область	—	Ненецкий авт. округ
Высокие доходы	г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Республика Татарстан, Нижегородская область, Свердловская область, ХМАО, Камчатский край, Амурская область	Белгородская область, Липецкая область, Московская область, Мурманская область	Республика Коми, Архангельская область без Ненецкого авт. округа, Республика Саха (Якутия)	—
Средние доходы	Калужская область, Курская область, Новгородская область, Республика Башкортостан, Самарская область, Челябинская область, Красноярский край, Хабаровский край	Брянская область, Воронежская область, Ивановская область, Костромская область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Псковская область, Ростовская область, Удмуртская Республика	Республика Карелия, Республика Адыгея, Астраханская область, Томская область	Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Забайкальский край

Окончание таблицы 3.8

1	2	3	4	5
		Пермский край, Кировская область, Оренбургская область, Пензенская область, Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО), Иркутская область, Кемеровская область-Кузбасс, Новосибирская область, Омская область, Приморский край		
Низкие доходы	Владимирская область, Чувашская Республика, Республика Хакасия	Республика Крым, Волгоградская область, г. Севастополь, Ставропольский край, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Саратовская область, Ульяновская область, Алтайский край, Еврейская автономная область	Курганская область, Республика Бурятия	Республика Калмыкия, Чеченская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва
Кризисные (экстремально низкие доходы)	—	—	—	Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика

Источник: рассчитано и составлено автором

Лидеры (экстремально высокие доходы) – 6 регионов (таблица 3.9). Средние доходы – 92 830 руб., средняя безработица – 2,9%. В эту группу входят Москва, ЯНАО, Чукотский АО, Ненецкий АО, Магаданская область, Сахалинская область.

Обращает внимание, что при высоких доходах безработица в Ненецком АО достигает 6,4% (экстремально высокая категория).

Высокие доходы – 15 регионов. Средние доходы – 56 768 руб., средняя безработица – 3%. Это Санкт-Петербург, Краснодарский край, Татарстан, Московская область, Мурманская область, ХМАО и другие. Безработица здесь преимущественно низкая или средняя, однако в Республике Коми, Архангельской области и Якутии она высокая (выше 3,8%).

Средние доходы – 43 региона (наиболее многочисленная группа). Средние доходы – 45 268 руб., средняя безработица – 3,6%. Группа охватывает большинство регионов Центральной России, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Безработица варьируется от низкой (Калужская, Курская области) до экстремально высокой (Республика Дагестан – 11,9%, Забайкальский край – 6,9%).

Таблица 3.9 – Статистика распределения регионов по среднедушевым денежным доходам (скорректированным)

Уровень доходов	Кол-во	Средние доходы, тыс. руб.	Средняя безработица, %
Лидеры (экстремально высокие доходы)	6	92 830	2,9
Высокие доходы	15	56 768	3
Средние доходы	43	45 268	3,6
Низкие доходы	19	36 826	4,3
Кризисные (экстремально низкие доходы)	2	27 868	17,6

Источник: рассчитано и составлено автором

Низкие доходы – 19 регионов. Средние доходы – 36 826 руб., средняя безработица – 4,3%. В эту группу входят Владимирская область, Чувашская Республика, Республика Хакасия, Крым, Волгоградская область, Севастополь, Ставропольский край, Алтайский край, Еврейская АО и другие. Безработица варьируется от низкой (Владимирская область – 2%) до экстремально высокой (Чеченская Республика – 10,7%, Республика Алтай – 8,9%, Республика Тыва – 6,6%, Республика Калмыкия – 6,5%).

Кризисные (экстремально низкие доходы) – 2 региона: Республика Ингушетия и Карачаево-Черкесская Республика. Средние доходы – 27 868 руб., средняя безработица – 17,6%. Оба региона характеризуются экстремально высокой безработицей (27,8% и 7,3% соответственно).

По уровню безработицы (таблица 3.10) наибольшее число регионов (43) имеют среднюю безработицу (2,4–3,8%), 22 региона – низкую (≤ 2,4%), 9 – высокую (3,8–5,9%), 11 – экстремально высокую (>5,9%).

Таблица 3.10 – Статистика распределения регионов по уровню безработицы

Динамика	Кол-во	Средние доходы, тыс. руб.	Средняя безработица, %
Низкая безработица	22	56 651	2,1
Средняя безработица	43	45 973	3,1
Высокая безработица	9	46 720	4,9
Экстремально высокая безработица	11	42 441	10,2

Источник: рассчитано и составлено автором

В таблице 3.11 представлены пороговые значения для инновационной типологии. Внутренние затраты на НИОКР в процентах от ВРП варьируются от 0% до 3,98% (Нижегородская область). Q1 = 0,14%, Q3 = 0,66%, верхняя граница выбросов – 1,45%. По инновационным товарам Q1 = 1,05%, Q3 = 7,02%, верхняя граница выбросов – 16%.

Результаты инновационной типологии представлены на рисунке 3.3, в таблице 3.12 и детализированы в Приложении Г.

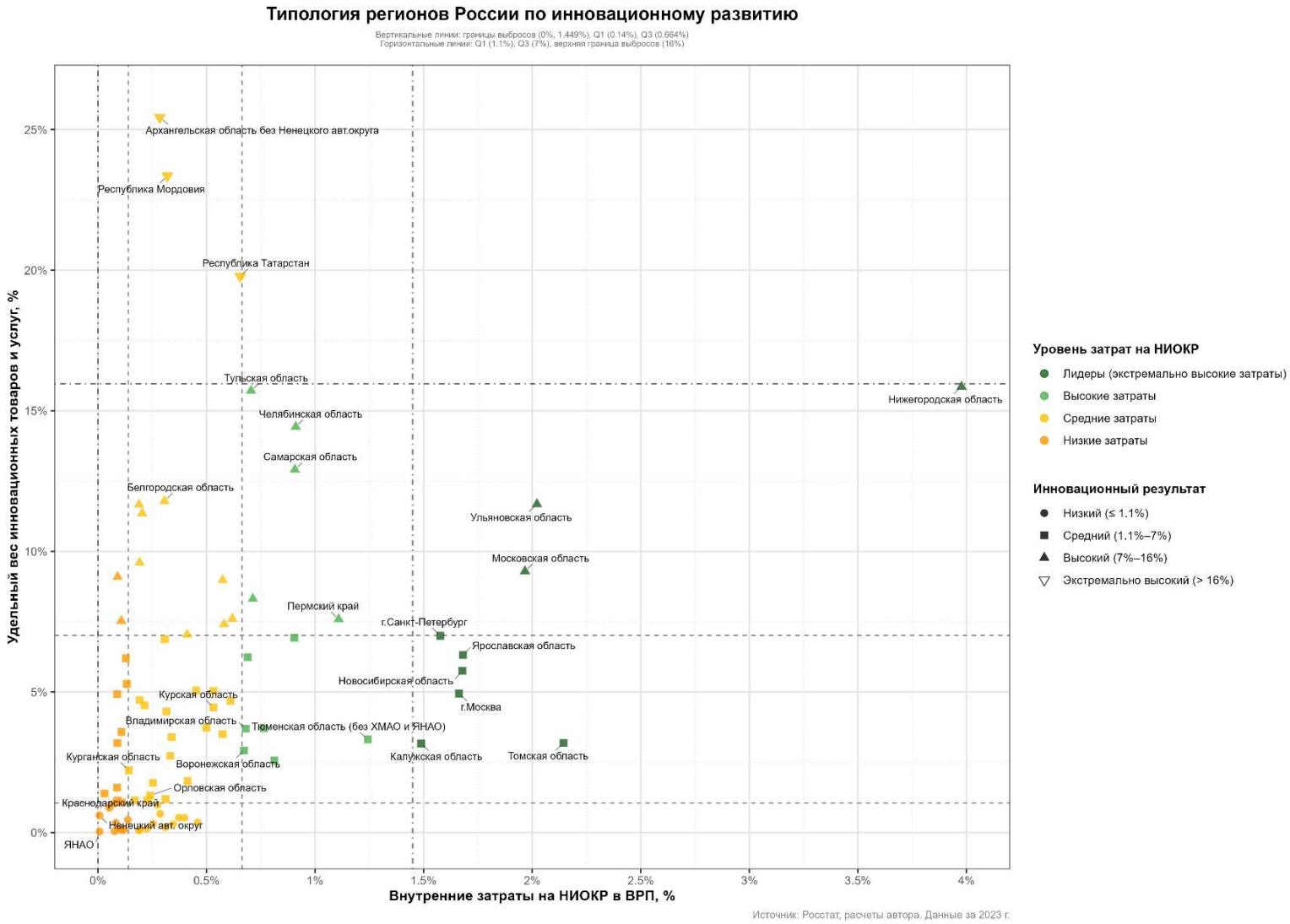
Таблица 3.11 – Показатели распределения регионов России по инновационному развитию

Показатель\Критерий	Левая граница выбросов (Q1 – 1,5*IQR)	Q1	Q3	Правая граница выбросов (Q1 + 1,5*IQR)
Внутренние затраты на НИОКР в ВРП, % (затраты)	0	0,14	0,664	1,449
Удельный вес инновационных товаров и услуг, % (результат)	0	1,05	7,02	16

Источник: рассчитано и составлено автором

Лидеры (экстремально высокие затраты) – 9 регионов (таблица 3.13). Средние затраты – 2,02% ВРП, средняя доля инновационных товаров – 7,47%. В эту группу входят Нижегородская, Ульяновская, Московская, Калужская области, Санкт-Петербург, Москва, Новосибирская, Томская и Ярославская области. Результат варьируется от среднего (Санкт-Петербург, Москва, Новосибирская, Томская, Ярославская области) до высокого (Нижегородская, Ульяновская, Московская области).

Высокие затраты – 12 регионов. Средние затраты – 0,84% ВРП, средняя доля инновационных товаров – 7,36%. Это Тульская, Челябинская, Самарская, Омская, Пермская, Свердловская, Пензенская, Новгородская, Владимирская, Воронежская, Тюменская (без АО) области и Красноярский край. Результат в основном высокий или средний. Средние затраты – 41 регион (наиболее многочисленная группа). Средние затраты – 0,35% ВРП, средняя доля инновационных товаров – 5,17%. Группа охватывает большинство регионов, результат варьируется от экстремально высокого (Архангельская область – 25,4%, Мордовия – 23,4%, Татарстан – 19,8%) до низкого (Калининградская область – 0,98%, Республика Крым – 0,67%, Иркутская область – 0,19%).

Источник: рассчитано и составлено автором

Рисунок 3.3 – Типология регионов России по инновационному развитию, 2023 г.

Таблица 3.12 – Типология регионов России по инновационному развитию, 2023 г.

Уровень затрат	Низкий результат	Средний результат	Высокий результат	Экстремально высокий результат
1	2	3	4	5
Лидеры (экстремально высокие затраты)	—	Калужская область, Ярославская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Новосибирская область, Томская область	Московская область, Нижегородская область, Ульяновская область	—
Высокие затраты	—	Владимирская область, Воронежская область, Новгородская область, Пензенская область, Свердловская область, Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО), Красноярский край	Тульская область, Пермский край, Самарская область, Челябинская область, Омская область	—
Средние затраты	Калининградская область, Республика Крым, Астраханская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Иркутская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Камчатский край	Ивановская область, Курская область, Орловская область, Рязанская область, Тамбовская область, Республика Карелия, Республика Коми, Ленинградская область, Мурманская область, Краснодарский край, Волгоградская область	Белгородская область, Смоленская область, Тверская область, Ростовская область, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Хабаровский край	Архангельская область без Ненецкого авт. округа, Республика Мордовия, Республика Татарстан

Продолжение таблицы 3.12

1	2	3	4	5
Средние затраты	Магаданская область	г. Севастополь, Республика Северная Осетия-Алания, Ставропольский край, Кировская область, Саратовская область, Курганская область, Алтайский край, Приморский край		
Низкие затраты	Ненецкий авт. округ, Республика Калмыкия, Чеченская Республика, ХМАО, ЯНАО, Республика Хакасия, Кемеровская область-Кузбасс, Забайкальский край, Амурская область, Сахалинская область	Брянская область, Костромская область, Липецкая область, Вологодская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Алтай	Республика Марий Эл, Оренбургская область	—

Источник: рассчитано и составлено автором

Низкие затраты – 21 регион. Их средние затраты – 0,087% ВРП, средняя доля инновационных товаров – 2,32%. Это преимущественно республики Северного Кавказа (Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Чечня), ХМАО, ЯНАО, Ненецкий АО, Кемеровская область, Забайкальский край, Амурская область, Сахалинская область и другие. Результат в основном низкий.

Таблица 3.13 – Статистика распределения регионов по затратам на НИОКР в ВРП

Уровень затрат	Кол-во	Средние затраты, %	Средняя доля инновационный товаров, %
Лидеры (экстремально высокие затраты)	9	2,022	7,47
Высокие затраты	12	0,843	7,36
Средние затраты	41	0,349	5,17
Низкие затраты	21	0,087	2,32

Источник: рассчитано и составлено автором

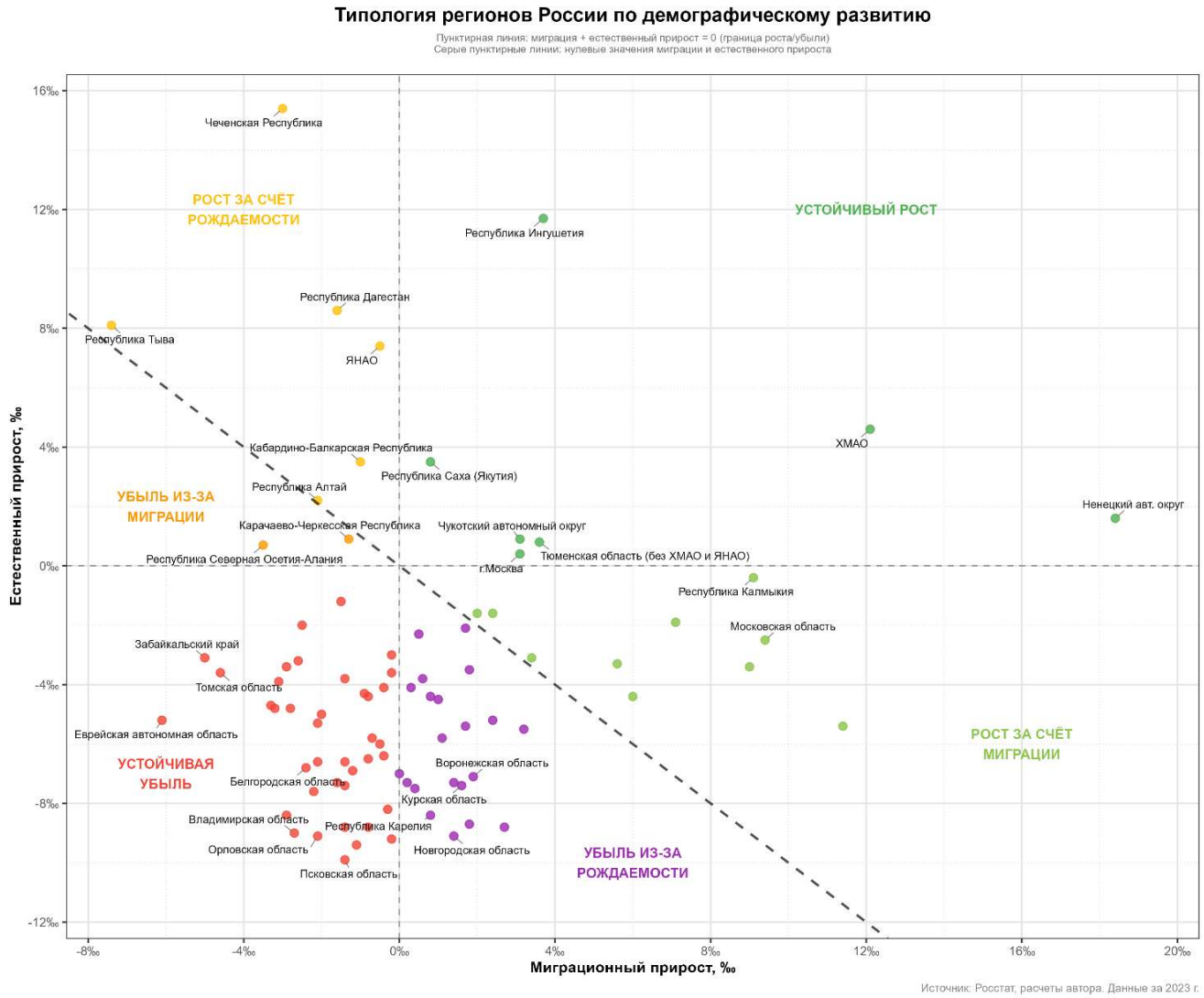
По результату (таблица 3.14) наибольшее число регионов (41) имеют средний результат (1,05–7,02%), 21 – низкий (<1,05%), 18 – высокий (7,02–16%), 3 – экстремально высокий (>16%).

Таблица 3.14 – Статистика распределения регионов по уровню инновационных товаров и услуг (результат)

Результат	Кол-во	Средние затраты, %	Средняя доля инновационных товаров, %
Низкий результат	21	0,194	0,38
Средний результат	41	0,574	3,7
Высокий результат	18	0,866	10,44
Экстремально высокий результат	3	0,42	22,85

Источник: рассчитано и составлено автором

В демографическом блоке порогами выступают нулевые значения (0‰) – естественная граница между ростом и убылью населения, а также линия главной диагонали (миграция + естественный прирост = 0), отделяющая регионы с общим ростом от регионов с общей убылью. Результаты представлены на рисунке 3.4, в таблице 3.15 и детализированы в Приложении Г.

Источник: рассчитано и составлено автором

Рисунок 3.4 – Типология регионов России по демографическому развитию, 2023 г.

Таблица 3.15 – Типология регионов России по демографическому развитию, 2023 г.

Тип	Количество	Регионы
Рост за счёт миграции	10	Московская область, Калининградская область, Ленинградская область, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Краснодарский край, г. Севастополь, Республика Татарстан, Красноярский край, Камчатский край
Рост за счёт рождаемости	6	Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, ЯНАО, Республика Алтай, Республика Тыва
Убыль из-за миграции	2	Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания
Убыль из-за рождаемости	21	Воронежская область, Калужская область, Курская область, Рязанская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Мурманская область, Новгородская область, г. Санкт-Петербург, Республика Крым, Ростовская область, Ставропольский край, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Кировская область, Нижегородская область, Самарская область, Свердловская область, Челябинская область, Новосибирская область
Устойчивая убыль	39	Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Костромская область, Липецкая область, Орловская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Республика Коми, Архангельская область без Ненецкого авт. округа, Вологодская область, Псковская область, Астраханская область, Волгоградская область, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Оренбургская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область, Республика Хакасия, Алтайский край, Иркутская область, Кемеровская область-Кузбасс, Омская область, Томская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область
Устойчивый рост	7	г. Москва, Ненецкий авт. округ, Республика Ингушетия, ХМАО, Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО), Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ

Источник: рассчитано и составлено автором

Выделено шесть типов демографического развития. Устойчивый рост – 7 регионов. Средний миграционный прирост – 6,4‰, средний естественный прирост – 3,4‰, средний суммарный прирост – 9,8‰. В эту группу входят Москва, Ненецкий АО, Республика Ингушетия, ХМАО, Тюменская область (без АО), Республика Саха (Якутия), Чукотский АО. Все они характеризуются положительными значениями обоих факторов.

Рост за счёт миграции – 10 регионов. Средняя миграция – 6,5‰, средний естественный прирост – -2,8‰, средний суммарный прирост – 3,8‰. Это Московская, Ленинградская, Калининградская области, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Севастополь, Республика Татарстан, Красноярский край, Камчатский край. Приток населения компенсирует естественную убыль.

Рост за счёт рождаемости – 6 регионов. Средняя миграция – -2,6‰, средний естественный прирост – 7,5‰, средний суммарный прирост – 4,9‰. Это республики Дагестан, Кабардино-Балкария, Чечня, ЯНАО, Республика Алтай, Республика Тыва. Высокая рождаемость перекрывает миграционный отток.

Убыль из-за миграции – 2 региона. Средняя миграция – -2,4‰, средний естественный прирост – 0,8‰, средний суммарный прирост – -1,6‰. В Карачаево-Черкесской Республике и Северной Осетии-Алании положительный естественный прирост не компенсирует миграционный отток.

Убыль из-за рождаемости – 21 регион. Средняя миграция – 1,3‰, средний естественный прирост – -6,0‰, средний суммарный прирост – -4,7‰. Это преимущественно регионы Центральной России (Воронежская, Калужская, Курская, Рязанская, Тульская, Ярославская области), Поволжья (Нижегородская, Самарская области) и Сибири (Новосибирская область). Миграционный приток не компенсирует естественную убыль.

Устойчивая убыль – 39 регионов. Средняя миграция – -1,9‰, средний естественный прирост – -5,8‰, средний суммарный прирост – -7,7‰. Это наиболее многочисленная группа, охватывающая большинство регионов Центральной

России (Белгородская, Брянская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Липецкая, Орловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская области), Северо-Запада (Республика Коми, Архангельская, Вологодская, Псковская области), Поволжья (Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская области), Урала (Курганская область), Сибири (Республика Хакасия, Алтайский край, Иркутская, Кемеровская, Омская, Томская области) и Дальнего Востока (Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский, Хабаровский край, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская АО). В этих регионах наблюдается и отток населения, и естественная убыль.

Статистика по типам демографического развития представлена в таблице 3.16. Наиболее многочисленной группой является «Устойчивая убыль» (39 регионов), что свидетельствует о широком распространении депопуляционных процессов в России.

Таблица 3.16 – Статистика распределения регионов по демографическим типам

Тип	Кол-во	Средний миграционный прирост, ‰	Средний естественный прирост, ‰	Средний суммарный прирост, ‰
Рост за счёт миграции	10	6,5	-2,8	3,8
Рост за счёт рождаемости	6	-2,6	7,5	4,9
Убыль из-за миграции	2	-2,4	0,8	-1,6
Убыль из-за рождаемости	21	1,3	-6	-4,7
Устойчивая убыль	39	-1,9	-5,8	-7,7
Устойчивый рост	7	6,4	3,4	9,8

Источник: рассчитано и составлено автором

3.2. Система мер региональной политики на основе типологии регионов

В параграфе 1.2 настоящего исследования были рассмотрены теоретические подходы к объяснению межрегиональной экономической дифференциации. В концептуальной модели межрегиональной экономической дифференциации, разработанной в параграфе 1.3 (рисунок 1.1), выделены шесть групп факторов, формирующих пространственную дифференциацию: институциональная среда, первичные условия, накопленный потенциал, агломерационные механизмы, кумулятивные процессы и макроэкономические механизмы.

Из этих теорий следует фундаментальный вывод, имеющий прямое значение для формирования региональной политики: полное выравнивание уровней социально-экономического развития регионов не только недостижимо, но и нецелесообразно с точки зрения экономической эффективности. Попытки искусственного сдерживания роста регионов-лидеров ради сокращения разрыва с аутсайдерами, как правило, приводят к снижению общенациональных темпов роста без существенного улучшения положения отстающих территорий.

Эмпирические результаты, полученные во второй главе, свидетельствуют о доминировании сил дивергенции в России на современном этапе. Как показано в параграфе 2.2, после периода снижения межрегиональной экономической дифференциации в 2005–2016 гг. с 2016–2017 годов наблюдается рост дифференциации. Анализ ранговых показателей (рисунок 2.16) выявил, что основной вклад в эту динамику вносит рост наиболее развитых регионов: отношение 95-го процентиля к медиане достигло в последние годы максимальных значений, тогда как положение бедных регионов относительно медианы остаётся стабильным. Декомпозиция индекса Тейла (рисунок 2.11) показала, что доля межокружной компоненты в общей дифференциации увеличивается, что свидетельствует о нарастании разрыва между округами, однако две трети дифференциации все еще приходится на внутриокружную часть.

В этих условиях стратегический выбор региональной политики представляет собой классический компромисс между двумя целями: экономической эффективностью (максимизация общенациональных темпов роста) и социальной справедливостью (сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения). Сравнение двух критериев представлено в таблице 3.17.

Экономическая эффективность требует не препятствовать росту регионов-лидеров, которые обеспечивают основную долю экономического роста страны. Как показано в параграфе 2.2 (таблица 2.12), Москва производит около 20% ВРП России, а 10 ведущих регионов — более 60%. Торможение их развития ради сокращения разрыва с аутсайдерами нанесло бы ущерб всей экономике. Более того, как следует из теорий, регионы-лидеры создают положительные внешние эффекты для остальной экономики через распространение технологий, инноваций и формирование спроса. В этом смысле задача состоит не в том, чтобы снизить развитие лидеров ради сокращения отрыва, а в том, чтобы обеспечить устойчивый рост регионов-аутсайдеров, прежде всего за счёт повышения их инвестиционной привлекательности и производительности труда.

Социальная справедливость в региональном аспекте означает не столько выравнивание среднедушевых показателей, сколько обеспечение равных возможностей для реализации конституционных прав граждан независимо от места проживания. Снижение межрегиональных диспропорций должно основываться на выравнивания уровни жизни и развития инфраструктуры[156]. Как отмечено в Основах государственной политики регионального развития (Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13)[157], целью политики является обеспечение равных возможностей для реализации установленных Конституцией РФ прав граждан на всей территории страны. Это предполагает: доступность базовых социальных услуг (образование, здравоохранение) независимо от региона проживания; наличие

[156] Медведева Д. С., Бессонова Е. А., Святова О. В. Региональная экономическая политика как инструмент сбалансированного развития: оценка целей, инструментария и результативности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 2. С. 34–48.

[157] Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/71587690/ (дата обращения: 22.04.2026).

рабочих мест с достаточной оплатой труда; возможности для профессиональной и территориальной мобильности; доступ к качественной транспортной и коммуникационной инфраструктуре. Достижение этих целей требует перераспределения финансовых ресурсов от более развитых регионов к менее развитым через систему межбюджетных трансфертов, а также целенаправленных инвестиций в развитие инфраструктуры проблемных территорий. Рассчитано, что дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности составляют значительную долю в бюджетах многих регионов[158] [88].

Таблица 3.17 – Компромисс экономической эффективности и социальной справедливости в региональной политике

Критерий	Экономическая эффективность	Социальная справедливость
Приоритет	Максимизация общенационального роста	Сокращение межрегиональных различий
Основной объект	Регионы-лидеры, точки роста	Депрессивные и отсталые регионы, население
Инструменты	Инфраструктурная поддержка, налоговые стимулы	Межбюджетные трансферты, социальные программы
Риск	Рост дифференциации	Снижение общих темпов роста
Целевой ориентир	Увеличение числа регионов с устойчивым ростом	Снижение уровня бедности, обеспечение доступности услуг
Индикатор эффективности	Доля регионов со спадом, темпы роста ВРП	Уровень бедности, коэффициент Джини

Источник: рассчитано и составлено автором

Ключевым инструментом разрешения этого компромисса по мнению автора является концентрация ресурсов не на «подтягивании» всех отстающих регионов до среднего уровня, а на обеспечении роста в тех из них, где это возможно, и на создании базовых условий для жизни в остальных. Как показано в типологии (параграф 3.1), среди отстающих по уровню ВРП регионов многие демонстрируют высокие темпы роста (сильный рост в 10 из 20 регионов этой группы). Это регионы с догоняющим развитием, где инвестиции в инфраструктуру и поддержка

[158] Распределение дотаций на выравнивание по субъектам Российской Федерации и их роль в изменении межрегионального бюджетного неравенства / Д. Ю. Землянский, Д. М. Медведникова, Л. В. Калиновский [и др.] // Региональные исследования. 2024. № 2 (84). С. 4–17.

экономической активности могут дать мультипликативный эффект[159]. Для других, где экономический рост в обозримой перспективе невозможен (например, в силу географических или демографических ограничений), приоритетом должно быть обеспечение социальных стандартов и поддержание занятости.

Следует понимать, что в случае неравномерного развития регионов, дифференциация может как сокращаться, так и увеличиваться[160]. В этой связи интегральным индикатором эффективности региональной политики может служить не столько сокращение разрыва между лидерами и аутсайдерами (например, децильного коэффициента), сколько устойчивое сокращение числа регионов с падением экономики и с высоким уровнем бедности. Например, целевой показатель, установленный Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309, – снижение уровня бедности ниже 7% к 2030 году и ниже 5% к 2036 году, а также снижение коэффициента Джини по доходам до 0,37 к 2030 году и до 0,33 к 2036 году[161]. Достижение этих показателей требует прежде всего концентрации усилий на регионах с экстремально высокой безработицей (Республика Ингушетия – 27,8%, Дагестан – 11,9%, Чечня – 10,7%) и низкими доходами. Отдельной интересной исследовательской задачей представляется расчет критического уровня межрегиональной дифференциации, после которого дифференциация может быть определена как угроза национальной безопасности[162].

Предлагаемый подход согласуется с принципом, закреплённым в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года[163]: «…дифференцированный подход к развитию различных территорий и

---

[159] Инфраструктурные проекты как драйвер экономического развития региональной системы / И. А. Тронина, А. В. Семенихина, О. И. Морозова [и др.] // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 3. С. 101–113.

[160] Бухвальд Е. М. Российский федерализм и новая стратегия пространственного развития // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29, № 5. С. 32–43.

[161] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 22.04.2026).

[162] Волоцков А. А. Необходимость актуализации государственной политики пространственного и регионального развития в России в современных условиях // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14, № 1–1. С. 100–109.

[163] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р // Правительство Российской Федерации : официальный сайт. – Москва, [2024]. – URL: http://government.ru/docs/all/157308/ (дата обращения: 22.04.2026).

населенных пунктов, предусматривающий устранение ограничений для экономического роста территорий с относительно высоким уровнем социально-экономического развития и поддержку территорий с относительно низким уровнем социально-экономического развития». Иными словами, политика не должна быть одинаковой для всех. Она должна по-разному работать с разными типами регионов, создавая условия для роста там, где он возможен, и обеспечивая социальную поддержку там, где рост невозможен.

Разработанная типология регионов и предлагаемый подход к дифференциации политики должны быть встроены в существующую систему стратегического планирования. Анализ действующих документов позволяет выделить ключевые целевые ориентиры, с которыми должна быть синхронизирована региональная политика.

Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[164] устанавливает следующие целевые показатели, имеющие прямое отношение к региональной (пространственной) политике:

- Снижение уровня бедности ниже 7% к 2030 году и ниже 5% к 2036 году;
- Снижение коэффициента Джини по доходам до 0,37 к 2030 году и до 0,33 к 2036 году;
- Снижение дифференциации показателей ожидаемой продолжительности жизни не менее чем на 25% к 2036 году по сравнению с 2023 годом;
- Обеспечение не ниже среднероссийских темпов повышения к 2030 году суммарного коэффициента рождаемости в субъектах Российской Федерации, в которых по итогам 2023 года значение такого коэффициента было ниже среднероссийского;
- Снижение разрыва в уровнях бюджетной обеспеченности между 10 наиболее обеспеченными и 10 наименее обеспеченными субъектами РФ не более

[164] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 22.04.2026).

чем до двух раз к 2036 году (с учетом оказания финансовой поддержки из федерального бюджета в форме целевых межбюджетных трансфертов);

- Обеспечение темпа роста ВВП выше среднемирового и выход на четвёртое место в мире по объёму ВВП по ППС не позднее 2030 года.

«Содержание Указа №309… дает… достаточные возможности для утверждения единого экономического пространства в качестве стратегической цели национального развития»[165]. Важно отметить, что последний показатель, рост ВВП, прямо связан с экономической эффективностью и не предполагает обязательного выравнивания регионов. Укрепление экономического суверенитета страны, повышение конкурентоспособности экономики, устойчивости ко внешним и внутренним условиям, а также темпы роста экономики выше мировых являются целями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[166].

В условиях антироссийских санкциях возрастает значение вклада проектов в обеспечение национальной безопасности, экономического и технологического суверенитета[167][168][169]. В данных условиях развитие экономики в целом и ее регионов подчинено достижению общенациональных целей, определяемых на федеральном уровне[170]. Темпы роста не ниже 3,5% «…дают возможность сформировать объем доходов, который позволяет решать задачи обеспечения безопасности, технологического развития, роста благосостояния населения и структурно-технологической трансформации экономики»[171].

---

[165] Бухвальд Е. М., Митрофанова И. В., Валентик О. Н. Пространственные аспекты новой системы национальных целей развития России // Региональная экономика. Юг России. 2024. Т. 12, № 4. С. 11.

[166] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202107030001 (дата обращения: 04.04.2026).

[167] Мальцева И. Ф., Положенцева Ю. С. Обеспечение экономического суверенитета Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Известия Юго-Западного Государственного Университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 4. С. 58–75.

[168] Клепач А. Н. Пространственное измерение долгосрочного роста российской экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248, № 4. С. 114–129.

[169] Ткачева Т. Ю. Формирование экономического суверенитета Российской Федерации: региональный аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 6. С. 54–64.

[170] Россия 2035: к новому качеству национальной экономики : научный доклад / под ред. чл.-корр. РАН А. А. Широва ; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – Москва : Артик Принт, 2024. С. 242.

[171] Россия 2035: новое качество национальной экономики / А. А. Широв, Д. Р. Белоусов, А. А. Блохин [и др.] // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2 (203). С. 6–20.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р)[172] определяет систему опорных населённых пунктов, основные направления развития федеральных округов, Арктической зоны, новых субъектов и геостратегических территорий, а также механизмы реализации пространственной политики. Ключевые положения Стратегии, имеющие значение для настоящего исследования, включают:

- Концентрация ресурсов на развитии опорных населённых пунктов. 236 населённых пунктов, определённых в едином перечне, становятся точками приоритетного развития. Целевой показатель: улучшение качества среды для жизни в опорных населённых пунктах на 30% к 2030 году и на 60% к 2036 году;
- Дифференцированный подход к развитию территорий. При выработке направлений поддержки территорий необходимо учитывать в том числе демографическую ситуацию, динамику экономического роста и уровень научно-технологического развития. Этот принцип наиболее плотно связан с нашей типологизацией в параграфе 3.1.
- Выделены геостратегические территории РФ: Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области, Калининградская область, Республика Крым и г. Севастополь, Дальневосточный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, Арктическая зона РФ, приграничные территории;
- Выделены основные направления развития федеральных округов, для каждого округа определены приоритетные отрасли и проекты. В частности, для Северо-Кавказского федерального округа – развитие туризма, лёгкой промышленности и агропромышленного комплекса; для Сибирского федерального округа – создание производственных цепочек высоких переделов; для

[172] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р // Правительство Российской Федерации : официальный сайт. – Москва, [2024]. – URL: http://government.ru/docs/all/157308/ (дата обращения: 22.04.2026).

Дальневосточного федерального округа – реновация опорных населённых пунктов и развитие транспортной инфраструктуры;

- Транспортная связанность как условие единого экономического пространства. Стратегия закрепляет принцип обеспечения транспортной связанности опорных населённых пунктов, в том числе через развитие единой опорной транспортной сети. Транспортная доступность рассматривается как необходимое условие «сжатия» экономического пространства и преодоления изоляции периферийных территорий;
- Утверждены целевые показатели пространственного развития, приведённые в приложении № 1 к Стратегии (см. таблицу 3.18).

План реализации Стратегии пространственного развития (утверждён распоряжением Правительства РФ от 11 августа 2025 г. № 2149-р) конкретизирует мероприятия по достижению поставленных целей. Среди наиболее значимых для настоящего исследования:

- Внесение изменений в 20 государственных программ РФ в части предоставления субсидий бюджетам субъектов РФ (октябрь 2025 г.);
- Утверждение комплексного плана развития транспортной, энергетической, телекоммуникационной, социальной и иной инфраструктуры на период до 2036 года (III квартал 2025 г.);
- Разработка и внедрение цифровой платформы для управления в сфере комплексного социально-экономического и пространственного развития населённых пунктов;
- Мониторинг реализации и подготовка предложений по корректировке Стратегии (ежегодно).

Таблица 3.18 – Целевые показатели пространственного развития Российской Федерации

№	Показатель	Ед. изм.	2023 (база)	Инерционный		Целевой	
				2030	2036	2030	2036
1	Отношение численности постоянно проживающего населения на территориях опорных населенных пунктов (за исключением входящих в городские агломерации) к общей численности населения РФ	%	26,7	25,6	25,2	26,1	26,7
2	Отношение численности населения в субъектах РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ и Арктическую зону РФ, к уровню 2023 года	%	100	97	95	≥100	≥100
3	Отношение численности населения в субъектах РФ, входящих в Сибирский федеральный округ, к уровню 2023 года	%	100	96	93	≥100	≥100
4	Улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах	%	—	—	—	30	60
5	Транспортная подвижность населения	тыс. пасс.-км/чел	8,9	11,1	10,1	11,1	11,8
6	Отношение ввода жилья в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах к вводу жилья в РФ	%	13,1	14,3	15,5	15,4	17,4
7	Отношение среднедушевого ВРП в субъектах РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, к среднедушевому ВРП по всем субъектам РФ	%	110,8 (2022)	111,4	111,2	112,2	114,7
8	Отношение среднедушевого ВРП в субъектах РФ, входящих в Сибирский федеральный округ, к среднедушевому ВРП по всем субъектам РФ	%	81 (2022)	80,2	79,4	83,6	87,1
9	Уровень достижения национальных проектов и государственных программ в новых субъектах РФ	%	—	—	—	100	100
10	Отклонение в скорректированных доходах между 10 лучшими и 10 худшими регионами	раз	2,3	2,48	2,64	2,11	1,88
11	Отклонение в бюджетной обеспеченности между 10 лучшими и 10 худшими регионами	раз	2,5	2,6	2,7	2,2	2,0

Источник: составлено автором на основе Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (Приложение №1, утверждено распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р)

Анализ этих документов позволяет сделать вывод о том, что федеральная политика в области пространственного развития движется в направлении большей дифференциации и адресности. От управления макрорегионами в прошлой стратегии (Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года[173]), текущая Стратегия вернулась на уровень федеральных округов. Если раньше был фокус на городских агломерациях, то теперь Стратегия выделяет перечень опорных населенных пунктов, что позволяет более широко и сбалансированно развивать территории[174]. Реализация региональной политики требует от государства гибкости, научной обоснованности и дифференцированного подхода[175]. Однако остаётся не до конца решённой задача увязки типов регионов по уровню развития, социальной ситуации, инновационному развитию и демографической динамике с конкретными мерами поддержки. Разработанная в параграфе 3.1 типология и предлагаемый ниже подход к дифференциации политики призваны заполнить этот пробел. Также полученные пространственные кластеры регионов в параграфе 2.3. позволяют обосновать диверсифицированную политику по выявленным кластерам, о чем также пойдет речь ниже.

Важнейшим условием преодоления межрегиональной дифференциации является обеспечение экономической связанности территорий, то есть создание условий для беспрепятственного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы между регионами. В концептуальной модели (параграф 1.3) этот фактор представлен как часть агломерационных механизмов и кумулятивных процессов: развитая транспортная инфраструктура способствует распространению эффектов роста из центров на периферию, снижая доминирование эффектов стягивания.

---

[173] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/72174066/ (дата обращения: 22.04.2026). – Документ утратил силу с 28.12.2024.

[174] Кузнецова О. В. Ключевые вопросы реализации стратегии пространственного развития России-2030 // Вестник Российской академии наук. 2025. № 4. С. 53–57.

[175] Журавлева С. В., Толстых Т. О. Подходы к реализации социально - экономической политики в регионах России // Регион: системы, экономика, управление. 2025. № 3 (70). С. 12–25.

Эмпирические результаты, полученные в параграфе 2.3, подтверждают наличие пространственной автокорреляции: глобальный индекс Морана (I = 0,382) свидетельствует о том, что развитие регионов не является независимым – соседние регионы имеют тенденцию быть похожими. Формирование кластеров «богатые среди богатых» и «бедные среди бедных» отражает не только сходство уровней развития, но и интенсивность экономических взаимодействий между соседними территориями. Разрыв этих связей ведёт к консервации отставания периферийных регионов.

Стратегия пространственного развития закрепляет принцип обеспечения транспортной связанности опорных населённых пунктов, городских агломераций и административных центров субъектов РФ. В разделе VIII «Приоритеты пространственного развития Российской Федерации» (подраздел «Транспорт») указано, что «транспортная связанность городских агломераций и административных центров субъектов Российской Федерации, не входящих в городские агломерации, а также опорных населенных пунктов, обеспечивающих национальную безопасность Российской Федерации и обслуживающих критически важную инфраструктуру, преимущественно обеспечивается объектами единой опорной транспортной сети, в том числе автомобильными дорогами, входящими в ее состав». Целевой показатель транспортной подвижности населения установлен на уровне 11,1 тыс. пассажиро-километров на человека к 2030 году и 11,8 тыс. – к 2036 году.

Для регионов, входящих в кластер «богатые среди богатых» (северные ресурсодобывающие регионы (Ненецкий АО, Республика Коми, ХМАО, ЯНАО, Красноярский край) и Камчатский край), основная проблема – это не отсутствие экономической активности, а её высокая концентрация в сырьевом секторе при недостаточном развитии смежных производств и транспортной инфраструктуры. Экономика регионов России во многом определяется локализацией добывающих

отраслей, то есть запасом природных минерально-сырьевых ресурсов[176]. С введением санкций с 2022 года более всего пострадали регионы добывающей промышленности, особенно угольной[177]. Меры государственной политики в отношении этой группы должны быть направлены на:

- Диверсификацию экономики через создание условий для развития обрабатывающих производств, связанных с переработкой добываемого сырья (налоговые стимулы, развитие промышленной инфраструктуры, подготовка кадров);
- Снятие инфраструктурных ограничений для вывоза продукции и для развития новых производств (в первую очередь – расширение пропускной способности железнодорожных подходов к портам, что уже предусмотрено планом реализации Стратегии пространственного развития);
- Снижение зависимости от экспортной конъюнктуры через поддержку проектов, ориентированных на внутренний рынок, развитие механизмов стабилизации доходов региональных бюджетов.

Для регионов, входящих в кластер «бедные среди бедных» (Северо-Кавказский федеральный округ, а также Краснодарский и Ставропольский края), основная проблема – это низкая транспортная связанность с центрами экономической активности, отсутствие крупных «полюсов роста», способных генерировать занятость и доходы, низкое качество институтов. Меры государственной политики в отношении этой группы должны быть направлены на:

- Развитие транспортной инфраструктуры, связывающей регионы кластера с центрами роста. Прежде всего, развитие международного транспортного коридора «Север – Юг», модернизация пунктов пропуска на

[176] Лившиц В. Н., Шаталова О. М., Касаткина Е. В. Межрегиональная дифференциация в РФ: эмпирический анализ влияния территориальной локализации отраслей на уровень экономической активности регионов // Экономика и математические методы. 2023. Т. 59, № 3. С. 77–90.
[177] Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 226–234.

государственной границе, развитие портовой инфраструктуры Каспийского бассейна (эти мероприятия уже предусмотрены планом реализации Стратегии);

- Создание преференциальных режимов для привлечения инвестиций в обрабатывающую промышленность и туризм (особые экономические зоны, территории опережающего развития);
- Адресную поддержку рынка труда с учётом высокой безработицы и молодой возрастной структуры населения (субсидирование создания рабочих мест, программы переобучения, поддержка малого предпринимательства);
- Стимулирование внедрения лучших практик государственного управления и усиление требований к прозрачности расходования бюджетных средств и межбюджетных трансфертов.

Таким образом, пространственный анализ позволяет не просто констатировать факт кластеризации, но и выделить конкретные направления государственной политики, инфраструктурные, институциональные и социальные, которые могут способствовать преодолению изоляции отстающих регионов и снятию ограничений для устойчивого роста в регионах-лидерах.

На основе разработанной типологии (параграф 3.1) и с учётом положений Стратегии пространственного развития сформулируем набор рекомендаций для каждого типа регионов (таблицы 3.19-3.22). Предлагаемый подход не заменяет существующие механизмы государственной поддержки, а дополняет их, позволяя более точно адресовать меры тем регионам, для которых они наиболее актуальны.

Таблица 3.19 – Матрица мер региональной политики по типам экономического развития

Тип по уровню ВРП	Тип по динамике	Рекомендуемые меры	Примеры регионов
Лидеры	Рост (сильный, средний, слабый)	Диверсификация экономики, снятие инфраструктурных ограничений	г. Москва, Магаданская обл., ЯНАО
Лидеры	Спад	Антикризисные меры, поддержка моногородов, диверсификация	ХМАО, Сахалинская обл.

Окончание таблицы 3.19

Развитые	Рост (сильный, средний, слабый)	Поддержание инвестиционной активности, налоговые стимулы	Приморский край, Республика Татарстан, Московская обл.
Развитые	Спад	Антикризисные меры, диверсификация	Красноярский край, Тюменская обл.
Средние	Рост (сильный, средний)	Развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, стимулирование инвестиций	Нижегородская обл., Челябинская обл., Краснодарский край
Средние	Слабый рост	Повышение производительности труда, стимулирование инвестиций	Самарская обл., Калининградская обл., Республика Башкортостан
Отстающие	Рост (сильный, средний)	Индивидуальные программы развития, поддержка догоняющего роста, привлечение инвестиций	Ставропольский край, Чеченская Республика, Республика Крым
Отстающие	Слабый рост / спад	Индивидуальные программы развития, приоритетная социальная поддержка, развитие базовой инфраструктуры	Республика Тыва, Республика Дагестан
Кризисные	Спад	Индивидуальные программы развития, экстренные антикризисные меры	Республика Ингушетия

Источник: составлено автором на основе расчетов в параграфе 3.1.

Таблица 3.20 – Матрица мер региональной политики по типам социального развития

Тип по доходам	Тип по безработице	Рекомендуемые меры	Примеры регионов
Лидеры (экстремально высокие)	Низкая / средняя	Без дополнительной социальной поддержки	г. Москва, ЯНАО, Чукотский АО
Лидеры	Экстремально высокая	Адресные программы занятости	Ненецкий АО
Высокие	Низкая	Развитие квалифицированной рабочей силы	г. Санкт-Петербург, ХМАО, Республика Татарстан, Свердловская обл.
Высокие	Высокая	Развитие рынка труда, поддержка малого бизнеса, снижение безработицы	Республика Коми, Архангельская обл., Республика Саха (Якутия)

Окончание таблицы 3.20

Средние	Экстремально высокая	Активные программы занятости, поддержка МСП	Республика Дагестан, Забайкальский край, Кабардино-Балкарская Республика
Средние	Низкая	Повышение доходов населения, стимулирование экономической активности	Калужская обл., Курская обл., Новгородская обл.
Низкие	Экстремально высокая	Приоритетная социальная поддержка, создание рабочих мест	Чеченская Республика, Республика Тыва, Республика Калмыкия
Кризисные (экстремально низкие)	Экстремально высокая	Экстренная социальная помощь, долгосрочные программы развития	Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика

Источник: составлено автором на основе расчетов в параграфе 3.1.

Таблица 3.21 – Матрица мер региональной политики по типам инновационного развития

Тип по затратам	Тип по результату	Рекомендуемые меры	Примеры регионов
1	2	3	4
Лидеры и Высокие	Высокий / средний	Коммерциализация разработок, поддержка малых технологических компаний, развитие промышленных кластеров	Нижегородская обл., Тульская обл., г. Москва
Средние	Экстремально высокий / высокий	Тиражирование успешных практик, стимулирование инновационной активности	Республика Татарстан, Архангельская обл., Белгородская обл.
Средние	Низкий	Стимулирование инновационной активности, поддержка технологического предпринимательства	Калининградская обл., Иркутская обл., Республика Крым
Низкие	Высокий / средний / низкий	Создание базовой инновационной инфраструктуры, цифровизация, поддержка МСП	Оренбургская обл., ХМАО, Кемеровская обл.

Источник: составлено автором на основе расчетов в параграфе 3.1.

Таблица 3.22 – Матрица мер региональной политики по типам демографического развития

Тип	Характеристика	Рекомендуемые меры	Примеры регионов
Устойчивый рост	Миграц. прирост > 0, Естеств. прирост > 0, Общий прирост > 0	Развитие социальной инфраструктуры для закрепления населения	ХМАО, Тюменская обл., Республика Саха (Якутия)
Рост за счёт миграции	Миграц. прирост > 0, Естеств. прирост < 0, Общий прирост > 0	Развитие жилищной, транспортной и социальной инфраструктуры	Московская обл., Краснодарский край, Калининградская обл.
Рост за счёт рождаемости	Миграц. прирост < 0, Естеств. прирост > 0, Общий прирост > 0	Создание рабочих мест, удержание населения	Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Тыва
Убыль из-за миграции	Миграц. прирост < 0, Естеств. прирост > 0, Общий прирост < 0	Стимулирование притока населения, развитие экономики	Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания
Убыль из-за рождаемости	Миграц. прирост > 0, Естеств. прирост < 0, Общий прирост < 0	Повышение рождаемости, поддержка семей, развитие инфраструктуры для семей с детьми	г. Санкт-Петербург, Нижегородская обл., Самарская обл.
Устойчивая убыль	Миграц. прирост < 0, Естеств. прирост < 0, Общий прирост < 0	Системные меры: жильё, инфраструктура, качество жизни	Курганская обл., Псковская обл., Республика Карелия

Источник: составлено автором на основе расчетов в параграфе 3.1.

Рекомендации направлены на совершенствование федеральной региональной и пространственной политики, а также для выделения приоритетов развития в субфедеральной политике каждого региона.

Отсутствие действенного мониторинга является одной из проблем управления стратегическим развитием России[178]. В качестве интегральных индикаторов эффективности предлагаемой дифференцированной региональной политики предлагается использовать показатели, приведенные в таблице ниже.

[178] Положенцева Ю. С. Стратегическое планирование социально-экономического развития регионов: эволюция, вызовы и новые управленческие подходы // Известия Юго-Западного Государственного Университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 86–102.

Таблица 3.23 – Предлагаемые целевые показатели региональной (пространственной) политики

Показатель	Формула/способ расчёта	Целевой ориентир	Периодичность
Доля регионов с экономическим спадом	Количество регионов с отрицательным ВРП на душу / общее число регионов	Сокращение до 0 к 2030 году	Ежегодно
Доля регионов с экстремально высокой безработицей	Количество регионов с безработицей выше верхней границы (6%)	Сокращение до 0 к 2030 году	Ежегодно
Доля регионов с устойчивой демографической убылью	Количество регионов в типе «устойчивая убыль» / общее число регионов	Сокращение на n% к 2030 году (точный процент обосновать расчетами)	Ежегодно
Индекс опережения бедных регионов	Отношение среднегодового темпа роста ВРП 10 наименее развитых регионов к среднему по РФ	> 1	Ежегодно

Источник: составлено автором

Данные индикаторы могут быть рассчитаны на основе официальных статистических данных и включены в систему мониторинга реализации Стратегии пространственного развития.

3.3. Комплекс мер региональной политики на примере Курской области

Переход от разработанной в параграфе 3.2 матрицы мер региональной политики к её практической проекции требует апробации предлагаемого подхода на конкретном субъекте Российской Федерации. Курская область выбрана в качестве такого примера, поскольку, согласно результатам проведённой в параграфе 3.1 типологизации, она относится к категории регионов со «срединным» положением. Курская область не является ни выраженным лидером, ни аутсайдером. Это делает область удобным объектом для демонстрации того, как

дифференцированный подход позволяет решать специфические проблемы региона.

Кроме того, Курская область – это приграничная территория, что накладывает на её развитие особые условия и требует учёта в политике факторов национальной безопасности и восстановления. Региональная политика в отношении приграничных территорий должна быть адаптивной к вызовам и возможностям, связанных с приграничным положением[179][180]. Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, Курская область включена в перечень приграничных геостратегических территорий (Приложение № 2 Стратегии). В разделе, посвящённом основным направлениям развития Центрального федерального округа, Стратегия предусматривает «ускоренный экономический рост территорий, граничащих с Украиной (Белгородская, Брянская и Курская области), в том числе за счёт обеспечения восстановления объектов инфраструктуры, пострадавших от обстрелов, и разработки мер поддержки пострадавших организаций».

Таким образом, региональная политика в отношении Курской области должна одновременно решать две группы задач: формирование условий для устойчивого долгосрочного роста на основе имеющегося потенциала и экстренное восстановление экономики и инфраструктуры пострадавших приграничных территорий в условиях проводимой специальной военной операции.

Результаты типологизации, проведённой в параграфе 3.1 (таблицы 3.4, 3.8,3.12,3.15, Приложение Г), позволяют дать комплексную характеристику исходного положения Курской области по состоянию на 2023 год по четырём ключевым сферам развития.

В экономической сфере регион отнесён к группе «средние» по уровню ВРП на душу населения (702 738 руб.) при «среднем росте» (CAGR 2,8% за 2018–2023

[179] Лазарева В. В., Власова Н. Ю. Региональная политика в отношении приграничных территорий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 247, № 3. С. 265–287.
[180] Стрябкова Е. А., Добродомова Т. Н., Раковская-Самойлова А.Х. Стратегирование пространственного развития приграничных регионов в новых геоэкономических условиях // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 6 (62). С. 716–719.

гг.) (Таблица Г.1). Из этого следует, что в докризисный период область не демонстрировала опережающей динамики, которая позволила бы самостоятельно сократить отставание от регионов-лидеров. Данный тип, согласно разработанной в параграфе 3.2 матрице мер (Таблица 3.19), предполагает приоритетность таких инструментов, как развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, стимулирование инвестиций и повышение производительности труда.

В социальной сфере регион характеризовался «средними» скорректированными доходами (48 015 руб.) при «низкой» безработице (2,4%) (Таблица Г.2). Это относительно благополучный фон, свидетельствующий о стабильности на рынке труда и отсутствии выраженной социальной напряжённости. Согласно матрице мер (Таблица 3.20), для данной группы регионов приоритетом является повышение доходов и стимулирование экономической активности.

В инновационной сфере область заняла позицию «средние» затраты на НИОКР (0,532% ВРП) при «среднем» результате (доля инновационных товаров и услуг – 4,45%) (Таблица Г.3). Это свидетельствует о наличии в регионе определённого научно-технического задела, который, однако, используется недостаточно эффективно и не обеспечивает значимого вклада в экономическую динамику. Матрица мер (Таблица 3.21) ориентирует данную группу на стимулирование инновационной активности предприятий и повышение отдачи от осуществляемых затрат на НИОКР.

В демографической сфере регион отнесён к типу «убыль из-за рождаемости» (Таблица Г.4). При миграционном приросте +1,6‰ в 2023 году коэффициент естественного прироста составлял -7,4‰. Это фундаментальный долгосрочный вызов, типичный для большинства регионов Центральной России. Матрица мер (Таблица 3.22) для данного типа устанавливает приоритетность мер по повышению рождаемости, поддержке семей и созданию условий для удержания населения.

Таким образом, по состоянию на 2023 год Курская область позиционировалась как стабильный, но лишённый выраженной положительной

динамики регион с нераскрытым инновационным потенциалом и фундаментальными демографическими рисками.

Данные за 2019–2025 годы (см. Приложение Д) и их сопоставление с соседними регионами (Белгородской, Брянской, Воронежской, Липецкой и Орловской областями) позволяют уточнить и углубить первоначальную типологическую оценку, выявив наиболее проблемные зоны в экономике, социальной сфере, инновационном развитии и демографии Курской области.

В экономической сфере динамика Курской области в рассматриваемый период носила неустойчивый характер, а траектория её роста не демонстрировала способности стабильно опережать соседей. В 2022 году на фоне начала санкционного кризиса, СВО и общего замедления российской экономики темп прироста ВРП на душу населения в Курской области резко снизился до -5,5% (Таблица Д.2). Это стало одним из самых глубоких падений среди соседей. Для сравнения, в Белгородской области спад составил -0,9%, в Брянской – всего -0,2%, а Воронежская и Липецкая области также испытали серьёзное падение (-2,6% и -8,1% соответственно).

При этом уже в 2023 году экономика Курской области продемонстрировала восстановительный рост, что говорит о мобилизации внутренних резервов и адаптации к изменившимся условиям. Темп прироста ВРП на душу населения составил +5,4% (Таблица Д.2). Этот результат был заметно лучше, чем в Белгородской (+3,2%) и Воронежской (+3,7%) областях, что связанно в первую очередь с большим предшествующем спадом.

Тем не менее в 2024 году рост в Курской области вновь остановился. Показатель составил ровно 0%, в то время как все рассматриваемые соседние регионы зафиксировали положительную динамику (от +1,0% в Брянской области до +2,3% в Белгородской). Основной вклад в это замедление, как показывают данные Таблицы Д.4, внёс спад в сельском хозяйстве. Индекс физического объёма валовой добавленной стоимости в секторе «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в Курской области составил в 2024 году 87,5%, тогда

как в Белгородской области – 93,8%, а в Орловской – 98,8% (Таблица Д.4). Учитывая, что доля этого сектора в структуре ВРП Курской области[181] является достаточно высокой, падение аграрного производства оказало существенное влияние на общую экономическую динамику. Таким образом, восстановление оказалось неустойчивым, и к концу рассматриваемого периода регион подошёл с риском стагнации.

Регион	ВРП на душу населения, руб. (2024)	Среднегод. темп прироста ВРП на душу нас. за 5 лет (2018-2023), %	Темп прироста ВРП на душу населения, % (2024)	Доля инвестиций в основной капитал к ВРП, % (2023 г.)	Темп прироста инвестиций в основной капитал (2024)	Темп прироста инвестиций в основной капитал (2025)
Россия	1 276 523	2,5	4,5		8,4	-2,3
ЦФО	1 643 743	3,3	5,8	20,7	4,6	0,7
Курская область	**788 412**	**2,8**	**0**	**31,1**	**4**	**-7,1**
Белгородская область	1 015 794	2,0	2,3	15,8	4,6	-17,7
Брянская область	636 575	3,3	1	15,2	16,1	-21,1
Воронежская область	757 722	1,2	2	25,0	-11,7	-11,1
Липецкая область	939 205	2,7	1,7	19,7	20,9	-22,1
Орловская область	639 833	2,5	1,1	14,7	4,3	9,1

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата

Рисунок 3.5 – Экономические показатели Курской области и её соседей

Что касается инвестиционной активности, то доля инвестиций в основной капитал к ВРП в Курской области в 2023 году достигла 31,1% (Рисунок 3.5, Таблица Д.6), что является самым высоким значением среди всех соседних регионов и значительно превосходит средний по ЦФО уровень (20,7%). Для сравнения: у Белгородской области – 15,8%, у Липецкой – 19,7%. Однако тревожным сигналом является то, что индекс физического объёма инвестиций в

[181] Влияние специализации на экономическое развитие регионов / Н. М. Сергеева, Т. Н. Соловьева, О. В. Святова [и др.] // Международный сельскохозяйственный журнал. 2022. Т. 65, № 1 (385). С. 28–32.

2025 году оказался на уровне 92,9% (Таблица Д.5), то есть инвестиции упали на 7,1%. Это может быть связано как с общей экономической неопределённостью, так и с прямыми последствиями СВО для инвестиционной привлекательности региона. Динамика инвестиций в других областях (кроме Орловской) еще более удручающая.

Регион	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство в ВРП, %	Добыча полезных ископаемых в ВРП, %	Обрабатывающие производства в ВРП, %	Строительство	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Прочее
Россия	3,5	13,7	15,2	5,6	13,0	49,0
ЦФО	2,3	0,7	15,7	4,4	15,3	61,6
Курская область	**12,6**	**8,8**	**18,5**	7,7	10,8	41,6
Белгородская область	13,9	20,0	17,0	4,9	11,1	33,1
Брянская область	18,7	0,0	22,0	2,9	11,9	44,5
Воронежская область	13,3	0,5	15,3	6,2	15,5	49,2
Липецкая область	8,5	0,5	37,7	6,6	9,7	37,0
Орловская область	20,7	0,2	17,1	3,3	13,5	45,2

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата

Рисунок 3.6 – Структура экономики Курской области и её соседей, 2024 г.

В социальной сфере Курская область демонстрирует неоднозначную картину. С одной стороны, уровень безработицы на протяжении 2019–2024 годов стабильно снижался (Таблица Д.7): с 3,9% в 2019 году до 2,5% в 2023-м и до рекордно низких 1,9% в 2024 году. Это минимальное значение среди всех рассматриваемых регионов. Для сравнения: в Белгородской области – 2,9%, в Брянской – 2,3%, в Воронежской – 2,6%. С другой стороны, среднедушевые денежные доходы населения Курской области (50 630 руб. в месяц) остаются самыми низкими среди соседей, не считая Брянской области: в Белгородской области – 56 798 руб., в Липецкой – 53 842 руб. (Рисунок 3.7, Таблица Д.7).

При этом доля населения с доходами ниже границы бедности в Курской области (6,3%) находится на сопоставимом с соседями уровне (Таблица Д.8): выше, чем в Белгородской (4,4%) и Воронежской (5,4%), но ниже, чем в Брянской (9,1%) и Орловской (6,9%). Подобное сочетание минимальной безработицы и невысоких доходов может свидетельствовать о преобладании в структуре занятости низкооплачиваемых рабочих мест.

Регион	Среднедушевые денежные доходы населения (2024)	Численность населения с ден. доходами ниже границы бедности/величины прожит. мин., % (2024)	Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше, % (2024)
Россия	63 959	7,1	2,5
ЦФО	87 109		1,8
Курская область	50 630	**6,3**	**1,9**
Белгородская область	56 798	4,4	2,9
Брянская область	48 502	9,1	2,3
Воронежская область	53 449	5,4	2,6
Липецкая область	53 842	5,9	2,1
Орловская область	54 805	6,9	2,6

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата

Рисунок 3.7 – Социальные показатели Курской области и её соседей

В инновационной сфере подтверждается тезис о недостаточной эффективности. По данным за 2023 год, доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП Курской области составила 0,54% (Рисунок 3.8, Таблица Г.3), что заметно выше, чем у динамично развивающейся Белгородской области (0,32%), Брянской (0,13%) и Липецкой (0,10%). Однако удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в общем объёме отгруженных товаров составил лишь 4,5%,

тогда как в Белгородской области – 11,8%, в Брянской – 5,3%. Более того, по уровню инновационной активности организаций Курская область (8,2%) заметно уступает Белгородской (15,4%) и Орловской (13,1%) областям (Таблица Д.10). Таким образом, регион направляет на науку сравнительно заметные по меркам макрорегиона средства, но отдача от них значительно ниже, чем у соседей.

Регион	Уровень инновационной активности организаций, % (2023)	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме, % (2023)	НИОКР в ВРП, % (2023)
Россия	11,3	6,0	1,1
ЦФО	12,0	6,1	1,6
Курская область	**8,2**	**4,5**	**0,5**
Белгородская область	15,4	11,8	0,3
Брянская область	10,5	5,3	0,1
Воронежская область	10,7	2,9	0,7
Липецкая область	11,9	4,9	0,1
Орловская область	13,1	1,3	0,2

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата

Рисунок 3.8 – Инновационные показатели Курской области и её соседей

Демографическая ситуация остаётся зоной наибольшего риска. Коэффициент естественного прироста в Курской области остается низким и при этом снижается (Рисунок 3.9): с -7,4‰ в 2023-м до -8,1‰ в 2024 году. В 2024 году этот показатель был хуже, чем у всех соседних регионов, кроме Орловской. В Белгородской области: -7,9‰, в Брянской: -7,8‰, в Липецкой: -7,9‰. При этом миграционный прирост в Курской области на сохраняет положительное значение

(+1,6‰ в 2024 году), что выгодно отличает её от Белгородской (-2,4‰), Брянской (-1,4‰) и Липецкой (-1,6‰) областей.

Регион	Коэффициент естественного прироста на 1000 человек, ‰ (2023)	Коэффициент естественного прироста на 1000 человек, ‰ (2024)	Коэффициент миграционного прироста на 1000 человек, ‰ (2023)
Россия	-3,3	-4,1	1,4
ЦФО	-4,0	-4,5	3,0
Курская область	**-7,4**	**-8,1**	**1,6**
Белгородская область	-6,8	-7,9	-2,4
Брянская область	-7,4	-7,8	-1,4
Воронежская область	-7,1	-7,9	1,9
Липецкая область	-7,3	-7,9	-1,6
Орловская область	-9,1	-9,4	-2,1

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата

Рисунок 3.9 – Демографические показатели Курской области и её соседей

По данному показателю Курская область уступает лишь Воронежской (+1,9‰), являющейся миграционно привлекательным регионом. Однако положительное миграционное сальдо не компенсирует высокую естественную убыль населения. Следует помнить, что на демографические коэффициенты приграничных территорий влияют не только внутренние социально-

экономические процессы, но и близость государственной границы[182] , а также специальная военная операция[183].

Наложение на все перечисленные выше тенденции фактора военных действий на части территории области с августа 2024 года привело к кардинальному ухудшению экономической ситуации в 2025 году. Согласно Прогнозу социально-экономического развития Курской области на 2026–2028 годы[184], по оценке 2025 года ожидается снижение индекса физического объёма ВРП до 95,1%, а индекса промышленного производства – до 93,7% к уровню 2024 года, индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий ожидается на уровне 91,2%. В приграничных районах, как констатирует документ, «практически полностью разрушены инфраструктура, объекты жилого фонда, социальной сферы, утрачены тысячи объектов предпринимательства». Таким образом, на первый план выходят задачи не просто стимулирования роста, а физического восстановления экономики и инфраструктуры.

Предлагаемые в рамках настоящего исследования рекомендации должны быть встроены в существующую систему стратегического планирования, учитывая как долгосрочные ориентиры, так и специфический статус Курской области как приграничной геостратегической территории.

Приграничный статус и задачи восстановления. Курская область отнесена Стратегией пространственного развития РФ на период до 2030 года к приграничным геостратегическим территориям. Более того, приложение № 2 к данному документу отдельно выделяет «муниципальные образования... Курской области, примыкающие к государственной границе Российской Федерации с государствами, входящими в перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц

[182] Жахов Н. В., Головин А. А., Головлева В. С. Социально-демографические вызовы приграничных регионов России на примере Курской, Белгородской и Брянской областей. ЗАО «Университетская книга», Курск, 2025. С. 230–235.
[183] Зюкин Д. В., Жиляков Д. И. Оценка демографического и трудового потенциала центрально-черноземного региона // Вестник Курской Государственной Сельскохозяйственной Академии. 2024. № 8. С. 188–196.
[184] О прогнозе социально-экономического развития Курской области на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов : распоряжение Правительства Курской области от 31.10.2025 № 896-рп // Официальный сайт Правительства Курской области (дата обращения: 04.04.2026).

и физических лиц недружественные действия». Перечень таких государств определен Распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р[185].

Как было отмечено в начале параграфа, Стратегия пространственного развития предусматривает «ускоренный экономический рост территорий, граничащих с Украиной (Белгородская, Брянская и Курская области), в том числе за счёт обеспечения восстановления объектов инфраструктуры, пострадавших от обстрелов, и разработки мер поддержки пострадавших организаций». Это означает, что федеральная политика в отношении региона должна носить не просто стимулирующий, а восстановительный характер, обеспечивая ликвидацию последствий боевых действий и создание условий для возвращения к устойчивому росту.

Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» устанавливает ряд целевых ориентиров, имеющих прямое отношение к региональной политике. Для Курской области, с её демографическими и социальными проблемами, особенно значимыми являются следующие показатели:

- Снижение уровня бедности ниже 7% к 2030 году и ниже 5% к 2036 году (п. 2к Указа). По итогам 2024 года уровень бедности в Курской области составил 6,3%, что хотя и ниже среднероссийского (7,1%), но остаётся выше, чем в соседней Белгородской области (4,4%);
- Снижение коэффициента Джини по доходам до 0,37 к 2030 году и до 0,33 к 2036 году (п. 2л). Хотя региональный показатель в тексте Указа не детализируется, его достижение потребует сокращения внутрирегионального неравенства, что особенно актуально для области со значительным разрывом между городскими и сельскими территориями;

[185] Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия : распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202203070001 (дата обращения: 20.04.2026).

- Обеспечение не ниже среднероссийских темпов повышения к 2030 году суммарного коэффициента рождаемости в субъектах РФ, в которых по итогам 2023 года его значение было ниже среднероссийского (п. 2в). Согласно Прогнозу социально-экономического развития Курской области, по итогам 2023 года суммарный коэффициент рождаемости в регионе составил 1,26 при среднероссийском значении 1,41, что прямо подтверждает нахождение области в данной группе субъектов.

Региональные стратегические ориентиры. На региональном уровне ключевыми документами, определяющими направления развития, являются Стратегия социально-экономического развития (далее – Стратегия СЭР) Курской области на период до 2030 года (утверждена Законом Курской области от 14 декабря 2020 г. № 100-ЗКО)[186] и Прогноз социально-экономического развития (далее – Прогноз СЭР) Курской области на 2026–2028 годы[187].

Стратегия социально-экономического развития Курской области определяет миссию региона как «регион, в котором хочется жить», и ставит целью создание «инновационной экологоориентированной модели долгосрочного устойчивого развития, основанной на высокотехнологичных многоукладных производствах, экологически чистом агропромышленном комплексе и сбалансированной пространственной политике, обеспечивающей растущее качество жизни курян и приток в регион высококвалифицированных кадров». Документ выделяет семь приоритетных направлений:

- Диверсифицированная многоукладная экономика;
- Управление развитием;
- Здоровье, здравоохранение и социальная сфера;
- Человеческий капитал;

[186] О Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года : Закон Курской области от 14.12.2020 № 100-ЗКО (ред. от 07.02.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202012180002 (дата обращения: 24.04.2026).

[187] О прогнозе социально-экономического развития Курской области на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов : распоряжение Правительства Курской области от 31.10.2025 № 896-рп // Официальный сайт Правительства Курской области. (дата обращения: 04.04.2026).

- Инфраструктура и пространственное развитие;
- Комфортная городская среда;
- Зелёный и безопасный регион.

Среди перечня флагманских проектов – формирование единого научно-образовательного пространства вузов, упрощение условий ведения бизнеса, внедрение цифровых технологий в управлении хозяйством.

Прогноз СЭР на 2026–2028 годы выделяет следующие стратегические точки роста, на которых должна концентрироваться региональная экономическая политика:

- Строительство и ввод в эксплуатацию энергоблоков Курской АЭС-2 (филиал АО «Концерн Росэнергоатом»), что является крупнейшим инвестиционным проектом региона;
- Развитие особой экономической зоны промышленно-производственного типа «Третий полюс» в г. Железногорске и Железногорском районе, на территории которой реализуются проекты по производству горячебрикетированного железа (ООО «МГБЖ»), вельц-оксида цинка (ООО «Цинкум») и другой продукции;
- Модернизация производства на АО «Михайловский ГОК им. А.В. Варичева», включая строительство дробильно-конвейерного комплекса;
- Развитие обрабатывающих производств, в том числе фармацевтики (ОАО «Фармстандарт-Лексредства»), электротехнической промышленности (АО «Курский электроаппаратный завод»), а также проектов в сфере глубокой переработки зерна и масличных культур.

Следует отметить неравномерный объем инвестиций в разрезе муниципальных образований Курской области, а также то, что приток инвестиций обуславливается реализацией крупных инвестиционных проектов[188].

[188] Бессонова Е. А., Лопатина Н. Д. Воспроизводство основного капитала как фактор эффективного развития социально-экономической системы региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 1. С. 95–108.

Кроме того, стратегические документы Курской области предусматривают комплекс мер, направленных на решение демографических проблем. В дополнение к федеральным введены региональные меры поддержки семей с детьми. Единовременные выплаты при рождении третьего или последующего ребёнка, организация кратковременного присмотра за детьми до трёх лет – «социальная няня», создание пунктов проката предметов первой необходимости для новорождённых и др. Планируется охватить этими мерами 10 690 семей за период 2025–2027 годов на общую сумму 781,5 млн. рублей, что свидетельствует о признании демографической проблемы в качестве одной из приоритетных на региональном уровне.

В социальной сфере Прогноз СЭР предусматривает реализацию мер по повышению заработной платы работников ключевых отраслей экономики (во исполнение постановления Правительства Курской области от 21.05.2025 № 367-пп[189]). Также комплекс мероприятий по снижению уровня бедности, включая ежегодную индексацию социальных выплат и пенсий, адресную социальную защиту и повышение уровня занятости слабозащищённых категорий населения.

В инновационной сфере предприятия региона активно привлекают субсидии Минпромторга России на проведение НИОКР (более 87 млн. рублей за январь–июнь 2025 года), а Фонд развития промышленности Курской области предоставляет льготные займы на разработку импортозамещающей продукции. Стратегия СЭР Курской области до 2030 года в рамках своего целевого сценария закрепляет в качестве целевых индикаторов рост доли высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВРП до 30% и увеличение затрат на НИОКР в ВРП до 2,5% к 2030 году.

Важнейшим приоритетом для региональных властей является реализация комплексной программы восстановления и развития пострадавших территорий. Программа предусматривает прямую поддержку пострадавших предприятий, меры

[189] Об установлении целевых показателей уровня оплаты труда по основным видам экономической деятельности в организациях внебюджетного сектора экономики Курской области на 2025 год : постановление Правительства Курской области от 21.05.2025 № 367-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202505260005 (дата обращения: 28.04.2026).

по снижению финансовой нагрузки на предпринимателей (налоговые и кредитные каникулы) и создание новых точек экономического роста. Ключевой долгосрочный вызов, признаваемый в прогнозных документах региона, – неблагоприятная демографическая ситуация и нарастающий дефицит квалифицированных кадров.

Объединяя результаты проведённого типологического анализа, данные детализированного анализа и сравнения с соседями, а также положения действующих стратегических документов, предложен следующий комплекс мер региональной политики, структурированный по четырём сферам в соответствии с логикой разработанной типологии (Таблица 3.24).

Таблица 3.24 – Предлагаемые меры региональной политики Курской области

Сфера	Тип в типологии	Ключевая выявленная проблема углубленного анализа	Предлагаемые меры региональной политики
Экономи-ческая	Средний уровень ВРП, средний рост	- Снижение ВРП в 2022 г., которое не компенсировалось последующим ростом и перешло в стагнацию - Снижение инвестиций в 2022 г. и в 2025 г. - Снижение выпуска в АПК	- Усиленное восстановление экономики приграничья - Прямая поддержка пострадавших предприятий - Снижение налоговых ставок и отмена ряда налогов вместо налоговых каникул, которые только перераспределяют обязательства во времени - Федеральная поддержка и трансферты на замещение выпавших доходов, так как причины разрушения районов и падения экономики региона находятся в федеральном ведении
Социальная	Средние доходы, низкая безработица	- Относительно соседей низкие доходы населения при рекордно низкой безработицы	- Стимулирование высокопроизводительной занятости в приоритетных секторах экономики - Увязка господдержки бизнеса с обязательствами по опережающему росту зарплат

Окончание таблицы 3.24

Инновационная	Средние затраты, средний результат	- Доля НИОКР в ВРП выше, чем у соседей, а доля инновационной продукции – значительно ниже	- Повышение эффективности НИОКР: внедрение системы региональных грантов на коммерциализацию научных разработок и трансфер технологий в производство, стимулирование инновационной активности организаций
Демографическая	Убыль из-за рождаемости	- Ускоренная депопуляция: наихудшая среди соседей естественная убыль - Миграционный шок: отток населения из приграничных районов из-за эвакуации и разрушения жилья	- Усиление мер поддержки рождаемости в рамках проекта «Многодетная семья». - Привлечение и закрепление кадров: развитие рынка арендного жилья для специалистов, привлекаемых в рамках реализации крупных инвестиционных проектов

Источник: составлено автором

Предложенный комплекс рекомендуемых мер вытекает непосредственно из результатов проведённого анализа и учитывает текущую ситуацию в Курской области. Регион столкнулся с невосстановленным падением экономики в 2022 г. После боевых действий на территории региона, начавшихся в августе 2024 г., добавились новые проблемы. Разрушение приграничных районов, их инфраструктуры и вынужденный отток населения являются шоком, который негативно сказался на всех сферах региона. Предлагаемые выше экономические и демографические меры учитывают данные особенности Курской области. Инновационная сфера отличается от соседних регионов низкой результативностью, на основании чего предложены решения по стимулированию коммерциализации разработок. Сочетание относительно невысоких доходов с низкой безработицей говорят о низкой производительности труда. Необходим переход к интенсивному использованию труда особенно в приоритетных секторах экономики.

Выводы по 3 главе

В параграфе 3.1 разработана комплексная типология регионов России по четырём ключевым сферам развития – экономической, социальной, инновационной и демографической. В отличие от распространённых подходов, опирающихся на ограниченный объем показателей, интегральные индексы или кластерный анализ, предложенная методика использует двухмерную систему координат в каждой сфере и критерии выделения типов на основе статистических порогов. Это обеспечивает прозрачность и воспроизводимость результатов, что критически важно для практического применения типологии в задачах региональной политики. Проведённая типологизация позволила выявить группы регионов со сходными характеристиками и идентифицировать разные типы регионов, в том числе экстремальные типы, требующие особого внимания.

В параграфе 3.2 разработана система матриц мер региональной политики, дифференцированных по выявленным ранее пространственным кластерам и по выделенным ранее типам регионов. Предложенный подход интегрирован в систему действующих документов стратегического планирования федерального уровня. Показано, что Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 и Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 года задают целевые ориентиры, согласующиеся с разработанной типологией. Предложены целевые показатели, которые позволят отслеживать эффективность предлагаемой дифференцированной региональной политики. Индикаторы считаются по публикуемым Росстатом данными и могут быть включены в целевые показатели Стратегии пространственного развития РФ в будущем.

Апробация разработанного подхода проведена на примере Курской области – региона со «срединным» положением в типологии и особым статусом приграничной геостратегической территории. Позиционирование региона в разработанной системе координат и последующее сравнение с соседними

областями позволили выявить ключевые структурные проблемы, не фиксируемые при простом сопоставлении со среднероссийскими показателями. На основе анализа сформулированы комплекс мер региональной политики для Курской области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование направлено на развитие теоретических подходов и разработку инструментария для оценки межрегиональной экономической дифференциации. Полученные результаты позволяют сформулировать следующие итоговые выводы, рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы.

1. *Разработана концептуальная модель межрегиональной экономической дифференциации.* В отличие от существующих подходов, фокусирующихся на отдельных аспектах пространственной дифференциации, предложенная модель интегрирует шесть групп взаимосвязанных факторов: институциональную среду, первичные условия, накопленный потенциал, агломерационные механизмы, кумулятивные процессы и макроэкономические механизмы. Модель позволяет формировать единую аналитическую рамку для эмпирических исследований и обоснованного выбора направлений региональной политики. Теоретический анализ показал, что межрегиональная экономическая дифференциация не является случайным или временным явлением, а представляет собой закономерный результат действия рыночных, институциональных и эволюционных механизмов, причём большинство из них работают скорее на усиление, чем на сглаживание различий.

2. *Разработан методический подход к оценке межрегиональной экономической дифференциации.* В отличие от разрозненного применения отдельных показателей, предложенный методический подход включает расчеты темпов роста региональных экономик и их вклада в экономику, совместное использование коэффициента вариации, коэффициента Джини и индекса Тейла с декомпозицией, а также расчёт ранговых показателей дифференциации. Это позволило комплексно оценить уровень дифференциации, выявить периоды разнонаправленной динамики измерителей, оценить вклад межокружных и

внутриокружных различий в общую дифференциацию, а также проанализировать изменение её структуры. Анализ темпов роста и долей федеральных округов и регионов в суммарном ВРП выявил устойчивую концентрацию экономической активности. Центральный федеральный округ стабильно формирует около 35% суммарного ВРП, а доля десяти ведущих регионов возросла до 63% в 2024 году, тогда как вклад десяти наименее развитых регионов составляет около 1%. Эмпирические расчёты показателей дифференциации за 1998–2024 гг. показали, что межрегиональная дифференциация имеет нелинейный характер: рост до 2005 г., снижение до 2016 г. и новый рост с пиком в 2021–2022 гг. Декомпозиция индекса Тейла подтвердила, что основная часть дифференциации (67% в среднем) формируется за счёт различий между регионами внутри федеральных округов, однако доля межокружной компоненты в последние годы увеличивается. При общей схожей траектории измерителей в отдельные годы (2001 г., 2002 г., 2004 г., 2015 г., 2022 г. и 2024 г.) их динамика была разнонаправленной, что подтверждает различную чувствительность показателей к структурным сдвигам в распределении и обосновывает необходимость их комплексного использования. Анализ ранговых коэффициентов показал, что основной вклад в усиление дифференциации вносит опережающий рост наиболее развитых регионов.

3. *Выявлена пространственная кластеризация регионов России по уровню экономического развития.* С помощью расчётов глобального и локального индексов Морана статистически подтверждена пространственная автокорреляция ВРП на душу населения регионов России. Глобальный индекс Морана (I = 0,382) свидетельствует об умеренной положительной пространственной автокорреляции, что означает, что географическая близость регионов статистически связана со схожестью их уровней развития. Локальный анализ позволил количественно выделить кластеры «богатые среди богатых» (северные ресурсодобывающие регионы и Камчатский край) и «бедные среди бедных» (регионы Северного Кавказа, а также Краснодарский и Ставропольский края). Пространственные кластеры «богатые среди бедных» и «бедные среди богатых» отсутствуют.

Полученные результаты согласуются с разработанной концептуальной моделью межрегиональной экономической дифференциации и эмпирически обосновывают необходимость учёта пространственных взаимодействий при разработке региональной политики.

4. *Разработана комплексная многомерная типология регионов.* В отличие от одномерных типологий с произвольным назначением порогов и от методов кластерного анализа, предложенная типология использует двухмерную систему координат в каждой из четырёх ключевых сфер (экономической, социальной, инновационной и демографической), а также статистические критерии выделения экстремальных типов на основе метода Тьюки. Это обеспечивает прозрачность и воспроизводимость результатов, что критически важно для практического применения в задачах региональной политики. Типология позволила выявить устойчивые группы регионов со сходными характеристиками развития, включая экстремальные типы (лидеры и кризисные регионы), требующие особого внимания, а также промежуточные типы.

5. *Разработана система дифференцированных мер региональной политики межрегиональной экономической дифференциации.* В отличие от унифицированных подходов, предложенная система увязывает выделенные типы регионов и пространственные кластеры с конкретными направлениями государственной политики. В основу системы положен обоснованный компромисс между экономической эффективностью (максимизация общенациональных темпов роста) и социальной справедливостью (обеспечение равных возможностей для граждан независимо от места проживания). Для каждого типа регионов сформулированы приоритетные меры по сферам развития, а также предложены целевые показатели региональной политики: доля регионов с экономическим спадом, доля регионов с экстремально высокой безработицей, доля регионов с устойчивой демографической убылью и индекс опережения бедных регионов. Апробация подхода на примере Курской области подтвердила его практическую применимость: детализированный анализ и сравнение с соседними регионами

позволили выявить ключевые структурные проблемы (стагнация экономики после 2022 г., дефицит высокопроизводительных рабочих мест, низкая эффективность НИОКР, ускоренная депопуляция) и сформулировать адресные рекомендации с учётом особого статуса приграничной геостратегической территории и задач восстановления.

Рекомендации для дальнейших исследований. В качестве направлений для будущих исследований предлагаются:

1. Применение разработанного методического подхода оценки межрегиональной экономической дифференциации к другим показателям, в первую очередь к скорректированным среднедушевым доходам;

2. Исследование внутрирегиональной дифференциации (на уровне муниципальных образований) с использованием элементов предлагаемого методического подхода;

3. Углублённый факторный анализ причин пространственной кластеризации с использованием эконометрических моделей пространственной регрессии;

4. Развитие методики типологизации и построение типологии регионов в динамике для оценки устойчивости типов, изменений в их составе, а также выявления траекторий перехода регионов между типами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. Москва: Изд-во АСТ, 2015. 692 с.

2. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. Москва: Мысль, 1983. 290 с.

3. Алтунина В. В., Анучина Д. А. Классификация регионов Российской Федерации в контексте пространственной поляризации // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 1453–1474.

4. Алтунина В. В., Анучина Д. А. Оценка уровня пространственной поляризации российских регионов // Экономика, Предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 1319–1340.

5. Антипин И. А., Власова Н. Ю., Шишкина Е. А. Оценка межрегиональных диспропорций в контексте политики выравнивания пространственного развития РФ // Эко. 2025. № 2 (602). С. 197–213.

6. Антипин И. А., Шишкина Е. А. Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 247, № 3. С. 179–201.

7. Белоусова А. В. Уровень бедности в РФ: Пространственный анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 73–88.

8. Бессонова Е. А., Лопатина Н. Д. Воспроизводство основного капитала как фактор эффективного развития социально-экономической системы региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 1. С. 95–108.

9. Блусь П. И., Плотников Р. В. Пространственная кластеризация как инструмент снижения внутрирегиональной неравномерности // Journal of New Economy. 2022. Т. 23, № 1. С. 88–108.

10. Бондаренко Н. Е., Губарев Р. В. Проблема регионального неравенства в социально-экономическом развитии Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17, № 5 (113). С. 56–68.

11. Боркова Е. А., Бездудная А. Г. Оценка дифференциации в развитии регионов России в контексте достижения целей устойчивого развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 1, № 8 (161). С. 109–118.

12. Буфетова А. Н. Поляризация пространственного развития России: камо грядеши? // Мир экономики и управления. 2022. Т. 22, № 1. С. 103–129.

13. Бухвальд Е. М. Российский федерализм и новая стратегия пространственного развития // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29, № 5. С. 32–43.

14. Бухвальд Е. М., Митрофанова И. В., Валентик О. Н. Пространственные аспекты новой системы национальных целей развития России // Региональная экономика. Юг России. 2024. Т. 12, № 4. С. 5–15.

15. Буянова М. Э., Башлаева И. С., Хоружая Е. Ю. Совершенствование системы мониторинга социально-экономического развития регионов РФ // Региональная экономика. Юг России. 2025. Т. 13, № 4. С. 4–13.

16. Вебер А. Теория размещения промышленности: С прилож. работы Шлира «Промышленность Германии с 1860 г.» (Otto Schlier. «Der deutsche industriekorper seit 1860»): С 35 черт. и 2 карт / пер. Морозов Н. Ленинград ; Москва: Книга, 1926. 223 с.

17. Верников А. В., Курышева А. А. Не тот эффект назвали блокировкой... («исправление имен» в российском институционализме) // Altereconomics. 2023. Т. 20, № 3. С. 485–504.

18. Влияние специализации на экономическое развитие регионов / Н. М. Сергеева, Т. Н. Соловьева, О. В. Святова [и др.] // Международный сельскохозяйственный журнал. 2022. Т. 65, № 1 (385). С. 28–32.

19. Волкова А. В. Межрегиональная дифференциация регионов РФ: методические подходы к оценке // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 251, № 1. С. 242–262.

20. Волкова А. В. Политика сглаживания дифференциации экономического пространства регионов РФ // Научные труды вольного экономического общества России. 2025. Т. 255, № 5. С. 139–161.

21. Волоцков А. А. Необходимость актуализации государственной политики пространственного и регионального развития в России в современных условиях // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14, № 1–1. С. 100–109.

22. Воспроизводственные параметры пространственного развития России в условиях интеграции новых регионов: дифференциация, факторы, приоритеты / Н. В. Брюханова, Ю. А. Мащенко, Г. Г. Уварова [и др.] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 1. С. 21–38.

23. Гагарина Г. Ю., Болотов Р. О. Оценка дифференциации доходов населения Российской Федерации с учетом межрегионального уровня цен // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Россия, Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 2022. Т. 19, № 3 (123). С. 97–108.

24. Гагарина Г. Ю., Болотов Р. О. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // Федерализм. 2021. Т. 26, № 4 (104). С. 20–34.

25. Гамидуллаева Л. А., Рослякова Н. А. Кластерно-эконометрический анализ российских регионов: выводы для дифференцированной экономической политики // Economy of Regions. 2025. Т. 21, № 2. С. 283–300.

26. Глущенко К. П. К вопросу о применении коэффициента Джини и других показателей неравенства // Вопросы статистики. 2016. № 2. С. 71–80.

27. Глущенко К. П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 54–87.

28. Глущенко К. П. Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 4 (16). С. 26–44.

29. Глущенко К. П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 39–58.

30. Глущенко К. П. Структура конвергенции региональных уровней неравенства по доходам в России // Пространственная экономика. 2023. Т. 19, № 3. С. 46–62.

31. Гранберг А. Г. Идеи Августа Лёша в России // Пространственная экономика. 2006. № 2. С. 1–22.

32. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. Учеб. для студентов вузов, обучающихся по экон. направлениям и специальностям. Москва: ГУ ВШЭ, 2001. 492 с.

33. Губеладзе Д. В. Механизмы развития регионов сквозь призму эволюционной экономической географии // Kant. 2025. № 3 (56). С. 48–58.

34. Демидова О. А. Методы пространственной эконометрики и оценка эффективности государственных программ // Прикладная эконометрика. 2021. № 4 (64). С. 107

35. Демидова О. А., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 2. С. 34–59.

36. Джурка Н. Г. Из наследия П.А. Минакира: концептуальные основы пространственного анализа в экономике // Регионалистика. 2025. Т. 12, № 2. С. 23–32.

37. Дорошенко С. В., Васильева Р. И. Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014-2021 гг. // Регионология. 2024. Т. 32, № 3 (128). С. 484–503.

38. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года : утв. Правительством Российской Федерации // Гарант. – URL:

https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411156963/ (дата обращения: 04.04.2026).

39. Елинов Д. А., Гамидуллаева Л. А. Повышение качества типологизации регионов Российской Федерации по показателям инновационного развития на основе нейронных сетей // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2025. № 4 (56). С. 68–83.

40. Жахов Н. В., Головин А. А., Головлева В. С. Социально-демографические вызовы приграничных регионов России на примере Курской, Белгородской и Брянской областей. ЗАО «Университетская книга», Курск, 2025. С. 230–235.

41. Журавлева С. В., Толстых Т. О. Подходы к реализации социально - экономической политики в регионах России // Регион: системы, экономика, управление. 2025. № 3 (70). С. 12–25.

42. Землянский Д. Ю., Медведникова Д. М. Взвешенное и невзвешенное межрегиональное неравенство в России в период действия основ государственной политики регионального развития (2017-2024 гг.) // Региональные исследования. 2025. № 3 (89). С. 4–22.

43. Зубаревич Н. В. Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2 (46). С. 158–167.

44. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // Эко. 2014. № 4 (478). С. 6–27.

45. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 226–234.

46. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. 2024. № 1 (83). С. 4–18.

47. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.

48. Зюкин Д. В., Жиляков Д. И. Оценка демографического и трудового потенциала центрально-черноземного региона // Вестник Курской Государственной Сельскохозяйственной Академии. 2024. № 8. С. 188–196.

49. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ / А. Ю. Баранов, Е. С. Малков, Л. И. Полищук [и др.] // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 69–103.

50. Инфраструктурные проекты как драйвер экономического развития региональной системы / И. А. Тронина, А. В. Семенихина, О. И. Морозова [и др.] // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 3. С. 101–113.

51. Кетова К. В., Касаткина Е. В., Вавилова Д. Д. Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития с использованием методов машинного обучения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 6. С. 70–85.

52. Клепач А. Н. Пространственное измерение долгосрочного роста российской экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248, № 4. С. 114–129.

53. Коломак Е. А. Оценка пространственной связности экономической активности российских регионов // Регион: экономика и социология. 2019. № 4 (104). С. 55–72.

54. Коломак Е. А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.

55. Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 4. С. 85–106.

56. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. 206 с.

57. Коробов С. А., Мельмонт Д. Д. Теоретические основы формирования региональной экономической политики в отечественной и зарубежной практике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 1. С. 10–19.

58. Красных С. С. Оценка уровня цифровизации регионов России с позиции межрегионального взаимодействия // Информационное общество. 2023. № 3. С. 120–128.

59. Крюков В. А., Коломак Е. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227, № 1. С. 92–114.

60. Кузнецова О. В. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4 (96). С. 112–125.

61. Кузнецова О. В. Вклад федеральной политики в снижение внутрирегиональных экономических диспропорций: опыт и перспективы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8, № 2. С. 15–25.

62. Кузнецова О. В. Ключевые вопросы реализации стратегии пространственного развития России-2030 // Вестник Российской академии наук. 2025. № 4. С. 53–57.

63. Кузнецова О. В. Муниципальный уровень в федеральной пространственной политике: современные приоритеты. 2022. С. 68–72.

64. Кузнецова О. В. Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России // Региональные исследования. 2022. № 2 (76). С. 16–24.

65. Кузнецова О. В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5: география. 2014. № 2. С. 3–8.

66. Кулагина Н. А. Методический подход к мониторингу и оценке неравномерности развития социальной инфраструктуры регионов на основе

интегральных индексов с учетом рисков в сфере образования // Индустриальная Экономика. 2025. № S4. С. 183–189.

67. Кулагина Н. А., Васильев А. А. Оценка межрегионального неравенства по уровню кадровой безопасности: теоретические и прикладные аспекты // Прикладные Экономические Исследования. 2026. № 6. С. 106–112.

68. Лазарева В. В., Власова Н. Ю. Региональная политика в отношении приграничных территорий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 247, № 3. С. 265–287.

69. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Организация статистических исследований и системного мониторинга развития макрорегионов // Регион: экономика и социология. 2016. № 3 (91). С. 3–27.

70. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Пространственные трансформации как предмет научных исследований и государственной политики // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4 (211). С. 24–34.

71. Лёш А. Пространственная организация хозяйства / под ред. Гранберг А. Г.; пер. Стрелецкий В. Н. Москва: Наука, 2007. 662 с.

72. Лившиц В. Н., Шаталова О. М., Касаткина Е. В. Межрегиональная дифференциация в РФ: эмпирический анализ влияния территориальной локализации отраслей на уровень экономической активности регионов // Экономика и математические методы. 2023. Т. 59, № 3. С. 77–90.

73. Лимонов Л. Э. и др. Региональная экономика и экономическая география: учебник для вузов, 3-е издание. Юрайт, 2023. 377 с.

74. Малкина М. Ю. К вопросу о необходимости взвешивания в межрегиональных исследованиях (ответ на статью К.П. Глущенко) // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 163–184.

75. Мальцева И. Ф., Положенцева Ю. С. Обеспечение экономического суверенитета Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Известия Юго-Западного Государственного Университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 4. С. 58–75.

76. Манаева И. В. Городское экономическое неравенство в РФ: показатели, оценка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12, № 10 (343). С. 46–57.

77. Манаева И. В. Качество жизни в российских регионах: эмпирический анализ // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 4. С. 71–92.

78. Манаева И. В. Особенности социально-экономического неравенства в городах России // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16, № 5 (464). С. 960–970.

79. Медведева Д. С., Бессонова Е. А., Святова О. В. Региональная экономическая политика как инструмент сбалансированного развития: оценка целей, инструментария и результативности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 2. С. 34–48.

80. Мельникова Л. В. «Ядро-периферия» и периферийность в региональной науке // Пространственная экономика. 2024. Т. 20, № 1. С. 144–162.

81. Минакир П. А. Пространственный анализ в экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 176–180.

82. Минакир П. А. Экономический рост и развитие: региональное приложение // Федерализм. 2013. № 2 (70). С. 49–62.

83. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. Полтерович В. М. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2014. 272 с.

84. Михеева Н. Н. «Новые» региональные пропорции: результаты пересчета валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. 2022. № 3 (192). С. 78–88.

85. Михеева Н. Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1 (178). С. 32–42.

86. Михеева Н. Н. Российские регионы в современных условиях: старые проблемы и новые возможности. Институт экономических исследований ДВО РАН, 2024. С. 241–249.

87. Михеева Н. Н., Басарева В. Г. Региональные особенности бедности в России // Проблемы прогнозирования. 2021. № 5 (188). С. 74–85.

88. Направления и инструменты цифровизации экономического пространства : монография / О. В. Асеев, И. М. Барков, Е. С. Беляева [и др.]. – Курск : Университетская книга, 2024. – 179 с.

89. Наумов И. В., Седельников В. М., Аверина Л. М. Эволюция теорий пространственного развития: принципиальные особенности и современные задачи исследований // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 2. С. 383–398.

90. Некрасов Н. Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы. Экономика, 1978. 343 с.

91. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. Нестеренко А. Н. Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

92. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики: учебник для студентов экономических вузов. 2-е-е изд., перераб. и доп изд. Москва: Норма, 2008. 639 с.

93. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 22.04.2026).

94. О прогнозе социально-экономического развития Курской области на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов : распоряжение Правительства Курской области от 31.10.2025 № 896-рп // Официальный сайт Правительства Курской области. (дата обращения: 04.04.2026).

95. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202107030001 (дата обращения: 04.04.2026).

96. О Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года : Закон Курской области от 14.12.2020 № 100-ЗКО (ред. от 07.02.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202012180002 (дата обращения: 24.04.2026).

97. Об установлении целевых показателей уровня оплаты труда по основным видам экономической деятельности в организациях внебюджетного сектора экономики Курской области на 2025 год : постановление Правительства Курской области от 21.05.2025 № 367-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202505260005 (дата обращения: 28.04.2026).

98. Об утверждении методики расчета показателя «Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)» Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года : приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 19.03.2025 № 116 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502678/ (дата обращения: 04.04.2026).

99. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/71587690/ (дата обращения: 22.04.2026).

100. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия : распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202203070001 (дата обращения: 20.04.2026).

101. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р // Правительство Российской Федерации : официальный сайт. – Москва, [2024]. – URL: http://government.ru/docs/all/157308/ (дата обращения: 22.04.2026).

102. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/72174066/ (дата обращения: 22.04.2026). – Документ утратил силу с 28.12.2024.

103. Об утверждении Федерального плана статистических работ : распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 671-р (ред. от 13.01.2026) : вместе с «Федеральным планом статистических работ» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111344/ (дата обращения: 04.04.2026).

104. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения / В. Н. Бобков, Р. В. Губарев, Е. И. Дзюба [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 55–73.

105. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения: пер. А. П. Горюнова // Пространственная экономика. 2007. № №2. С. 77–93.

106. Повышение достоверности оценки валового регионального продукта при построении прогнозов развития региона / О. И. Карасев, В. И. Кондратьева, Н. Н. Михеева [и др.] // Вопросы статистики. 2017. № 5. С. 3–18.

107. Полбин А. В., Ивахненко Т. Ю. Конвергенция неравенства доходов в российских регионах // Пространственная экономика. 2022. Т. 18, № 4. С. 68–92.

108. Положенцева Ю. С. Стратегическое планирование социально-экономического развития регионов: эволюция, вызовы и новые управленческие подходы // Известия Юго-Западного Государственного Университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2026. Т. 16, № 3. С. 86–102.

109. Полынев А. О., Гришина И. В. Методические подходы к построению типологии регионов для разработки стратегии пространственного развития России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 1. С. 29–41.

110. Понятия и определения (ВРП) // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : [офиц. сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/WXWTVX2I/Понятия%20и%20определения%20%28ВРП%29.pdf (дата обращения: 03.03.2026)

111. Приложение № 1 к приказу Федеральной службы государственной статистики от 22.09.2025 № 522 «Об утверждении официальных статистических методологий формирования основных показателей, характеризующих уровень и динамику доходов населения» // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/412780647/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 03.03.2026).

112. Протасов Ю. М., Юров В. М. Кластеризация регионов РФ по уровню их социально-экономического развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: экономика. 2022. № 2. С. 95–103.

113. Распределение дотаций на выравнивание по субъектам Российской Федерации и их роль в изменении межрегионального бюджетного неравенства / Д. Ю. Землянский, Д. М. Медведникова, Л. В. Калиновский [и др.] // Региональные исследования. 2024. № 2 (84). С. 4–17.

114. Региональная политика России: адаптация к разнообразию : аналит. докл. / Г. А. Сатаров, Ю. Н. Благовещенский, М. А. Краснов [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Сатарова. – Москва : Фонд ИНДЕМ, 2004. – 190 с.

115. Ресурсное обеспечение технологического суверенитета в решении задач регионального и национального экономического развития / Т. С. Колмыкова, Е. А. Мерзлякова, И. В. Журбенко [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. Т. 1, № 2 (155). С. 73–80.

116. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. – Москва : ТЕИС, 2011. – 346 с.

117. Россия 2035: к новому качеству национальной экономики : научный доклад / под ред. чл.-корр. РАН А. А. Широва ; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – Москва : Артик Принт, 2024. – 264 с.

118. Россия 2035: новое качество национальной экономики / А. А. Широв, Д. Р. Белоусов, А. А. Блохин [и др.] // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2 (203). С. 6–20.

119. Русановский В. А., Марков В. А. Занятость и производительность труда в макрорегионах России: пространственные взаимозависимости // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2 (167). С. 36–48.

120. Рюмина Е. В., Федотов А. А. Типология регионов России по показателям человеческого потенциала // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 1. С. 114–126.

121. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред. Горкин А. П. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.

122. Стебленко В. В. Концептуальная модель межрегиональной экономической дифференциации: синтез теоретических подходов // Естественно-гуманитарные исследования. 2026. № 2 (64). С. 410–414.

123. Стебленко В. В. Обзор определений понятия «регион» в российской региональной экономике и социально-экономической географии. Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2024. С. 196–200.

124. Стебленко В. В., Ершова И. Г. Анализ взаимосвязи уровня развития регионов и цифрового неравенства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 3. С. 152–162.

125. Стебленко В. В., Ершова И. Г. Динамика рейтингов инновационного развития российских регионов // Современные проблемы инновационной экономики. 2024. № 11. С. 104–107.

126. Стебленко В. В., Ершова И. Г. Методики оценки межрегионального экономического неравенства // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 5 (61). С. 428–431.

127. Стебленко В. В., Ершова И. Г. Оценка вклада регионов в экономическое развитие России. Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития: сб. материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской академии наук и 55-летнему юбилею Института. – Донецк: ГБУ «Институт экономических исследований», 2024. С. 170–180.

128. Стебленко В. В., Ершова И. Г. Оценка и декомпозиция межрегионального экономического неравенства в России // Вестник Академии знаний. 2025. № 6 (71). С. 678–683.

129. Стебленко В. В., Ершова И. Г. Оценка межрегионального экономического неравенства в России // Вестник Института экономических исследований. 2025. № 2 (38). С. 53–61.

130. Стрябкова Е. А., Добродомова Т. Н., Раковская-Самойлова А.Х. Стратегирование пространственного развития приграничных регионов в новых геоэкономических условиях // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 6 (62). С. 716–719.

131. Типология российских регионов / Б. Бутс, С. М. Дробышевский, О. Кочеткова [и др.] ; под ред. Н. Г. Главацкой ; Российско-Канадский консорциум по вопросам прикладных экономических исследований. – Москва : Институт экономики переходного периода, 2002. – 495 с.

132. Ткачева Т. Ю. Формирование экономического суверенитета Российской Федерации: региональный аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 6. С. 54–64.

133. Толстых Т. О., Шацкий А. А. Развитие регионов в условиях технологических преобразований: оценка, диагностика и реализация // Экономика высокотехнологичных производств. 2024. Т. 5, № 3. С. 237–248.

134. Тюнен И. Г. Изолированное государство / под ред. Рыбникова А. А.; пер. Торнеус Е. А. Москва: Экономическая жизнь, 1926. 326 с.

135. Ушакова Е. А., Леонова Л. А., Аладышкина А. С. Исследование межрегиональной дифференциации в России в контексте устойчивого развития на основе метода главных компонент // Псковский регионологический журнал. 2025. Т. 21, № 2. С. 35–51.

136. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 28.04.2026).

137. Шаталова О. М. Дифференциация экономического пространства РФ: структурный анализ на уровне макрорегионов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: экономика и менеджмент. 2022. Т. 16, № 2. С. 55–63.

138. Шаталова О. М., Касаткина Е. В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 4. С. 74–87.

139. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth. Elsevier, 2005. Vol. 1, Part A. P. 385–472.

140. Anselin L. Local Indicators of Spatial Association—LISA // Geographical Analysis. 1995. Vol. 27, No. 2. P. 93–115.

141. Barro R. J., Sala-i-Martin X. Convergence // Journal of Political Economy. University of Chicago Press, 1992. Vol. 100, No. 2. P. 223–251.

142. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland: eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Jena: G. Fischer, 1933. 331 S.

143. Frenken K., Oort F., Verburg T. Related Variety, Unrelated Variety and Regional Economic Growth // Regional Studies. Taylor & Francis Journals, 2007. Vol. 41, No. 5. P. 685–697.

144. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. 279 p.

145. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. University of Chicago Press, 1991. Vol. 99, No. 3. P. 483–499.

146. Kuznets S. Modern Economic Growth: Findings and Reflections // The American Economic Review. American Economic Association, 1973. Vol. 63, No. 3. P. 247–258.

147. Lucas R. On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22, No. 1. P. 3–42.

148. Martin R., Sunley P. Path dependence and regional economic evolution // Journal of Economic Geography. Oxford University Press, 2006. Vol. 6, No. 4. P. 395–437.

149. Moran P. A. P. The Interpretation of Statistical Maps // Journal of the Royal Statistical Society Series B: Statistical Methodology. 1948. Vol. 10, No. 2. P. 243–251.

150. Myrdal G. Economic Theory and Under-developed Regions. G. Duckworth, 1957. 200 p.

151. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990. 152 p.

152. Perroux F. Economic Space: Theory and Applications // The Quarterly Journal of Economics. Oxford University Press, 1950. Vol. 64, No. 1. P. 89–104.

153. Perroux F. Note on the Concept of Growth Poles // Regional Economics: Theory and Practice / ed. by McKee D. New York: The Free Press, 1970. P. 93–104.

154. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. Free Press, 1990. 855 p.

155. Regional development and cohesion // European Investment Bank (EIB) : official website. URL: https://www.eib.org/en/projects/topics/regional-development/ (дата обращения: 16.03.2026).

156. Rey S. J., Janikas M. V. Regional convergence, inequality, and space // Journal of Economic Geography. 2005. Vol. 5, No. 2. P. 155–176.

157. Romer P. M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. University of Chicago Press, 1990. Vol. 98, No. 5. P. 71–102.

158. Sattath S., Tversky A. Additive similarity trees // Psychometrika. 1977. Vol. 42, No. 3. P. 319–345.

159. Sen A. Chapter 1. The concept of development // Handbook of Development Economics / ed. by H. Chenery, T. N. Srinivasan. – Amsterdam : North-Holland, 1988. Vol. 1. P. 9–26.

160. Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70, No. 1. P. 65–94.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Таблица А.1 – Индексы физического объема ВРП федеральных округов России, 1998–2024 гг.

Округ\год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
РФ	-6,5%	5,6%	10,6%	6,0%	5,5%	7,6%	7,4%	7,6%	8,3%	8,3%	5,7%	-7,6%	4,6%
ЦФО	-5,4%	6,2%	14,9%	3,6%	7,6%	8,7%	7,4%	9,8%	9,9%	8,9%	7,5%	-10,8%	3,0%
СЗФО	-4,4%	7,4%	9,7%	4,8%	8,6%	7,1%	8,5%	6,6%	7,7%	9,0%	4,7%	-5,1%	4,4%
ЮФО	-5,9%	10,1%	11,7%	6,2%	5,8%	3,8%	9,8%	6,1%	8,8%	10,1%	8,5%	-7,2%	5,4%
СКФО	-4,9%	4,3%	10,9%	12,9%	7,3%	6,9%	12,0%	8,6%	10,3%	10,1%	8,4%	1,2%	3,5%
ПФО	-8,1%	5,2%	8,4%	6,9%	2,6%	6,9%	5,8%	4,5%	7,9%	9,1%	5,2%	-7,5%	5,5%
УФО	-6,5%	2,8%	10,1%	8,9%	4,2%	8,4%	6,7%	10,2%	7,5%	5,5%	3,4%	-8,0%	6,8%
СФО	-7,6%	4,0%	7,5%	6,9%	4,1%	7,5%	8,8%	4,9%	6,2%	7,3%	3,8%	-4,2%	4,5%
ДФО	-7,9%	6,5%	3,7%	6,1%	3,7%	6,1%	6,1%	4,6%	5,4%	9,5%	4,0%	0,8%	6,3%

Окончание таблицы А.1

Округ\год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
РФ	5,4%	3,1%	1,8%	1,3%	-0,6%	0,8%	1,9%	3,0%	2,0%	-1,7%	7,2%	0,2%	5,2%	4,5%
ЦФО	4,8%	3,7%	1,6%	0,8%	-0,7%	1,3%	1,9%	3,7%	2,7%	0,3%	9,3%	-1,1%	8,4%	5,8%
СЗФО	6,1%	3,8%	0,3%	0,9%	1,5%	1,7%	0,9%	0,6%	1,9%	-1,9%	12,2%	-2,5%	-0,2%	6,4%
ЮФО	6,5%	3,7%	4,0%	2,1%	-0,5%	1,3%	3,3%	1,9%	1,2%	-1,4%	4,4%	4,7%	5,7%	2,9%
СКФО	6,5%	3,4%	3,6%	4,6%	-0,2%	0,9%	1,5%	1,0%	1,7%	-0,2%	4,9%	2,2%	7,3%	5,6%
ПФО	6,8%	4,1%	2,4%	2,0%	-1,3%	0,0%	1,4%	2,0%	2,1%	-2,8%	3,3%	1,6%	6,2%	4,7%
УФО	4,6%	1,5%	2,2%	-1,0%	-1,2%	0,3%	2,9%	5,2%	0,7%	-4,7%	6,2%	1,1%	2,6%	1,4%
СФО	5,0%	3,1%	2,4%	2,1%	-1,2%	0,5%	2,4%	2,7%	1,4%	-3,3%	3,2%	2,1%	1,4%	2,9%
ДФО	5,4%	-1,1%	-0,9%	1,1%	0,5%	-0,1%	0,1%	3,4%	3,1%	-1,9%	6,2%	-0,3%	6,9%	4,2%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Таблица А.2 – Индексы физического объема ВРП на душу населения федеральных округов России, 2005–2024 гг.

Округ\год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
РФ	8,0%	8,6%	8,5%	5,7%	-7,6%	4,6%	5,3%	2,8%	1,5%	-0,6%	-0,9%	0,5%
ЦФО	9,6%	9,7%	8,8%	7,4%	-11,0%	2,8%	4,5%	3,1%	0,9%	0,2%	-1,3%	0,7%
СЗФО	7,1%	8,2%	9,3%	4,9%	-5,0%	4,3%	5,9%	3,4%	-0,2%	0,5%	1,3%	1,5%
ЮФО	6,3%	9,0%	10,1%	8,4%	-7,3%	5,4%	6,4%	3,3%	3,6%	-12,5%	-1,2%	0,6%
СКФО	8,2%	9,8%	9,2%	7,3%	0,3%	2,6%	5,8%	2,7%	2,9%	3,8%	-1,0%	0,1%
ПФО	5,2%	8,7%	9,6%	5,5%	-7,2%	5,8%	7,1%	4,3%	2,5%	2,1%	-1,2%	0,1%
УФО	10,9%	8,0%	5,7%	3,4%	-8,1%	6,8%	4,4%	1,0%	1,8%	-1,3%	-1,5%	0,0%
СФО	5,8%	7,1%	8,0%	4,3%	-4,0%	4,5%	5,1%	3,1%	2,4%	2,1%	-1,2%	0,5%
ДФО	5,7%	6,3%	10,1%	3,8%	1,8%	7,1%	5,7%	-0,7%	-0,5%	1,5%	0,8%	0,2%

Окончание таблицы А.2

Округ\год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
РФ	1,7%	2,9%	1,9%	-1,6%	7,6%	0,5%	5,5%	4,6%
ЦФО	1,4%	3,2%	2,3%	0,2%	9,5%	-1,0%	8,5%	5,7%
СЗФО	0,6%	0,4%	1,8%	-1,8%	12,5%	-2,2%	0,1%	6,4%
ЮФО	2,8%	1,6%	0,9%	-1,5%	4,5%	5,0%	6,0%	3,1%
СКФО	0,8%	0,4%	1,0%	-0,8%	4,4%	1,8%	6,9%	5,1%
ПФО	1,6%	2,4%	2,5%	-2,3%	4,1%	2,3%	6,8%	5,2%
УФО	2,7%	5,2%	0,7%	-4,6%	6,5%	1,3%	2,7%	1,3%
СФО	2,6%	3,0%	1,8%	-2,7%	4,0%	2,8%	2,0%	3,4%
ДФО	0,5%	3,9%	3,6%	-1,4%	6,9%	0,4%	7,6%	4,5%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Таблица А.3 – Индексы физического объема ВРП 5 лучших и 5 худших региона России (2024 г. к 1998 г.), 1998–2024 гг.

Регион\год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Респ. Дагестан	-8,3%	1,8%	14,9%	19,0%	11,1%	13,9%	15,9%	8,8%	15,2%	17,0%	12,7%	8,9%	3,6%	8,0%
Ленинградская обл.	-6,4%	13,7%	12,6%	8,4%	16,2%	14,3%	8,7%	9,6%	11,2%	6,3%	5,3%	-0,4%	5,4%	6,5%
Белгородская обл.	-3,6%	11,1%	13,5%	2,3%	3,9%	7,4%	5,8%	7,4%	11,3%	13,2%	12,3%	1,5%	9,8%	11,0%
Республика Адыгея	-3,7%	4,7%	5,6%	0,7%	1,2%	3,9%	11,5%	7,9%	7,0%	16,0%	14,0%	6,1%	4,4%	5,6%
Кабардино-Балкарская респ.	0,6%	9,1%	18,2%	15,0%	5,6%	4,5%	6,2%	7,8%	4,8%	4,8%	7,9%	4,2%	5,5%	4,1%
Респ. Карелия	-7,2%	10,9%	8,3%	2,8%	7,5%	1,6%	3,0%	6,9%	5,1%	8,5%	-4,6%	-12,4%	4,4%	2,2%
Камчатский край	-8,2%	-7,1%	6,3%	-4,0%	-3,6%	5,8%	-5,9%	4,9%	5,7%	5,8%	4,2%	5,2%	-0,5%	3,5%
Магаданская обл.	-18,8%	-3,1%	1,8%	2,6%	5,2%	-5,4%	0,0%	-2,1%	0,4%	-0,7%	5,3%	-0,7%	4,4%	2,4%
Респ. Коми	-0,6%	-3,7%	10,1%	7,9%	-3,4%	3,9%	5,1%	4,0%	8,6%	-0,4%	3,3%	-1,5%	2,6%	5,7%
Мурманская обл.	-3,9%	6,0%	4,2%	1,6%	-2,0%	1,1%	3,8%	2,4%	2,7%	2,2%	-0,2%	-8,8%	-0,6%	-0,2%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Окончание таблицы А.3

Регион\год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024 к 1997
Респ. Дагестан	4,6%	6,3%	6,3%	-1,4%	1,4%	3,2%	1,1%	0,9%	-0,7%	2,7%	1,8%	5,2%	4,4%	434,7%
Ленинградская обл.	6,2%	-1,4%	0,2%	4,6%	1,8%	1,6%	4,5%	3,0%	-0,5%	6,5%	0,0%	9,0%	12,4%	353,7%
Белгородская обл.	5,5%	3,0%	2,8%	3,0%	3,4%	4,0%	2,5%	1,9%	0,0%	2,7%	-0,9%	3,2%	2,3%	283,2%
Республика Адыгея	5,9%	2,7%	3,8%	0,8%	1,9%	2,6%	3,3%	4,4%	3,7%	3,3%	3,8%	6,9%	9,8%	275,9%
Кабардино-Балкарская респ.	5,8%	-1,2%	1,6%	1,9%	2,5%	0,4%	1,2%	-0,5%	0,0%	5,4%	6,8%	8,2%	7,3%	274,6%
Респ. Карелия	1,5%	0,7%	0,1%	0,4%	0,1%	0,6%	1,3%	0,3%	0,2%	2,8%	-9,1%	3,7%	-2,0%	40,1%
Камчатский край	2,2%	-0,5%	0,9%	1,9%	3,2%	1,1%	6,7%	-0,1%	-0,1%	7,1%	-8,8%	12,2%	-3,6%	35,7%
Магаданская обл.	3,6%	3,9%	3,0%	2,2%	-1,4%	6,1%	2,9%	4,9%	4,9%	6,0%	-7,8%	4,6%	5,7%	29,4%
Респ. Коми	1,8%	-3,3%	-4,3%	-1,7%	-1,5%	-3,7%	-1,2%	0,8%	-6,2%	2,0%	-0,3%	-0,6%	0,8%	24,5%
Мурманская обл.	0,5%	0,8%	1,3%	1,2%	0,6%	1,4%	0,7%	5,1%	7,1%	5,6%	-7,5%	-7,9%	-2,5%	13,4%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Таблица А.4 – Индексы физического объема ВРП 5 лучших и 5 худших региона России (2024 г. к 2014 г.), 2015–2024 гг.

Регион\год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024 к 2014
Чеченская Республика	2,9%	4,4%	2,6%	1,7%	4,6%	1,5%	2,0%	4,5%	16,7%	22,6%	81,5%
Амурская область	3,7%	-1,4%	-2,7%	1,5%	13,8%	1,6%	7,2%	2,2%	18,6%	11,9%	69,8%
г. Севастополь	4,5%	7,7%	7,1%	6,4%	6,1%	-2,7%	7,6%	9,4%	6,1%	0,9%	66,9%
Тульская область	5,6%	4,1%	3,9%	3,3%	0,3%	3,2%	5,2%	3,8%	9,8%	4,5%	53,0%
Республика Крым	8,5%	6,0%	3,9%	5,1%	3,2%	0,9%	4,4%	-2,0%	4,3%	9,0%	52,1%
Сахалинская область	3,1%	0,0%	-5,6%	6,8%	0,3%	-1,8%	-2,5%	-4,5%	3,9%	0,6%	-0,4%
Волгоградская область	-6,2%	-1,4%	0,0%	-0,1%	0,1%	-1,6%	-3,7%	4,0%	8,2%	0,9%	-0,5%
Республика Карелия	0,4%	0,1%	0,6%	1,3%	0,3%	0,2%	2,8%	-9,1%	3,7%	-2,0%	-2,3%
ХМАО	-1,8%	-2,4%	0,2%	1,0%	-1,2%	-8,0%	7,0%	2,6%	0,2%	-1,8%	-4,8%
Республика Коми	-1,7%	-1,5%	-3,7%	-1,2%	0,8%	-6,2%	2,0%	-0,3%	-0,6%	0,8%	-11,2%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Таблица А.5 – Индексы физического объема ВРП 5 лучших и 5 худших региона России (2024 г. к 2019 г.), 2020–2024 гг.

Регион\год	2020	2021	2022	2023	2024	2024 к 2019
Республика Калмыкия	-2,9%	-0,2%	8,5%	25,6%	18,6%	56,6%
Чеченская Республика	1,5%	2,0%	4,5%	16,7%	22,6%	54,8%
Амурская область	1,6%	7,2%	2,2%	18,6%	11,9%	47,7%
Кабардино-Балкарская Республика	0,0%	5,4%	6,8%	8,2%	7,3%	30,7%
Республика Адыгея	3,7%	3,3%	3,8%	6,9%	9,8%	30,5%
Красноярский край	-6,0%	-0,3%	2,2%	0,5%	1,7%	-2,1%
Республика Коми	-6,2%	2,0%	-0,3%	-0,6%	0,8%	-4,4%
Сахалинская область	-1,8%	-2,5%	-4,5%	3,9%	0,6%	-4,4%
Республика Карелия	0,2%	2,8%	-9,1%	3,7%	-2,0%	-4,8%
Мурманская область	7,1%	5,6%	-7,5%	-7,9%	-2,5%	-6,1%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Таблица А.6 – Индексы физического объема ВРП на душу населения 5 лучших и 5 худших региона России (2024 г. к 2004), 2005–2024 гг.

Регион\год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Тульская обл.	7,6%	10,2%	13,0%	8,2%	-6,2%	4,4%	5,9%	2,7%	4,8%	6,1%	5,7%
Респ. Адыгея	8,3%	7,5%	16,5%	13,9%	5,9%	4,3%	5,3%	4,7%	1,6%	2,6%	-0,4%
Белгородская обл.	7,5%	11,2%	12,9%	11,9%	1,1%	9,6%	10,9%	5,2%	2,7%	2,5%	2,8%
Пензенская обл.	1,4%	8,8%	16,8%	8,2%	-4,2%	2,3%	8,6%	7,4%	5,3%	4,1%	4,4%
Амурская обл.	4,7%	4,7%	10,1%	5,7%	-1,1%	6,6%	9,0%	-1,9%	-9,9%	3,7%	4,2%
Вологодская обл.	5,3%	5,6%	5,7%	-2,8%	-12,5%	6,2%	7,3%	5,0%	-4,1%	3,2%	1,5%
Респ. Тыва	0,2%	4,2%	6,1%	-0,4%	-0,9%	3,7%	0,6%	1,6%	0,5%	3,9%	-2,1%
Кемеровская обл.	7,9%	8,1%	7,3%	2,3%	-7,0%	3,0%	2,7%	-3,8%	-3,7%	2,5%	-0,7%
Тюменская обл.	10,6%	5,7%	2,5%	3,1%	-6,4%	5,2%	1,9%	-1,8%	1,1%	-2,9%	-1,8%
Томская обл.	-3,1%	3,0%	3,9%	2,0%	-4,2%	3,9%	2,8%	2,9%	1,3%	-0,2%	0,1%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Окончание таблицы А.6

Регион\год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024 к 2004
Тульская обл.	4,2%	4,0%	3,6%	0,8%	3,8%	6,0%	4,7%	10,8%	5,3%	176,0%
Респ. Адыгея	0,8%	1,8%	2,6%	2,8%	2,2%	2,2%	3,0%	6,7%	9,5%	165,7%
Белгородская обл.	3,2%	4,0%	2,7%	1,9%	0,2%	3,2%	0,1%	4,5%	3,4%	165,4%
Пензенская обл.	-2,4%	2,8%	4,5%	4,1%	4,3%	3,1%	2,6%	7,4%	7,7%	154,0%
Амурская обл.	-0,8%	-2,2%	2,2%	14,5%	2,4%	8,5%	3,4%	19,7%	12,1%	145,0%
Вологодская обл.	0,4%	1,2%	3,3%	0,5%	-1,5%	3,7%	-3,9%	3,4%	3,4%	33,0%
Респ. Тыва	0,3%	0,8%	-0,7%	0,9%	-5,5%	-2,0%	7,7%	3,9%	6,0%	31,8%
Кемеровская обл.	-2,7%	2,6%	2,9%	0,8%	-3,0%	8,1%	0,3%	0,5%	-1,6%	27,9%
Тюменская обл.	-0,6%	2,4%	6,0%	0,1%	-7,1%	6,3%	0,8%	-0,7%	-0,4%	24,8%
Томская обл.	0,7%	-0,9%	1,3%	0,2%	-6,5%	3,8%	0,6%	3,8%	4,5%	20,9%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Таблица А.7 – Индексы физического объема ВРП на душу населения 5 лучших и 5 худших региона России (2024 г. к 2014), 2015–2024 гг.

Регион\год	2015		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024 к 2014
Амурская область	4,2%	-0,8%	-2,2%	2,2%	14,5%	2,4%	8,5%	3,4%	19,7%	12,1%	82,4%	
Тульская область	5,7%	4,2%	4,0%	3,6%	0,8%	3,8%	6,0%	4,7%	10,8%	5,3%	60,8%	
Чеченская Республика	1,1%	2,7%	1,1%	0,2%	3,1%	0,1%	0,8%	3,3%	15,2%	20,9%	57,4%	
Республика Калмыкия	-3,5%	-1,4%	2,1%	1,0%	0,4%	-2,4%	0,5%	9,4%	25,5%	17,9%	56,4%	
Республика Крым	7,4%	5,3%	3,4%	4,8%	3,0%	0,9%	4,6%	-1,6%	4,9%	9,4%	50,4%	
Волгоградская область	-5,9%	-1,1%	0,3%	0,3%	0,5%	-1,1%	-3,1%	4,9%	9,1%	1,6%	4,8%	
Республика Коми	0,0%	0,1%	-2,0%	0,8%	2,9%	-4,4%	4,0%	1,3%	0,3%	1,6%	4,4%	
Тюменская область	-1,8%	-0,6%	2,4%	6,0%	0,1%	-7,1%	6,3%	0,8%	-0,7%	-0,4%	4,4%	
Республика Ингушетия	-4,2%	-4,3%	1,9%	2,3%	0,2%	-7,5%	-1,2%	2,1%	2,1%	-0,2%	-9,0%	
ХМАО	-2,8%	-3,5%	-0,7%	0,4%	-1,8%	-8,7%	6,1%	1,6%	-1,1%	-3,2%	-13,5%	

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Таблица А.8 – Индексы физического объема ВРП на душу населения 5 лучших и 5 худших региона России (2024 г. к 2019), 2019–2024 гг.

Регион\год	2020	2021	2022	2023	2024	2024 к 2019
Республика Калмыкия	-2,4%	0,5%	9,4%	25,5%	17,9%	59%
Амурская область	2,4%	8,5%	3,4%	19,7%	12,1%	54%
Чеченская Республика	0,1%	0,8%	3,3%	15,2%	20,9%	45%
Тульская область	3,8%	6,0%	4,7%	10,8%	5,3%	34%
Забайкальский край	5,5%	6,4%	-2,0%	14,3%	5,6%	33%
Красноярский край	-5,7%	0,0%	2,5%	0,7%	1,8%	-1%
НАО	-14,3%	8,9%	12,4%	-4,0%	-2,0%	-1%
Тюменская область	-7,1%	6,3%	0,8%	-0,7%	-0,4%	-2%
Республика Ингушетия	-7,5%	-1,2%	2,1%	2,1%	-0,2%	-5%
ХМАО	-8,7%	6,1%	1,6%	-1,1%	-3,2%	-6%

Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных Росстата

Приложение Б

Таблица Б.1 – Доли федеральных округов в суммарном ВРП России, %

Округ	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
ЦФО	28,2	31,1	32	31,3	32,9	33,3	33,1	34,9	35,5	36,3	37,4	35,7	35,7	35,4
СЗФО	10,7	10,5	10,1	9,9	10,1	10,2	10,6	10	9,9	10	9,9	10,5	10,3	10,5
ЮФО	6	6	5,7	5,9	5,9	5,7	5,5	5,3	5,3	5,7	5,9	6,2	6,1	6,1
СКФО	2,2	1,9	1,8	2	2	2	2	1,9	2	2,2	2,2	2,5	2,4	2,4
ПФО	19,1	18,4	18	18	17	16,8	16,4	15,5	15,5	15,3	15,7	15,4	15,2	15,5
УФО	14	13,7	15,1	15,6	15,3	15,4	16	17,1	16,5	15,2	14,2	13,6	13,6	13,9
СФО	12,3	11,2	11	10,9	10,4	10,3	10,8	9,9	10,1	10	9,4	9,8	10,3	9,8
ДФО	7,5	7,1	6,3	6,4	6,3	6,2	5,8	5,4	5,2	5,3	5,3	6,3	6,4	6,4

Окончание таблицы Б.1

Округ	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ЦФО	35	35,5	35,3	34,5	35,2	35,6	35,6	36,2	37,4	35,2	34,4	35,7	35,4
СЗФО	10,4	10,2	10,1	10,9	11,3	11	10,8	10,8	11,1	13,6	13,4	11,9	12
ЮФО	6,3	6,6	7	7	7,4	7,1	6,8	6,8	6,8	6,4	6,8	7	6,9
СКФО	2,4	2,5	2,7	2,6	2,7	2,6	2,4	2,4	2,6	2,2	2,2	2,2	2,3
ПФО	15,7	15,7	15,4	15,4	14,8	14,6	14,3	14,5	14,3	13,7	13,7	13,8	14,1
УФО	14,3	14	13,7	13,8	13,1	13,5	14,2	13,6	12	13,5	13,9	14,2	14,2
СФО	9,7	9,6	9,7	9,6	9,4	9,6	9,7	9,5	9,5	9,3	9,3	8,9	8,8
ДФО	6,2	5,9	6,1	6,2	6,1	6	6,2	6,2	6,3	6,1	6,3	6,3	6,3

Источник: Росстат

Приложение В

Таблица В.1 – Рассчитанные показатели межрегиональной экономической дифференциации, 1998–2024 гг.

Показатель \год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Коэффициент вариации	0,63	0,66	0,74	0,75	0,75	0,77	0,76	0,85	0,81	0,77	0,75	0,79	0,76
Размах вариации	55159	93032	170250	224236	267871	330814	453779	655773	751154	789965	887227	826248	929017
Коэффициент осцилляции	3,99	4,11	5,20	5,35	5,20	5,21	5,63	6,58	6,06	5,11	4,72	4,33	4,20
Коэффициент Джини	0,29	0,31	0,32	0,32	0,31	0,32	0,32	0,33	0,33	0,32	0,31	0,32	0,32
Индекс Тейла	0,15	0,17	0,19	0,19	0,19	0,20	0,20	0,23	0,21	0,20	0,20	0,21	0,20
Межокружное неравенство (индекс Тейла между ФО)	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,07	0,07	0,07	0,07	0,06	0,06	0,07	0,07
Внутриокружное неравенство (индекс Тейла между регионами внутри ФО)	0,10	0,11	0,14	0,13	0,13	0,13	0,13	0,15	0,14	0,14	0,14	0,14	0,13
Доля межокружного неравенства, %	36%	34%	30%	33%	34%	34%	34%	33%	33%	31%	30%	33%	34%
Доля внутриокружного неравенства, %	64%	66%	70%	67%	66%	66%	66%	67%	67%	69%	70%	67%	66%

Окончание таблицы В.1

Показатель \год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Коэффициент вариации	0,76	0,74	0,72	0,75	0,73	0,68	0,68	0,78	0,76	0,75	0,78	0,80	0,79	0,79
Размах вариации	1148406	1240194	1298398	1540374	1640177	1558339	1815651	2461837	2335548	2367654	2890979	3475161	3936245	4521169
Коэффициент осцилляции	4,31	4,23	4,12	4,42	4,22	3,57	3,81	4,53	4,05	4,01	3,87	4,16	4,14	4,13
Коэффициент Джини	0,32	0,31	0,30	0,30	0,31	0,30	0,30	0,33	0,33	0,32	0,35	0,35	0,34	0,34
Индекс Тейла	0,20	0,19	0,18	0,19	0,19	0,17	0,17	0,21	0,21	0,20	0,22	0,23	0,22	0,22
Межокружное неравенство (индекс Тейла между ФО)	0,07	0,06	0,05	0,06	0,06	0,06	0,06	0,07	0,07	0,08	0,09	0,09	0,09	0,09
Внутриокружное неравенство (индекс Тейла между регионами внутри ФО)	0,13	0,13	0,12	0,13	0,12	0,11	0,11	0,14	0,13	0,12	0,14	0,14	0,13	0,13
Доля межокружного неравенства, %	34%	33%	31%	31%	34%	35%	34%	34%	35%	39%	39%	38%	40%	40%
Доля внутриокружного неравенства, %	66%	67%	69%	69%	66%	65%	66%	66%	65%	61%	61%	62%	60%	60%

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ВРП на душу населения регионов России

Таблица В.2 – Рассчитанные показатели распределения ВРП на душу населения регионов России, 1998–2024 гг.

Показатель \год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
5 процентиль	6325	9486	12280	16975	22529	25639	30502	38284	49852	59173	76958	82504	94573
1 дециль	6887	10666	14940	21310	24624	29161	35451	43324	56200	73258	82122	93658	106994
2 дециль	8099	13379	19185	24456	29373	36938	44805	53653	69495	86964	107600	108440	125923
3 дециль	9338	15390	21209	27221	33790	40768	50035	60113	76831	95507	120724	124176	139894
4 дециль	10259	16200	23196	30224	37845	47095	56628	69317	85655	105528	134185	133210	154975
Медиана (5 дециль)	11001	17801	25798	33127	41327	50271	63512	77319	99578	126313	155104	152205	180352
6 дециль	12561	21630	29130	38277	46306	57223	74358	93447	112933	143209	175315	165717	196077
7 дециль	14367	23665	33924	42256	51525	63129	83423	104754	132294	164314	203952	186403	221749
8 дециль	17983	27596	40990	51971	63193	79486	101268	123045	153592	189045	229229	209984	261084
9 дециль	22997	41022	57127	65726	76535	92677	129759	156434	186039	234094	261006	293444	353973
95 процентиль	32473	49865	66495	91562	121174	135669	162379	195736	235659	272246	348857	371161	436370
Максимум (1 место)	58588	98130	176918	232236	275623	341147	467804	673208	773076	831305	934230	872422	977256
Минимум (последнее место)	3429	5098	6668	8001	7752	10332	14025	17435	21922	41341	47002	46174	48239
Среднее	13829	22650	32759	41951	51504	63448	80637	99610	123995	154716	188042	190898	221454

Окончание таблицы В.2

Показатель \год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
5 процентиль	107839	125771	145207	148260	175606	200623	209239	232087	246687	253254	277998	321119	366390	442574
1 дециль	126409	144312	159181	178393	188150	223451	235976	261174	275944	297056	347011	397645	474438	556445
2 дециль	148985	164825	181226	197017	220103	250671	273733	298207	322635	339739	390684	450059	524934	618827
3 дециль	170975	189138	212380	226567	252290	284867	305996	336892	361083	383226	437602	499097	577788	658891
4 дециль	185376	207205	227445	260469	284768	322499	349923	376118	396241	417621	503548	557893	666561	751454
Медиана (5 дециль)	222658	246402	262216	293884	320199	360575	398530	439317	456950	475481	597814	650263	739035	842000
6 дециль	235877	268053	286071	311933	348166	395683	442037	485710	505418	524095	642404	721758	813217	934487
7 дециль	271282	289380	304823	340275	389453	428072	467914	540398	585343	552767	736708	806824	896663	1050237
8 дециль	317989	346787	369946	394708	442325	503422	542313	596440	634422	644026	845654	890623	1061801	1243608
9 дециль	415247	423707	449737	496533	592570	713009	769908	894238	950843	997634	1306301	1422014	1553403	1680251
95 процентиль	543424	599690	625372	724091	883193	1078122	1178789	1306392	1575582	1778803	2125959	2339772	2809229	3159738
Максимум (1 место)	1212069	1326269	1401278	1654587	1748311	1681944	1944683	2602770	2486980	2510869	3033915	3639046	4118239	4725734
Минимум (последнее место)	63663	86075	102880	114213	108134	123604	129032	140933	151432	143215	142936	163885	181994	204566
Среднее	266365	293481	314956	348462	388634	436704	476154	543337	576478	589879	747610	835048	950882	1094864

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ВРП на душу населения регионов России

Таблица В.3 – Рассчитанные ранговые показатели межрегиональной экономической дифференциации, 1998–2024 гг.

Показатель \год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Децильный коэффициент (90 процентиль / 10 процентиль)	3,34	3,85	3,82	3,08	3,11	3,18	3,66	3,61	3,31	3,20	3,18	3,13	3,31
95 процентиль / 5 процентиль	5,13	5,26	5,41	5,39	5,38	5,29	5,32	5,11	4,73	4,60	4,53	4,50	4,61
Максимум/минимум	17,1	19,2	26,5	29,0	35,6	33,0	33,4	38,6	35,3	20,1	19,9	18,9	20,3
5 процентиль / медиана	0,57	0,53	0,48	0,51	0,55	0,51	0,48	0,50	0,50	0,47	0,50	0,54	0,52
1 дециль/медиана	0,63	0,60	0,58	0,64	0,60	0,58	0,56	0,56	0,56	0,58	0,53	0,62	0,59
2 дециль/медиана	0,74	0,75	0,74	0,74	0,71	0,73	0,71	0,69	0,70	0,69	0,69	0,71	0,70
8 дециль/медиана	1,63	1,55	1,59	1,57	1,53	1,58	1,59	1,59	1,54	1,50	1,48	1,38	1,45
9 дециль/медиана	2,09	2,30	2,21	1,98	1,85	1,84	2,04	2,02	1,87	1,85	1,68	1,93	1,96
95 процентиль / медиана	2,95	2,80	2,58	2,76	2,93	2,70	2,56	2,53	2,37	2,16	2,25	2,44	2,42
Первый регион/медиана	5,3	5,5	6,9	7,0	6,7	6,8	7,4	8,7	7,8	6,6	6,0	5,7	5,4
Последний регион/медиана	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3

Окончание таблицы В.3

Показатель \год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Децильный коэффициент (90 процентиль / 10 процентиль)	3,28	2,94	2,83	2,78	3,15	3,19	3,26	3,42	3,45	3,36	3,76	3,58	3,27	3,02
95 процентиль / 5 процентиль	5,04	4,77	4,31	4,88	5,03	5,37	5,63	5,63	6,39	7,02	7,65	7,29	7,67	7,14
Максимум/минимум	19,0	15,4	13,6	14,5	16,2	13,6	15,1	18,5	16,4	17,5	21,2	22,2	22,6	23,1
5 процентиль / медиана	0,48	0,51	0,55	0,50	0,55	0,56	0,53	0,53	0,54	0,53	0,47	0,49	0,50	0,53
1 дециль/медиана	0,57	0,59	0,61	0,61	0,59	0,62	0,59	0,59	0,60	0,62	0,58	0,61	0,64	0,66
2 дециль/медиана	0,67	0,67	0,69	0,67	0,69	0,70	0,69	0,68	0,71	0,71	0,65	0,69	0,71	0,73
8 дециль/медиана	1,43	1,41	1,41	1,34	1,38	1,40	1,36	1,36	1,39	1,35	1,41	1,37	1,44	1,48
9 дециль/медиана	1,86	1,72	1,72	1,69	1,85	1,98	1,93	2,04	2,08	2,10	2,19	2,19	2,10	2,00
95 процентиль / медиана	2,44	2,43	2,38	2,46	2,76	2,99	2,96	2,97	3,45	3,74	3,56	3,60	3,80	3,75
Первый регион/медиана	5,4	5,4	5,3	5,6	5,5	4,7	4,9	5,9	5,4	5,3	5,1	5,6	5,6	5,6
Последний регион/медиана	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3	0,2	0,2

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ВРП на душу населения регионов России

Таблица В.4 – Рассчитанные ранговые показатели межрегиональной экономической дифференциации, 1998–2024 гг.

Показатель \год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Сумма 10 первых	321538	544384	811678	1052106	1272657	1582777	1981884	2516806	3077373	3840163	4628057	4968994	5663453
Сумма 10 последних	57706	87582	122400	169784	207769	246247	304212	368220	479624	621473	753773	828279	934021
10 первых регионов / 10 последних регионов	5,6	6,2	6,6	6,2	6,1	6,4	6,5	6,8	6,4	6,2	6,1	6,0	6,1
Сумма 5 первых	196760	334024	515168	685524	876554	1082559	1307735	1714534	2096219	2647528	3231448	3476736	3852867
Сумма 5 последних	24037	36045	51187	69073	86617	102987	131242	159694	209563	273291	339495	368258	408933
5 первых регионов / 5 последних регионов	8,2	9,3	10,1	9,9	10,1	10,5	10,0	10,7	10,0	9,7	9,5	9,4	9,4
Сумма 20 первых	502416	832249	1241444	1577985	1920792	2387258	3046767	3801310	4669252	5785575	6955393	7233090	8348332
Сумма 20 последних	137716	216680	306855	406986	498801	603962	748653	892133	1150848	1477284	1804516	1889284	2172397
20 первых регионов / 20 последних регионов	3,6	3,8	4,0	3,9	3,9	4,0	4,1	4,3	4,1	3,9	3,9	3,8	3,8

Окончание таблицы В.4

Показатель \год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Сумма 10 первых	6813336	7338507	7753853	8736459	9783239	10823513	11799629	14355380	15228228	15781363	20604102	23395704	26246990	29928455
Сумма 10 последних	1094264	1267786	1440005	1556995	1654577	1933456	2054274	2228935	2389125	2491334	2820576	3216460	3764011	4414625
10 первых регионов / 10 последних регионов	6,2	5,8	5,4	5,6	5,9	5,6	5,7	6,4	6,4	6,3	7,3	7,3	7,0	6,8
Сумма 5 первых	4661352	5007739	5251410	6039474	6579874	7049891	7721855	9651040	10133185	10447826	13112843	14999216	17373468	20109455
Сумма 5 последних	482419	580019	649371	682309	717459	849055	904203	964031	1021563	1043365	1150594	1307154	1503424	1732168
5 первых регионов / 5 последних регионов	9,7	8,6	8,1	8,9	9,2	8,3	8,5	10,0	9,9	10,0	11,4	11,5	11,6	11,6
Сумма 20 первых	10053876	10883774	11545549	12800388	14404846	16127269	17543775	20764950	22103551	22510264	29550833	33070412	37300386	42893941
Сумма 20 последних	2550894	2904572	3228178	3526377	3813024	4409061	4751791	5143406	5522391	5765269	6693208	7702092	8977090	10559504
20 первых регионов / 20 последних регионов	3,9	3,7	3,6	3,6	3,8	3,7	3,7	4,0	4,0	3,9	4,4	4,3	4,2	4,1

Источник: рассчитано и составлено автором по данным ВРП на душу населения регионов России

Приложение Г

Таблица Г.1 – Экономическая типология регионов России

Регион	ВРП на душу населения, тыс. руб. (2023 г.)	Средний темп прироста за 5 лет, %	Уровень ВРП	Динамика
1	2	3	4	5
Российская Федерация	1073651	2,49		
Ненецкий авт. округ	11995394	0,11	Лидеры	Слабый рост
ЯНАО	10462220	1,5	Лидеры	Слабый рост
ХМАО	4945302	-0,92	Лидеры	Спад
Чукотский автономный округ	3895054	3,42	Лидеры	Средний рост
Сахалинская область	3538862	-0,25	Лидеры	Спад
Магаданская область	3017481	3,61	Лидеры	Сильный рост
г. Москва	2463550	3,15	Лидеры	Средний рост
Республика Саха (Якутия)	2230678	2,59	Развитые	Средний рост
г. Санкт-Петербург	1948244	2,38	Развитые	Средний рост
Мурманская область	1714648	1,83	Развитые	Средний рост
Камчатский край	1523850	2,71	Развитые	Средний рост
Республика Коми	1450357	0,85	Развитые	Слабый рост
Красноярский край	1307051	-0,43	Развитые	Спад
Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	1202434	-0,52	Развитые	Спад
Республика Татарстан	1145174	2,35	Развитые	Средний рост
Иркутская область	1086392	2,15	Развитые	Средний рост
Московская область	1072271	2,82	Развитые	Средний рост
Амурская область	1054056	9,59	Развитые	Сильный рост
Приморский край	1027410	5,04	Развитые	Сильный рост
Хабаровский край	985370	2,38	Развитые	Средний рост
Свердловская область	975701	2,43	Развитые	Средний рост
Вологодская область	961567	0,38	Средние	Слабый рост
Оренбургская область	961298	3,03	Средние	Средний рост
Ленинградская область	943552	2,11	Средние	Средний рост
Белгородская область	889769	2,02	Средние	Средний рост
Пермский край	878276	1,69	Средние	Средний рост
Томская область	870869	0,28	Средние	Слабый рост
Нижегородская область	870132	4,51	Средние	Сильный рост
Липецкая область	847501	2,71	Средние	Средний рост
Самарская область	844104	1,16	Средние	Слабый рост
Республика Карелия	825856	0,96	Средние	Слабый рост
Астраханская область	819952	1,59	Средние	Слабый рост

Продолжение таблицы Г.1

1	2	3	4	5
Краснодарский край	819069	3,33	Средние	Средний рост
Новосибирская область	793881	3,13	Средние	Средний рост
Архангельская область без Ненецкого авт.округа	793260	1,44	Средние	Слабый рост
Тульская область	778403	5,2	Средние	Сильный рост
Удмуртская Республика	766753	2,27	Средние	Средний рост
Челябинская область	761166	3,4	Средние	Средний рост
Калининградская область	760027	1	Средние	Слабый рост
Калужская область	740705	0,06	Средние	Слабый рост
Кемеровская область-Кузбасс	736456	1,36	Средние	Слабый рост
Забайкальский край	726780	5,49	Средние	Сильный рост
Республика Хакасия	715322	1,7	Средние	Средний рост
Ярославская область	713444	2,33	Средние	Средний рост
Новгородская область	712877	2,6	Средние	Средний рост
Курская область	702738	2,84	Средние	Средний рост
Еврейская автономная область	697096	3,52	Средние	Сильный рост
Владимирская область	677998	4,6	Средние	Сильный рост
Воронежская область	655627	1,17	Средние	Слабый рост
Ростовская область	647631	3,34	Средние	Средний рост
Смоленская область	640811	3,61	Средние	Сильный рост
Рязанская область	638082	3,29	Средние	Средний рост
Республика Калмыкия	627610	6,29	Средние	Сильный рост
Тверская область	622862	2	Средние	Средний рост
Республика Башкортостан	604343	1,09	Средние	Слабый рост
Омская область	578934	3,17	Средние	Средний рост
Орловская область	572561	2,55	Средние	Средний рост
Ульяновская область	572384	2,58	Средние	Средний рост
Волгоградская область	562548	1,98	Средние	Средний рост
Саратовская область	561624	3,52	Средние	Сильный рост
Костромская область	555311	2,77	Средние	Средний рост
Брянская область	546443	3,28	Средние	Средний рост
Тамбовская область	543704	2,13	Средние	Средний рост
Кировская область	534306	4,18	Средние	Сильный рост
Пензенская область	530871	4,31	Отстающие	Сильный рост
Республика Бурятия	517756	4,04	Отстающие	Сильный рост
Республика Мордовия	516285	3,03	Отстающие	Средний рост
Республика Алтай	514011	5,51	Отстающие	Сильный рост
Чувашская Республика	513894	3,97	Отстающие	Сильный рост
Курганская область	502403	3,94	Отстающие	Сильный рост
Псковская область	494040	2,46	Отстающие	Средний рост
Алтайский край	482474	3,27	Отстающие	Средний рост
Ивановская область	478108	3,75	Отстающие	Сильный рост
Ставропольский край	464154	3,51	Отстающие	Сильный рост

Окончание таблицы Г.1

1	2	3	4	5
Республика Марий Эл	453701	1,67	Отстающие	Средний рост
г. Севастополь	452270	2,37	Отстающие	Средний рост
Республика Адыгея	446662	3,42	Отстающие	Сильный рост
Республика Северная Осетия-Алания	392102	2,84	Отстающие	Средний рост
Республика Крым	377648	2,18	Отстающие	Средний рост
Республика Тыва	363158	0,94	Отстающие	Слабый рост
Кабардино-Балкарская Республика	321884	3,68	Отстающие	Сильный рост
Республика Дагестан	321237	1,21	Отстающие	Слабый рост
Карачаево-Черкесская Республика	305969	3,17	Отстающие	Средний рост
Чеченская Республика	257430	4,35	Отстающие	Сильный рост
Республика Ингушетия	182204	-0,9	Кризисные	Спад

Источник: рассчитано и составлено автором

Таблица Г.2 – Социальная типология регионов России

Регион	Доходы (скорректированные), тыс. руб.	Безработица, %	Уровень доходов	Безработица
1	2	3	4	5
Российская Федерация	53579	3,2		
ЯНАО	121432	1,5	Лидеры	Низкая
Ненецкий авт. округ	105872	6,4	Лидеры	Экстремально высокая
Чукотский автономный округ	94213	1,7	Лидеры	Низкая
г. Москва	81808	1,8	Лидеры	Низкая
Магаданская область	80972	3,4	Лидеры	Средняя
Сахалинская область	72686	2,8	Лидеры	Средняя
ХМАО	66949	1,8	Высокие	Низкая
Мурманская область	65534	3,4	Высокие	Средняя
г. Санкт-Петербург	64602	1,6	Высокие	Низкая
Республика Татарстан	60364	2,1	Высокие	Низкая
Московская область	58511	2,6	Высокие	Средняя
Камчатский край	56890	2,1	Высокие	Низкая
Свердловская область	56115	2,4	Высокие	Низкая
Белгородская область	54779	3,6	Высокие	Средняя
Республика Саха (Якутия)	54372	5,7	Высокие	Высокая
Краснодарский край	53163	2	Высокие	Низкая

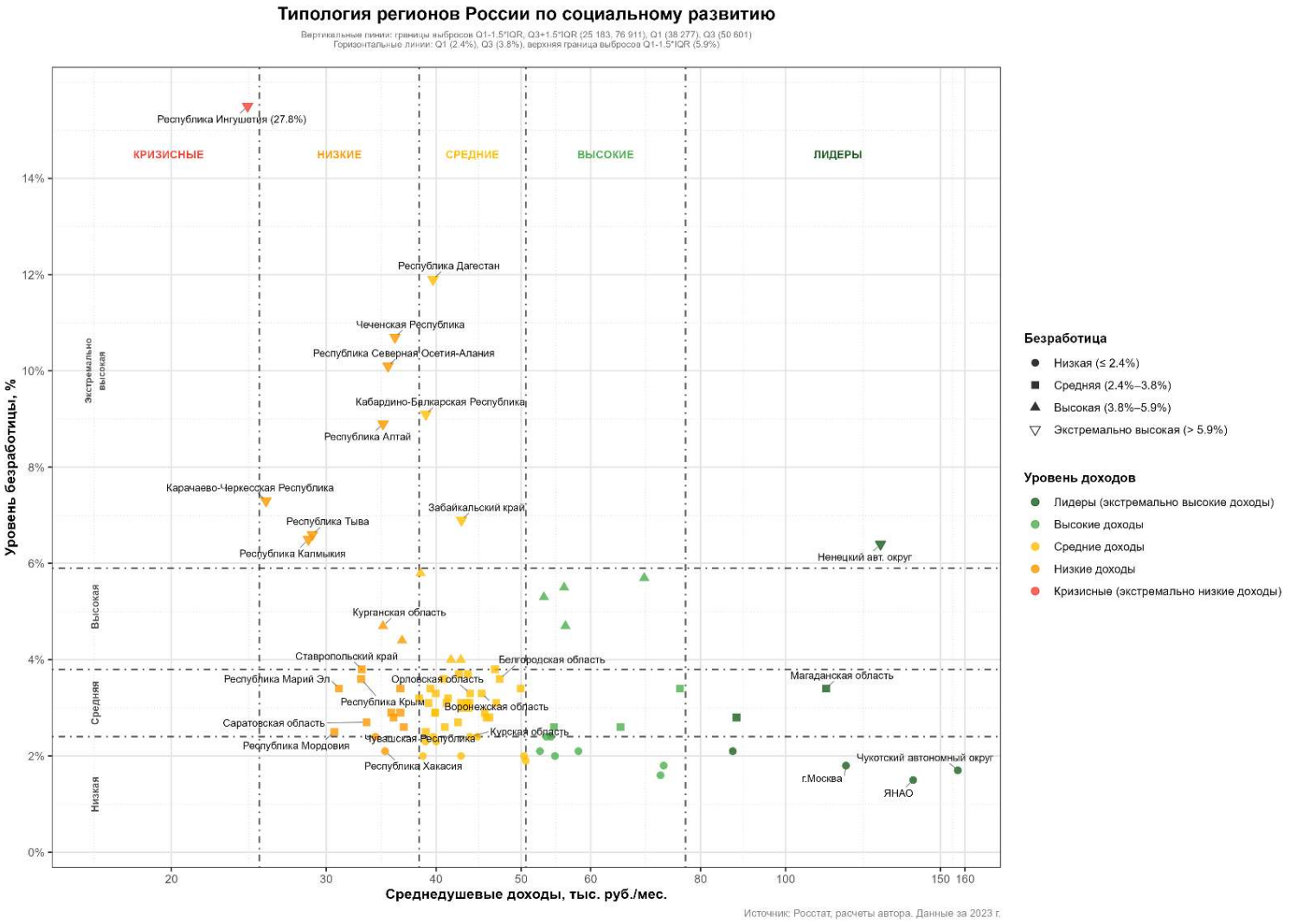
Продолжение таблицы Г.2

1	2	3	4	5
Нижегородская область	52644	1,9	Высокие	Низкая
Республика Коми	52524	4,7	Высокие	Высокая
Липецкая область	52310	2,9	Высокие	Средняя
Амурская область	51728	2,4	Высокие	Низкая
Архангельская область без Ненецкого авт.округа	51041	5,5	Высокие	Высокая
Новосибирская область	50682	3,4	Средние	Средняя
Орловская область	50438	3,3	Средние	Средняя
Республика Карелия	50323	5,3	Средние	Высокая
Хабаровский край	50017	2,1	Средние	Низкая
Красноярский край	49384	2	Средние	Низкая
Ярославская область	49382	3,8	Средние	Средняя
Республика Адыгея	48087	4	Средние	Высокая
Курская область	48015	2,4	Средние	Низкая
Приморский край	47830	2,6	Средние	Средняя
Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	47487	3,1	Средние	Средняя
Ростовская область	47461	3,1	Средние	Средняя
Костромская область	47427	3,1	Средние	Средняя
Пермский край	47324	2,8	Средние	Средняя
Воронежская область	47110	3,3	Средние	Средняя
Самарская область	46851	2	Средние	Низкая
Ленинградская область	46399	2,8	Средние	Средняя
Омская область	46353	3,6	Средние	Средняя
Иркутская область	45469	3,7	Средние	Средняя
Смоленская область	45371	3	Средние	Средняя
Калужская область	45012	2,4	Средние	Низкая
Челябинская область	44852	2,4	Средние	Низкая
Республика Дагестан	44805	11,9	Средние	Экстремально высокая
Тверская область	44777	3,2	Средние	Средняя
Республика Башкортостан	44569	2,3	Средние	Низкая
Тульская область	44445	2,7	Средние	Средняя
Кемеровская область-Кузбасс	44163	3,4	Средние	Средняя
Тамбовская область	43589	3,1	Средние	Средняя
Ивановская область	43568	3,1	Средние	Средняя
Новгородская область	43548	2,3	Средние	Низкая
Томская область	43267	4	Средние	Высокая
Брянская область	43042	2,6	Средние	Средняя
Удмуртская Республика	43007	2,5	Средние	Средняя

Окончание таблицы Г.2

1	2	3	4	5
Псковская область	42939	2,9	Средние	Средняя
Забайкальский край	42650	6,9	Средние	Экстремально высокая
Рязанская область	42614	2,9	Средние	Средняя
Астраханская область	42555	4,4	Средние	Высокая
Кировская область	42305	3,2	Средние	Средняя
Оренбургская область	42246	2,6	Средние	Средняя
Пензенская область	42171	2,9	Средние	Средняя
Калининградская область	41882	3	Средние	Средняя
Вологодская область	41326	3,1	Средние	Средняя
Кабардино-Балкарская Республика	41191	9,1	Средние	Экстремально высокая
Республика Северная Осетия-Алания	40596	10,1	Средние	Экстремально высокая
г. Севастополь	40515	3,3	Низкие	Средняя
Волгоградская область	40353	2,9	Низкие	Средняя
Республика Бурятия	39582	5,8	Низкие	Высокая
Владимирская область	39258	2	Низкие	Низкая
Чувашская Республика	39231	2,4	Низкие	Низкая
Курганская область	38729	4,7	Низкие	Высокая
Ульяновская область	38631	2,8	Низкие	Средняя
Чеченская Республика	38606	10,7	Низкие	Экстремально высокая
Саратовская область	38241	2,7	Низкие	Средняя
Еврейская автономная область	37662	3,7	Низкие	Средняя
Алтайский край	37272	3,4	Низкие	Средняя
Республика Хакасия	35674	2,1	Низкие	Низкая
Республика Мордовия	35575	2,5	Низкие	Средняя
Республика Марий Эл	35134	3,4	Низкие	Средняя
Республика Крым	34164	3,6	Низкие	Средняя
Республика Алтай	33869	8,9	Низкие	Экстремально высокая
Ставропольский край	33679	3,8	Низкие	Средняя
Республика Тыва	31910	6,6	Низкие	Экстремально высокая
Республика Калмыкия	31613	6,5	Низкие	Экстремально высокая
Республика Ингушетия	27885	27,8	Кризисные	Экстремально высокая
Карачаево-Черкесская Республика	27851	7,3	Кризисные	Экстремально высокая

Источник: рассчитано и составлено автором

Источник: рассчитано и составлено автором

Рисунок Г.1 – Типология регионов России по социальному развитию (номинальные доходы)

Таблица Г.3 – Инновационная типология регионов России

Регион	Доля инновационных товаров и услуг	Затраты на НИОКР в ВРП, %	Уровень затрат	Результат
1	2	3	4	5
Российская Федерация	5,97	0,949		
Нижегородская область	15,86	3,977	Лидеры	Высокий
Ульяновская область	11,68	2,022	Лидеры	Высокий
Московская область	9,29	1,967	Лидеры	Высокий
г. Санкт-Петербург	7	1,577	Лидеры	Средний
Ярославская область	6,32	1,681	Лидеры	Средний
Новосибирская область	5,75	1,678	Лидеры	Средний
г. Москва	4,94	1,662	Лидеры	Средний
Томская область	3,19	2,144	Лидеры	Средний
Калужская область	3,17	1,488	Лидеры	Средний
Тульская область	15,71	0,705	Высокие	Высокий
Челябинская область	14,44	0,911	Высокие	Высокий
Самарская область	12,91	0,907	Высокие	Высокий
Омская область	8,32	0,713	Высокие	Высокий
Пермский край	7,59	1,109	Высокие	Высокий
Свердловская область	6,93	0,905	Высокие	Средний
Пензенская область	6,23	0,69	Высокие	Средний
Новгородская область	3,71	0,764	Высокие	Средний
Владимирская область	3,7	0,681	Высокие	Средний
Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	3,31	1,243	Высокие	Средний
Воронежская область	2,92	0,672	Высокие	Средний
Красноярский край	2,56	0,813	Высокие	Средний
Архангельская область без Ненецкого авт.округа	25,43	0,285	Средние	Экстремально высокий
Республика Мордовия	23,35	0,32	Средние	Экстремально высокий
Республика Татарстан	19,78	0,655	Средние	Экстремально высокий
Белгородская область	11,79	0,307	Средние	Высокий
Хабаровский край	11,67	0,189	Средние	Высокий
Удмуртская Республика	11,36	0,204	Средние	Высокий
Чувашская Республика	9,6	0,192	Средние	Высокий
Ростовская область	8,98	0,575	Средние	Высокий
Тверская область	7,61	0,619	Средние	Высокий
Республика Башкортостан	7,41	0,581	Средние	Высокий
Смоленская область	7,04	0,411	Средние	Высокий
Ставропольский край	6,88	0,307	Средние	Средний

Продолжение таблицы Г.3

1	2	3	4	5
Волгоградская область	5,05	0,452	Средние	Средний
г. Севастополь	5,04	0,532	Средние	Средний
Тамбовская область	4,71	0,192	Средние	Средний
Кировская область	4,69	0,61	Средние	Средний
Ивановская область	4,53	0,215	Средние	Средний
Курская область	4,45	0,532	Средние	Средний
Мурманская область	4,3	0,315	Средние	Средний
Приморский край	3,73	0,499	Средние	Средний
Ленинградская область	3,5	0,575	Средние	Средний
Рязанская область	3,4	0,339	Средние	Средний
Республика Коми	2,73	0,333	Средние	Средний
Курганская область	2,21	0,143	Средние	Средний
Саратовская область	1,83	0,413	Средние	Средний
Алтайский край	1,77	0,253	Средние	Средний
Орловская область	1,32	0,24	Средние	Средний
Республика Карелия	1,19	0,311	Средние	Средний
Краснодарский край	1,15	0,169	Средние	Средний
Республика Северная Осетия-Алания	1,15	0,227	Средние	Средний
Калининградская область	0,98	0,275	Средние	Низкий
Республика Крым	0,67	0,287	Средние	Низкий
Кабардино-Балкарская Республика	0,53	0,373	Средние	Низкий
Камчатский край	0,53	0,398	Средние	Низкий
Карачаево-Черкесская Республика	0,36	0,459	Средние	Низкий
Республика Бурятия	0,31	0,254	Средние	Низкий
Республика Тыва	0,3	0,346	Средние	Низкий
Иркутская область	0,19	0,311	Средние	Низкий
Магаданская область	0,14	0,224	Средние	Низкий
Астраханская область	0,09	0,189	Средние	Низкий
Республика Саха (Якутия)	0,08	0,191	Средние	Низкий
Оренбургская область	9,09	0,091	Низкие	Высокий
Республика Марий Эл	7,53	0,108	Низкие	Высокий
Республика Адыгея	6,2	0,129	Низкие	Средний
Брянская область	5,29	0,134	Низкие	Средний
Липецкая область	4,92	0,089	Низкие	Средний
Вологодская область	3,58	0,108	Низкие	Средний
Республика Алтай	3,18	0,089	Низкие	Средний
Республика Ингушетия	1,6	0,089	Низкие	Средний
Костромская область	1,39	0,03	Низкие	Средний
Псковская область	1,14	0,09	Низкие	Средний
Республика Дагестан	1,07	0,109	Низкие	Средний

Окончание таблицы Г.3

1	2	3	4	5
Республика Хакасия	1,04	0,074	Низкие	Низкий
ХМАО	0,88	0,053	Низкие	Низкий
Ненецкий авт. округ	0,61	0,007	Низкие	Низкий
Кемеровская область-Кузбасс	0,46	0,137	Низкие	Низкий
Республика Калмыкия	0,35	0,083	Низкие	Низкий
Забайкальский край	0,13	0,097	Низкие	Низкий
Амурская область	0,13	0,121	Низкие	Низкий
Чеченская Республика	0,08	0,112	Низкие	Низкий
Сахалинская область	0,05	0,076	Низкие	Низкий
ЯНАО	0,04	0,008	Низкие	Низкий

Источник: рассчитано и составлено автором

Таблица Г.4 – Демографическая типология регионов России

Регион	Миграционный прирост, ‰	Естественный прирост, ‰	Суммарный прирост, ‰	Тип
1	2	3	4	5
Российская Федерация	1,4	-3,3	-1,9	
Республика Калмыкия	9,1	-0,4	8,7	Рост за счёт миграции
Московская область	9,4	-2,5	6,9	Рост за счёт миграции
Ленинградская область	11,4	-5,4	6	Рост за счёт миграции
г. Севастополь	9	-3,4	5,6	Рост за счёт миграции
Республика Адыгея	7,1	-1,9	5,2	Рост за счёт миграции
Краснодарский край	5,6	-3,3	2,3	Рост за счёт миграции
Калининградская область	6	-4,4	1,6	Рост за счёт миграции
Камчатский край	2,4	-1,6	0,8	Рост за счёт миграции
Республика Татарстан	2	-1,6	0,4	Рост за счёт миграции
Красноярский край	3,4	-3,1	0,3	Рост за счёт миграции
Чеченская Республика	-3	15,4	12,4	Рост за счёт рождаемости
Республика Дагестан	-1,6	8,6	7	Рост за счёт рождаемости

Продолжение таблицы Г.4

1	2	3	4	5
ЯНАО	-0,5	7,4	6,9	Рост за счёт рождаемости
Кабардино-Балкарская Республика	-1	3,5	2,5	Рост за счёт рождаемости
Республика Тыва	-7,4	8,1	0,7	Рост за счёт рождаемости
Республика Алтай	-2,1	2,2	0,1	Рост за счёт рождаемости
Карачаево-Черкесская Республика	-1,3	0,9	-0,4	Убыль из-за миграции
Республика Северная Осетия-Алания	-3,5	0,7	-2,8	Убыль из-за миграции
г. Санкт-Петербург	1,7	-2,1	-0,4	Убыль из-за рождаемости
Новосибирская область	1,8	-3,5	-1,7	Убыль из-за рождаемости
Ставропольский край	0,5	-2,3	-1,8	Убыль из-за рождаемости
Калужская область	3,2	-5,5	-2,3	Убыль из-за рождаемости
Ростовская область	2,4	-5,2	-2,8	Убыль из-за рождаемости
Челябинская область	0,6	-3,8	-3,2	Убыль из-за рождаемости
Мурманская область	1	-4,5	-3,5	Убыль из-за рождаемости
Республика Марий Эл	0,8	-4,4	-3,6	Убыль из-за рождаемости
Республика Крым	1,7	-5,4	-3,7	Убыль из-за рождаемости
Свердловская область	0,3	-4,1	-3,8	Убыль из-за рождаемости
Самарская область	1,1	-5,8	-4,7	Убыль из-за рождаемости
Воронежская область	1,9	-7,1	-5,2	Убыль из-за рождаемости
Курская область	1,6	-7,4	-5,8	Убыль из-за рождаемости
Ярославская область	1,4	-7,3	-5,9	Убыль из-за рождаемости
Рязанская область	2,7	-8,8	-6,1	Убыль из-за рождаемости
Тульская область	1,8	-8,7	-6,9	Убыль из-за рождаемости
Нижегородская область	0	-7	-7	Убыль из-за рождаемости

Продолжение таблицы Г.4

1	2	3	4	5
Республика Мордовия	0,2	-7,3	-7,1	Убыль из-за рождаемости
Кировская область	0,4	-7,5	-7,1	Убыль из-за рождаемости
Республика Карелия	0,8	-8,4	-7,6	Убыль из-за рождаемости
Новгородская область	1,4	-9,1	-7,7	Убыль из-за рождаемости
Республика Бурятия	-1,5	-1,2	-2,7	Устойчивая убыль
Республика Башкортостан	-0,2	-3	-3,2	Устойчивая убыль
Республика Хакасия	-0,2	-3,6	-3,8	Устойчивая убыль
Астраханская область	-2,5	-2	-4,5	Устойчивая убыль
Хабаровский край	-0,4	-4,1	-4,5	Устойчивая убыль
Удмуртская Республика	-1,4	-3,8	-5,2	Устойчивая убыль
Чувашская Республика	-0,8	-4,4	-5,2	Устойчивая убыль
Пермский край	-0,9	-4,3	-5,2	Устойчивая убыль
Иркутская область	-2,6	-3,2	-5,8	Устойчивая убыль
Сахалинская область	-2,9	-3,4	-6,3	Устойчивая убыль
Вологодская область	-0,7	-5,8	-6,5	Устойчивая убыль
Волгоградская область	-0,5	-6	-6,5	Устойчивая убыль
Ульяновская область	-0,4	-6,4	-6,8	Устойчивая убыль
Оренбургская область	-2	-5	-7	Устойчивая убыль
Магаданская область	-3,1	-3,9	-7	Устойчивая убыль
Алтайский край	-0,8	-6,5	-7,3	Устойчивая убыль
Приморский край	-2,1	-5,3	-7,4	Устойчивая убыль
Омская область	-2,8	-4,8	-7,6	Устойчивая убыль
Республика Коми	-3,3	-4,7	-8	Устойчивая убыль
Кемеровская область-Кузбасс	-1,4	-6,6	-8	Устойчивая убыль
Амурская область	-3,2	-4,8	-8	Устойчивая убыль
Саратовская область	-1,2	-6,9	-8,1	Устойчивая убыль
Забайкальский край	-5	-3,1	-8,1	Устойчивая убыль
Томская область	-4,6	-3,6	-8,2	Устойчивая убыль
Пензенская область	-0,3	-8,2	-8,5	Устойчивая убыль
Архангельская область без Ненецкого авт.округа	-2,1	-6,6	-8,7	Устойчивая убыль
Брянская область	-1,4	-7,4	-8,8	Устойчивая убыль
Липецкая область	-1,6	-7,3	-8,9	Устойчивая убыль
Белгородская область	-2,4	-6,8	-9,2	Устойчивая убыль
Тверская область	-0,2	-9,2	-9,4	Устойчивая убыль
Ивановская область	-0,8	-8,8	-9,6	Устойчивая убыль
Костромская область	-2,2	-7,6	-9,8	Устойчивая убыль

Окончание таблицы Г.4

1	2	3	4	5
Тамбовская область	-1,4	-8,8	-10,2	Устойчивая убыль
Смоленская область	-1,1	-9,4	-10,5	Устойчивая убыль
Орловская область	-2,1	-9,1	-11,2	Устойчивая убыль
Псковская область	-1,4	-9,9	-11,3	Устойчивая убыль
Курганская область	-2,9	-8,4	-11,3	Устойчивая убыль
Еврейская автономная область	-6,1	-5,2	-11,3	Устойчивая убыль
Владимирская область	-2,7	-9	-11,7	Устойчивая убыль
Ненецкий авт. округ	18,4	1,6	20	Устойчивый рост
ХМАО	12,1	4,6	16,7	Устойчивый рост
Республика Ингушетия	3,7	11,7	15,4	Устойчивый рост
Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	3,6	0,8	4,4	Устойчивый рост
Республика Саха (Якутия)	0,8	3,5	4,3	Устойчивый рост

Источник: рассчитано и составлено автором

Приложение Д

Таблица Д.1 – Динамика ВРП на душу населения Курской области и её соседей

Регион\год	2020	2021	2022	2023	2024
ВРП по субъектам Российской Федерации - всего	668 155	862 825	980 616	1 114 286	1 276 523
ЦФО	916 682	1 113 875	1 231 436	1 456 823	1 643 743
Белгородская область	651 442	890 450	847 356	899 204	1 015 794
Брянская область	356 545	419 276	479 039	562 424	636 575
Воронежская область	474 836	571 298	611 013	677 821	757 722
Курская область	484 718	642 704	625 262	710 101	788 412
Липецкая область	542 982	753 364	695 068	851 152	939 205
Орловская область	398 683	482 335	527 011	576 114	639 833

Источник: Росстат

Таблица Д.2 – Динамика ИФР ВРП на душу населения Курской области и её соседей

Регион\год	2020	2021	2022	2023	2024
ВРП по субъектам Российской Федерации - всего	98,3	107,2	100,2	105,2	104,5
ЦФО	100,3	109,3	98,9	108,4	105,8
Белгородская область	100,0	102,7	99,1	103,2	102,3
Брянская область	99,5	103,7	99,8	106,2	101,0
Воронежская область	97,8	104,0	97,4	103,7	102,0
Курская область	102,1	105,8	94,5	105,4	100,0
Липецкая область	102,7	104,3	91,9	113,3	101,7
Орловская область	100,1	101,8	96,8	105,2	101,1

Источник: Росстат

Таблица Д.3 – Отраслевая структура добавленной стоимости Курской области и её соседей, 2024 г.

Регион\раздел	Раздел A	Раздел B	Раздел C	Раздел D	Раздел E	Раздел F	Раздел G	Раздел H	Раздел I	Раздел J
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Строительство	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Транспортировка и хранение	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Деятельность в области информации и связи
РФ из суммы субъектов	3,5	13,7	15,2	2,1	0,5	5,6	13,0	7,1	1,1	4,0
ЦФО	2,3	0,7	15,7	2,0	0,5	4,4	15,3	7,0	1,1	7,5
Белгородская	13,9	20,0	17,0	1,2	0,4	4,9	11,1	5,4	0,5	1,8
Брянская	18,7	0,0	22,0	2,4	0,5	2,9	11,9	7,7	0,8	1,8
Воронежская	13,3	0,5	15,3	2,4	0,6	6,2	15,5	5,7	1,0	2,1
Курская	12,6	8,8	18,5	3,7	0,5	7,7	10,8	4,6	0,6	1,3
Липецкая	8,5	0,5	37,7	1,2	1,0	6,6	9,7	4,8	0,7	2,0
Орловская	20,7	0,2	17,1	1,8	0,5	3,3	13,5	6,9	0,7	2,0

Окончание таблицы Д.3

Регион\раздел	Раздел K	Раздел L	Раздел M	Раздел N	Раздел O	Раздел P	Раздел Q	Раздел R	Раздел S	Раздел T
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
	Деятельность финансовая и страховая	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Деятельность профессиональная, научная и техническая	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	Образование	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	Предоставление прочих видов услуг	Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству)
РФ из суммы субъектов	3,9	10,7	5,0	2,2	4,8	3,1	2,9	1,1	0,5	0,0
ЦФО	7,9	12,7	7,9	3,2	4,2	2,7	2,7	1,5	0,7	0,0
Белгородская	1,6	7,9	1,8	1,1	4,2	3,4	2,7	0,7	0,4	0,0
Брянская	1,6	10,8	1,5	1,2	7,3	3,8	3,9	0,8	0,4	0,0
Воронежская	3,4	11,3	5,2	2,2	6,2	3,8	4,0	0,8	0,5	0,0
Курская	1,3	10,3	3,2	1,1	6,2	4,2	3,6	0,6	0,4	0,0
Липецкая	1,0	11,3	1,6	1,5	4,7	2,9	3,3	0,7	0,3	0,0
Орловская	2,1	10,4	1,8	1,2	7,1	5,2	4,1	0,9	0,5	0,0

Источник: Росстат

Таблица Д.4 – ИФО валовой добавленной стоимости Курской области и её соседей, 2024 г.

Регион\раздел	Раздел A	Раздел B	Раздел C	Раздел D	Раздел E	Раздел F	Раздел G	Раздел H	Раздел I	Раздел J
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Строительство	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Транспортировка и хранение	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Деятельность в области информации и связи
РФ из суммы субъектов	98,6	100,3	106,3	102,9	102,1	107,4	104,9	103,6	117,6	112,7
ЦФО	95,7	101,1	106,0	102,6	102,2	97,4	105,8	103,3	122,0	115,0
Белгородская	93,8	99,7	103,4	95,5	99,8	102,2	107,4	111,8	107,8	106,1
Брянская	96,1	129,3	107,5	103,9	89,4	97,4	102,4	101,9	106,2	106,3
Воронежская	87,8	98,2	106,1	100,5	100,6	103,1	106,5	107,3	114,7	107,2
Курская	87,5	100,9	108,4	85,9	99,4	104,0	102,6	113,1	118,3	102,9
Липецкая	98,2	99,6	93,9	95,9	148,2	126,6	107,8	114,0	116,0	105,6
Орловская	98,8	105,4	113,3	87,6	97,1	109,3	93,6	96,7	112,9	96,5

Окончание таблицы Д.4

Регион\раздел	Раздел K	Раздел L	Раздел M	Раздел N	Раздел O	Раздел P	Раздел Q	Раздел R	Раздел S	Раздел T
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
	Деятельность финансовая и страховая	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Деятельность профессиональная, научная и техническая	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	Образование	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	Предоставление прочих видов услуг	Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству)
РФ из суммы субъектов	107,4	104,6	109,7	105,9	98,9	100,5	103,5	105,5	105,2	0,0
ЦФО	109,3	104,8	112,0	103,1	100,2	100,8	105,4	106,1	103,8	0,0
Белгородская	139,2	104,0	104,3	104,4	100,5	98,9	102,2	102,1	104,6	0,0
Брянская	92,0	103,4	86,8	107,9	96,5	101,1	98,2	76,4	123,9	0,0
Воронежская	103,3	103,4	105,8	111,0	100,5	97,2	102,9	102,5	102,9	0,0
Курская	101,6	99,9	98,1	96,2	97,9	97,7	101,8	90,5	98,6	0,0
Липецкая	98,1	106,4	111,9	123,9	98,2	100,6	109,5	99,0	101,6	0,0
Орловская	99,9	103,5	96,6	117,9	98,7	99,1	101,7	94,1	106,7	0,0

Источник: Росстат

Таблица Д.5 – Динамика ИФО инвестиций в основной капитал Курской области и её соседей

Регион\год	2020	2021	2022	2023	2024	2025
РФ	99,9	108,6	106,7	109,8	108,4	97,7
ЦФО	101,2	114,5	101,9	108,2	104,6	100,7
Белгородская область	96,3	93,5	100,6	99,0	104,6	82,3
Брянская область	110,2	103,2	95,2	94,5	116,1	78,9
Воронежская область	84,5	104,1	104,9	100,5	88,3	88,9
Курская область	88,4	131,8	88,5	103,6	104,0	92,9
Липецкая область	103,5	100,2	80,0	104,1	120,9	77,9
Орловская область	91,4	99,6	87,7	88,8	104,3	109,1

Источник: Росстат

Таблица Д.6 – Доля инвестиций в основной капитал в ВРП Курской области и её соседей, %

Регион\год	2019	2020	2021	2022	2023
ЦФО	18,4	19,3	19,1	20,6	20,7
Белгородская область	17,5	17	12,4	15,3	15,8
Брянская область	15,9	18,2	17,3	16,6	15,2
Воронежская область	29,8	24,4	22,4	25,2	25
Курская область	28,8	26,2	28,1	30,6	31,1
Липецкая область	27,2	27,8	21	21,3	19,7
Орловская область	21	19,5	17,4	16,5	14,7

Источник: Росстат

Таблица Д.7 – Уровень безработицы Курской области и её соседей, %

Регион\год	2019	2020	2021	2022	2023	2024
РФ	4,6	5,8	4,8	4	3,2	2,5
ЦФО	2,9	3,9	3,5	3	2,5	1,8
Белгородская область	3,9	4,9	4,2	3,7	3,6	2,9
Брянская область	3,8	4	3,4	3,2	2,6	2,3
Воронежская область	3,5	4,3	3,8	3,5	3,3	2,6
Курская область	3,9	4,8	3,9	2,9	2,4	1,9
Липецкая область	3,8	4,3	4,3	3,7	2,9	2,1
Орловская область	5,3	6,1	4,7	4	3,3	2,6

Источник: Росстат

Таблица Д.8 – Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума Курской области и её соседей, %

Регион\год	2019	2020	2021	2022	2023	2024
РФ	12,4	12,2	11,1	9,0	8,3	7,1
Белгородская область	7,8	7,2	7,0	6,0	5,6	4,4
Брянская область	13,8	13,6	13,0	11,4	11,2	9,1
Воронежская область	8,9	8,5	7,9	6,9	6,7	5,4
Курская область	9,9	9,9	9,1	7,7	7,4	6,3
Липецкая область	8,7	8,6	8,3	7,0	6,7	5,9
Орловская область	13,6	12,9	12,1	10,9	9,5	6,9

Источник: Росстат

Таблица Д.9 – Доля НИОКР в ВРП Курской области и её соседей, %

Регион\год	2019	2020	2021	2022	2023
РФ по субъектам	1,19	1,25	1,07	1,03	1,05
ЦФО	1,74	1,85	1,61	1,63	1,60
Белгородская область	0,28	0,29	0,29	0,34	0,32
Брянская область	0,17	0,14	0,07	0,17	0,13
Воронежская область	0,96	1,03	0,89	0,82	0,72
Курская область	0,58	0,71	0,56	0,51	0,54
Липецкая область	0,16	0,17	0,09	0,22	0,10
Орловская область	0,28	0,26	0,21	0,25	0,24

Источник: Росстат

Таблица Д.10 – Уровень инновационной активности предприятий Курской области и её соседей, %

Регион\год	2019	2020	2021	2022	2023
РФ	9,1	10,8	11,9	11,0	11,3
ЦФО	10,8	12,5	12,6	11,0	12,0
Белгородская область	15,1	18,0	17,0	15,1	15,4
Брянская область	10,1	10,9	13,5	12,1	10,5
Воронежская область	13,4	15,9	12,6	10,4	10,7
Курская область	5,4	7,6	6,8	7,3	8,2
Липецкая область	11,1	11,5	13,7	12,1	11,9
Орловская область	10,4	13,7	15,3	13,2	13,1

Источник: Росстат